НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора **Н. О. ЛОССКАГО и Э. Л. РАДЛОВА.**

СБОРНИКЪ ПЕРВЫЙ.

ФИЛОСОФІЯ И ЕЯ ПРОБЛЕМЫ.

Книгоиздательство „ОБРАЗОВАНІЕ“, СПб.
1912.

ГОВ. 1957

101665

Типо-литографія „Энергія“, Спб., Загородный пр. 17.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предпринятое нами изданіе имѣетъ цѣлью знакомить русскую публику, интересующуюся движеніемъ философской мысли, съ новыми теченіями въ этой области. Слѣдуетъ признаться, что наука находится въ условіяхъ болѣе благопріятныхъ, чѣмъ философія; наука можетъ предложить вниманію читателя вновь открытые факты или новое, болѣе удовлетворительное объясненіе старыхъ; философія же имѣетъ дѣло съ проблемами, которыя были уже въ древности поставлены передъ умомъ человѣка, и онѣ сохраняютъ всю свою загадочность и до настоящаго времени. Углубленіе замѣтно лишь въ томъ отношеніи, что новѣйшей философіи яснѣе предстоятъ всѣ трудности возможнаго рѣшенія, но отъ самаго рѣшенія настоящее время столь же далеко, какъ и греческая мудрость. Въ виду этого „Новыя идеи въ философіи“ не навязываютъ читателю какую-либо опредѣленную догматику, а предоставляютъ ему свободу выбора изъ доставленнаго матеріала. Нами задуманъ рядъ выпусковъ, въ которыхъ постепенно будутъ затронуты основныя задачи философіи и указаны различныя ихъ рѣшенія у современныхъ философовъ. Настоящій выпускъ посвященъ выясненію точки зрѣнія различныхъ философовъ на характеръ философіи. Въ него вошли статьи совершенно различныхъ направленій. На ряду со статьей Берсона помѣщена работа Гольперца. Нѣкоторыя весьма содержательныя статьи, касающіяся того же предмета, не вошли

въ составъ сборника, потому что онъ уже извѣстны русской публикѣ, притомъ въ хорошемъ переводѣ. Такова напр., замѣчательная статья Виндельбанда, «Что такое философія?», превосходно переведенная С. Л. Франкомъ и помѣщенная въ сборникѣ статей Виндельбанда. «Прелюдіи». То же слѣдуетъ сказать и о В. Вундтѣ: его точка зрѣнія изложена имъ въ его «Введеніи въ философію», имѣющемся въ нѣсколькихъ русскихъ переводахъ.

Въ ближайшемъ будущемъ предположено издать два сборника, посвященныхъ современнымъ направленіямъ въ гносеологіи. Дальнѣйшіе сборники будутъ посвящены вопросу о предметѣ психологіи, философіи математики и естествознанія, русской философіи и т. д.

Въ составъ сборниковъ войдутъ переводныя статьи, а также и оригинальныя, написанныя русскими философами. Въ сборникахъ по мѣрѣ надобности будутъ даны и библіографическія указанія.

Н. О. Лосскій и Э. Л. Радловъ.

12 Марта 1912.
СПБ.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора Н. О. ЛОССКАГО и Э. Л. РАДЛОВА.

Сборникъ № 1.

Философія и ея проблемы.

Изд-ство „Образованіе“ СПб.
1912

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“, СПБ., Николаевская, 9. — Телефонъ № 75-51.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЗИКѢ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. заслужен. проф. И. И. Боргмана.

Изданіе сборниковъ «Новыя идеи въ физикѣ» имѣетъ цѣлью ознакомленіе русскихъ читателей съ различными, существующими въ настоящее время, воззрѣніями по наиболѣе важнымъ вопросамъ физики. Каждый отдѣльный сборникъ будетъ посвященъ выясненію одного или двухъ основныхъ вопросовъ и будетъ заключать въ себѣ статьи, наиболѣе доступныя для лицъ, не обладающихъ большими знаніями по математикѣ, въ которыхъ авторы разсматриваютъ эти вопросы съ различныхъ точекъ зрѣнія.

Содержаніе сборниковъ:

Сборникъ № 1. Строеніе вещества. — Ж. Перренъ. Броуновское движеніе и молекулы.—Э. Рётсерфордъ. Современное состояніе атомической теоріи въ физикѣ. — И. Боргманъ. Возникновеніе электронной теоріи вещества. — Л. Кельвинъ. Эпинусъ атомизированный. — Л. Кельвинъ. 3 мелкія статьи относящіяся къ модели радіоактивныхъ атомовъ. — Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Распредѣленіе корпеслей въ атомѣ. Второе изданіе. Цѣна 80 коп.

Сборникъ № 2. Эѳиръ и матерія. — П. Ленардъ. Эѳиръ и матерія. — Сэръ Дж. Дж. Томсонъ. Взаимоотношеніе между матеріей и эѳиромъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ въ области электричества. — М. Я. Якобсонъ. Опредѣленіе отношенія массы къ вѣсу въ случаѣ радіоактивнаго вещества (извлеч. изъ статьи Л. Саутсэрнса). — Н. Кэмбль. Эѳиръ. — М. Планкъ. Положеніе новѣйшей физики по отношенію къ механическому міровоззрѣнію. Ц. 80 к.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія книги признаны подлежащими внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Сборникъ № 3. Принципъ относительности. — В. Бурсіанъ. Опытныя изслѣдованія по вопросу о вліяніи движенія вещества на эѳиръ. — І. Классенъ. Принципъ относительности въ современной физикѣ. — А. Эйнштейнъ. Принципъ относительности и его слѣдствіе въ современной физикѣ.—Дж. Льюисъ и Рич. Тольманъ. Принципъ относительности и не-ньютоновская механика. Ф. Франкъ. Принципъ относительности и изображеніе физическихъ явленій въ четырехмѣрномъ пространствѣ. Ц. 80 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Сборникъ № 4. Давленіе свѣта. — † П. И. Лебедевъ. О давленіи свѣта. — П. П. Лазаревъ. Фотохимія.—Б. С. Швецовъ. Флюоресценція и форфоресценція.

Сборникъ № 5. Природа свѣта. (Предполагаемое содержаніе).—П. С. Эрнфестъ. Групповая скорость свѣта.—Ф. Ф. Соколовъ. Природа бѣлаго свѣта. Д. С. Рождественскій. Дисперія свѣта.—А. Эйнштейнъ. О развитіи нашихъ воззрѣній на сущность и строеніе лученспусканія.

А. Бергсонъ.

Философская интуиція [1]).

Я намѣренъ, милостивые государи, предложить на ваше обсужденіе нѣсколько мыслей касательно философскаго духа. Мнѣ кажется—и свидѣтельствомъ этого является не одинъ докладъ, представленный на настоящемъ конгрессѣ—что метафизика въ данный моментъ старается стать проще, подойти ближе къ жизни. Я думаю, что, поступая такъ, она права, и что въ этомъ именно направленіи должны мы работать. Но я полагаю также, что, дѣйствуя такимъ образомъ, мы не совершимъ ничего революціоннаго. Мы придадимъ лишь наиболѣе свойственную форму тому, что̀ является сущностью всякой философіи—я имѣю въ виду всякую философію, которая вполнѣ сознаетъ свое назначеніе и свою функцію. Изъ за сложности буквы и словеснаго выраженія не слѣдуетъ терять изъ вида простоты духа. Если считаться лишь съ ученіями такъ, какъ они формулированы въ синтезахъ, какъ будто бы охватывающихъ результаты всѣхъ предшествующихъ философій и совокупность наличныхъ знаній, то рискуютъ не замѣтить то по существу самочинное, что̀ имѣется въ философской мысли.

[1]) Рѣчь на философскомъ конгрессѣ въ Болоньѣ, произнесенная 10 апрѣля 1911 г.

Вѣроятно, всѣ тѣ изъ насъ, которые преподаютъ исторію философіи, всѣ тѣ, кому часто доводилось возвращаться къ изученію тѣхъ же самыхъ системъ и такимъ образомъ все болѣе и болѣе углубляться въ нихъ, могли сдѣлать слѣдующее наблюденіе. На первыхъ порахъ философская система встаетъ передъ нами, какъ законченное зданіе, съ очень искусной архитектурой, и устроенное такъ, чтобы въ немъ удобно могли умѣститься всѣ проблемы. Созерцая ее въ этомъ видѣ, мы испытываемъ эстетическое удовольствіе, усиливаемое профессіональнымъ удовлетвореніемъ. Дѣйствительно, мы не только находимъ здѣсь порядокъ въ сложномъ (порядокъ, который мы любимъ иногда при описаніи дополнять), но мы рады также возможности сказать себѣ, что мы знаемъ, откуда получены матеріалы и какъ произведена постройка. Въ поставленныхъ философомъ проблемахъ мы распознаемъ вопросы, которые волновали его современниковъ. Въ даваемыхъ имъ рѣшеніяхъ мы—кажется намъ—находимъ размѣщенными въ порядкѣ или въ безпорядкѣ, но едва измѣненными, элементы предшествующихъ или современныхъ ему философскихъ концепцій. Такую то идею онъ заимствовалъ у этого автора, такая то другая была подсказана ему вотъ тѣмъ мыслителемъ. Зная то, что философъ прочелъ, услышалъ, узналъ, мы могли бы безъ сомнѣнія наново создать бо́льшую часть того, что онъ сдѣлалъ. И вотъ мы садимся за работу, добираемся до источниковъ. взвѣшиваемъ вліянія, извлекаемъ сходства, и подъ конецъ начинаемъ ясно различать въ системѣ то, что мы въ ней искали: болѣе или менѣе оригинальный синтезъ тѣхъ идей, въ обстановкѣ которыхъ жилъ философъ.

Но, если намъ приходится имѣть часто дѣло съ идеями великаго мыслителя, то мало по малу, процессомъ какой то незамѣтной инфильтраціи, мы проника-

емся совершенно инымъ чувствомъ. Я не говорю, что нашъ первоначальный трудъ сравниванія былъ потерянной работой: безъ такого предварительнаго усилія, безъ такой попытки возсоздать философскую систему изъ того, что̀ не есть она, и связать ее съ тѣмъ, что̀ было вокругъ нея, мы бы, можетъ быть, никогда не узнали, что̀ по истинѣ есть она. Такъ ужъ устроенъ человѣческій духъ: онъ начинаетъ понимать новое лишь тогда, когда онъ все испробовалъ, чтобы свести его къ старому. Но, по мѣрѣ того, какъ мы все болѣе пытаемся войти внутрь мысли философа, вмѣсто того, чтобы ходить вокругъ нея, мы замѣчаемъ, какъ его ученіе преображается. Во первыхъ уменьшается сложность системы. Затѣмъ части начинаютъ входить другъ въ друга. Наконецъ, все стягивается въ одну единственную точку, къ которой—какъ мы чувствуемъ—можно безпредѣльно приблизиться, хотя безъ надежды когда нибудь достигнуть ея.

Въ этой точкѣ находится нѣчто простое, безконечно простое, столь необыкновенно простое, что философу никогда не удалось высказать его. И вотъ почему онъ говорилъ всю свою жизнь. Онъ не могъ формулировать того, что̀ онъ имѣлъ въ умѣ, такъ, чтобы не испытать потомъ повелительной потребности поправить свою формулу, а потомъ поправить поправку. И такимъ образомъ, переходя отъ теоріи къ теоріи, поправляя себя—въ то время, какъ онъ думалъ, что дополняетъ себя—онъ, путемъ усложненій, нагроможденныхъ на усложненія, и аргументовъ, слѣдовавшихъ за аргументами, пытался лишь передать со все бо́льшимъ приближеніемъ простоту своей оригинальной интуиціи. Вся необыкновенная сложность его системы — сложность, которая могла бы простираться до безконечности—выражаетъ лишь несоизмѣримость между его простой интуиціей и средствами, которыми онъ располагалъ для выраженія ея.

Какова эта интуиція? Но вѣдь если самъ философъ не могъ найти для нея формулы, то не намъ рѣшить эту задачу. Что̀ мы можемъ уловить и закрѣпить, такъ это нѣкоторый образъ, промежуточный между простотой конкретной интуиціи и сложностью выражающихъ ее абстракцій, неуловимый и каждый разъ вновь исчезающій,—образъ, который, незамѣченный, можетъ быть, держитъ въ своей власти духъ философа, слѣдуетъ за нимъ, какъ тѣнь, по всѣмъ извилинамъ его мысли и который, если и не есть сама интуиція, то приближается къ ней несравненно больше, чѣмъ то абстрактное, и по неволѣ символическое, выраженіе, къ какому должна прибѣгнуть интуиція, чтобы доставить „объясненія“. Разсмотримъ хорошенько эту тѣнь: мы угадаемъ тогда занятое отбрасывающимъ ее тѣломъ положеніе. А если мы дѣлаемъ усиліе, чтобы воспроизвести это положеніе или, даже лучше, чтобы внѣдриться въ него, то мы увидимъ, въ мѣру возможнаго, то, что̀ увидѣлъ философъ.

Что характеризуетъ прежде всего этотъ образъ, такъ это заключенная въ немъ сила отрицанія. Вы помните, какъ поступалъ демонъ Сократа: въ извѣстный моментъ онъ останавливалъ волю философа и скорѣе препятствовалъ ему дѣйствовать, чѣмъ предписывалъ то, что̀ онъ долженъ былъ дѣлать. Мнѣ кажется, что интуиція играетъ въ сферѣ умозрѣнія такую же роль, какую игралъ демонъ Сократа въ практической жизни. По крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ она впервые обнаруживается, и въ такомъ же видѣ она и въ дальнѣйшемъ ярче всего сказывается: она запрещаетъ. Наперекоръ общепринятымъ идеямъ и какъ будто самоочевиднымъ тезисамъ, наперекоръ утвержденіямъ, признававшимся до того научными, она шепчетъ философу на ухо: Невозможно! Невозможно, хотя бы даже факты и всякаго рода логическія соображенія побуждали, повидимому, тебя думать, что это возможно,

дѣйствительно, достовѣрно. Невозможно, потому что какой то опытъ, можетъ быть, смутный, но имѣющій рѣшающее значеніе, говоритъ тебѣ моими устами, что онъ несовмѣстимъ съ приводимыми фактами и развиваемыми соображеніями и что, значитъ, эти факты были плохо наблюдаемы, а разсужденія—ложны. Что за странное явленіе эта инстинктивная сила отрицанія! И какъ она не обратила на себя вниманія историковъ философіи? Развѣ не очевидно, что первое, что̀ дѣлаетъ философъ, когда мысль его еще не увѣрена и когда еще нѣтъ ничего окончательнаго въ его ученіи—это то, что онъ окончательно отвергаетъ нѣкоторыя вещи? Впослѣдствіи, взгляды его смогутъ измѣниться въ томъ, что̀ онъ будетъ утверждать; но они не будутъ измѣняться въ томъ, что̀ онъ отрицаетъ. И если они и измѣняются въ томъ, что̀ онъ утверждаетъ, то опять таки благодаря присущей интуиціи или ея образу—силѣ отрицанія. Философъ, можетъ быть, поддался соблазну лѣни и сталъ выводить слѣдствія по правиламъ прямолинейной логики; и вдругъ онъ испытываетъ передъ своимъ собственнымъ утвержденіемъ то же самое ощущеніе невозможности, какое онъ раньше испыталъ передъ чужимъ утвержденіемъ. Покинувъ, дѣйствительно, кривую своей мысли и начавъ двигаться прямолинейно, по касательной къ ней, онъ сталъ постороннимъ и чуждымъ самому себѣ. Возвращаясь же къ интуиціи, онъ становится самимъ собой. Изъ такихъ разставаній съ собой и возвращеній къ себѣ и состоятъ зигзаги системы, которая „развивается“, т. е. которая теряетъ себя, находитъ себя сызнова и безъ конца поправляетъ сама себя.

Попробуемъ освободиться отъ этихъ усложненій, попробуемъ добраться до простой въ своей основѣ интуиціи или, по крайней мѣрѣ, до выражающаго ее образа. Лишь только мы сдѣлаемъ это, какъ мы замѣ-

чаемъ, что система становится свободной отъ условій времени и мѣста, отъ которыхъ она, повидимому, зависѣла. Разумѣется, тѣ проблемы, которыми занимался философъ, были проблемами, которыя ставились въ его время; данныя науки, которыми онъ воспользовался или которыя онъ критиковалъ, были данными науки его времени; въ излагаемыхъ имъ теоріяхъ можно даже при желаніи найти идеи его современниковъ и его предшественниковъ. Но могло ли бы это быть иначе? Чтобы дать пониманіе новаго, приходится выразить его въ функціи стараго; и для каждаго великаго мыслителя поставленныя уже проблемы, и данныя для нихъ рѣшенія, равно какъ современныя ему философія и наука, являются тѣмъ матеріаломъ, которымъ онъ долженъ былъ пользоваться, чтобы придать конкретную форму своей мысли. Я ужъ не говорю о той традиціи, въ силу которой, начиная съ древности, всякая философія должна предстать, какъ полная система, охватывающая все то, что̀ знаютъ. Но было бы большимъ заблужденіемъ принимать за творческій элементъ системы то, что̀ служитъ лишь средствомъ выраженія ея. Такова та первая ошибка, въ которую, какъ я выше сказалъ, мы рискуемъ впасть, приступая къ изученію какой нибудь системы. Насъ поражаетъ при этой работѣ изслѣдованія такая масса частичныхъ сходствъ, мы замѣчаемъ такое множество явныхъ аналогій и сближеній, наше научное остроуміе и эрудиція подвергаются такимъ соблазнамъ со всѣхъ сторонъ, что мы испытываемъ искушеніе возсоздать мысль великаго философа изъ взятыхъ тамъ и сямъ обрывковъ идей, приберегая для него подъ конецъ похвалу за то, что онъ сумѣлъ—подобно тому, какъ сумѣли и мы—сдѣлать недурную мозаическую работу. Но иллюзія длится не долго: вскорѣ мы замѣчаемъ, что даже тамъ, гдѣ философъ, казалось, повторялъ уже сказанныя до него

вещи, онъ ихъ понималъ на свой манеръ. Тогда мы отказываемся отъ работы реконструкціи его доктрины. Но чаще всего мы дѣлаемъ это лишь для того, чтобы стать жертвами новой иллюзіи, менѣе опасной, безъ сомнѣнія, чѣмъ первая, но болѣе упорной, чѣмъ она. Мы охотно воображаемъ себѣ, что разбираемая нами система—даже если она дѣло рукъ великаго мыслителя—вышла изъ предшествующихъ ученій и что она представляетъ „извѣстный моментъ нѣкоторой эволюціи". Разумѣется, думая такъ, мы не совсѣмъ неправы, ибо философская система похожа скорѣе на организмъ, чѣмъ на механизмъ, и гораздо лучше разсуждать здѣсь объ эволюціи, чѣмъ о механическомъ сложеніи. Но, не говоря уже о томъ, что это новое сравненіе приписываетъ исторіи мысли больше непрерывности, чѣмъ ея имѣется въ ней въ дѣйствительности, оно неудобно еще и въ томъ отношеніи, что сосредоточиваетъ наше вниманіе на внѣшнихъ усложненіяхъ системы и на томъ, что̀ можетъ въ ней оказаться доступнымъ предвидѣнію, а не побуждаетъ насъ заинтересоваться новизной и простотой доктрины въ ея сущности. Философъ, достойный этого имени, за всю свою жизнь сказалъ только одну вещь; да и то онъ скорѣе пытался сказать эту вещь, чѣмъ дѣйствительно ее выразилъ. И сказалъ онъ только одну вещь потому лишь, что узрѣлъ только одну точку; да и узрѣніе это было скорѣе ощущеніемъ прикосновенія. Это прикосновеніе вызвало импульсъ, этотъ импульсъ породилъ движеніе, и если это движеніе, являющееся какъ бы вихремъ опредѣленной частной формы, становится видимымъ нашему взору лишь благодаря той пыли, которую вихрь этотъ собралъ на своемъ пути, то не менѣе вѣрно и то, что могла быть поднята совсѣмъ иного рода пыль и что все-таки это былъ бы тотъ же самый вихрь. Такимъ образомъ мысль, приносящая нѣчто новое въ міръ, вынуждена, ра-

зумѣется, въ своихъ проявленіяхъ пользоваться готовыми идеями, которыя она встрѣчаетъ передъ собой и которыя она увлекаетъ въ своемъ движеніи; она поэтому кажется какъ бы тѣсно связанной съ современной философу эпохой; но это только видимость. Философъ могъ явиться нѣсколькими вѣками раньше; онъ имѣлъ бы дѣло съ другой философіей и иной наукой; онъ бы поставилъ себѣ другія проблемы; онъ бы выразилъ свои мысли въ иныхъ формулахъ; можетъ быть ни одна написанная имъ строка не была бы тогда такой, какова она теперь; и все таки онъ сказалъ бы ту же самую вещь.

Позвольте мнѣ привести одинъ примѣръ. Я апелировалъ раньше къ вашимъ профессіональнымъ воспоминаніямъ. Теперь, если вы дозволите, я попытаюсь вызвать кое-какія изъ моихъ личныхъ воспоминаній. Какъ профессоръ въ Collége de France я каждый годъ посвящаю одинъ изъ двухъ читаемыхъ мною курсовъ исторіи философіи. Благодаря этому я и могъ въ теченіе ряда послѣдовательныхъ лѣтъ произвести весьма обстоятельно описанный мной выше опытъ надъ Беркли, затѣмъ надъ Спинозой. Спинозу я оставлю въ сторонѣ, ибо иначе намъ пришлось бы забраться слишкомъ далеко. И однако я не знаю ничего болѣе поучительнаго, чѣмъ контрастъ между формой и сущностью такой книги, какъ Этика: съ одной стороны всѣ тѣ колоссальныя вещи, которыя называются Субстанціей, Аттрибутомъ и Модусомъ, и гигантскій аппаратъ изъ теоремъ съ громоздкимъ сплетеніемъ изъ дефиницій, корольяріевъ и схолій, и вся эта подавляющая сложность систематической конструкціи, благодаря которой новичекъ испытываетъ на порогѣ Этики смѣшанное чувство восхищенія и страха, какъ передъ броненосцемъ типа Дрэднотовъ;—а, съ другой, нѣчто крайне тонкое, легкое, почти воздушное, ускользающее, по мѣрѣ того какъ приближаешься къ нему, но въ то же время такое, что

его нельзя разглядывать даже издали, не становясь въ то же время совершенно равнодушнымъ ко всему рѣшительно остальному, даже къ тому, что̀ считается существеннымъ, даже къ различію между Субстанціей и Аттрибутомъ, даже къ полярности Мышленія и Протяженности. Это — скрытая за громадой родственныхъ картезіанизму и аристотелизму понятій спинозовская интуиція, интуиція, которую не сумѣетъ выразить никакая — дажѐ наипро̀стѣйшая — формула. Если довольствоваться приближеннымъ выраженіемъ, то можно сказать, что это есть чувство совпаденія между актомъ, благодаря которому нашъ духъ познаетъ въ совершенствѣ истину, и актомъ, благодаря которому Богъ порождаетъ ее, это—мысль, что „обращеніе“ александрійцевъ, когда оно становится полнымъ, составляетъ одно цѣлое съ ихъ „исхожденіемъ“ и что, когда человѣкъ, вышедшій изъ божества, подъ конецъ входитъ въ него, то онъ замѣчаетъ лишь одно единственное движеніе тамъ, гдѣ онъ первоначально видѣлъ два противоположныхъ движенія ухода и возврата. Заключенное здѣсь логическое противорѣчіе устраняется моральнымъ опытомъ, который, устраняя внезапно Время, дѣлаетъ то, что возвратъ оказывается уходомъ. Чѣмъ глубже мы проникаемъ до этой первичной интуиціи, тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что, если бы Спиноза жилъ до Декарта, то онъ, несомнѣнно, написалъ бы нѣчто иное, чѣмъ то, что̀ онъ написалъ, но что все таки—живи Спиноза и пиши онъ—мы навѣрное имѣли бы спинозизмъ.

Я возвращаюсь къ Беркли, и, такъ какъ я его беру для примѣра, то вы не посѣтуете, надѣюсь, что въ своемъ анализѣ я остановлюсь на немъ нѣсколько подробнѣе. Краткость здѣсь была бы равнозначуща съ отсутствіемъ строгости изложенія. Достаточно окинуть взоромъ твореніе Беркли, чтобы увидѣть, какъ оно, такъ сказать, само собою резюмируется въ четырехъ главныхъ тези-

сахъ. Первый тезисъ, въ которомъ выражена извѣстная идеалистическая концепція и съ которымъ связана новая теорія зрѣнія (хотя самъ Беркли счелъ благоразумнымъ представить ее, какъ самостоятельное ученіе) можно было бы формулировать такимъ образомъ: „матерія есть совокупность идей". Второй заключается въ утвержденіи, что общія и абстрактныя идеи сводятся къ словамъ: это—номинализмъ. Третій утверждаетъ реальность духовъ и характеризуетъ ихъ, какъ воли: назовемъ это спиритуализмомъ и волюнтаризмомъ. Наконецъ, четвертый тезисъ, который можно было бы назвать теизмомъ, устанавливаетъ существованіе Бога, основываясь, главнымъ образомъ, на разсмотрѣніи матеріи. Но нѣтъ ничего легче, какъ отыскать эти четыре тезиса, формулированные почти въ тождественныхъ выраженіяхъ, у современниковъ или предшественниковъ Беркли. Послѣдній тезисъ встрѣчается у теологовъ. Третій имѣется у Дунса Скота; нѣчто подобное сказалъ и Декартъ. Второй тезисъ былъ источникомъ дискуссій средневѣковья, а потомъ вошелъ составной частью въ философію Гоббса. Что касается перваго тезиса, то онъ очень похожъ на „окказіонализмъ" Мальбранша, идею котораго, и даже формулу, мы могли бы найти въ нѣкоторыхъ писаніяхъ Декарта. Впрочемъ, людямъ не нужно было ждать появленія Декарта, чтобы замѣтить, что сонъ удивительно подобенъ дѣйствительности и что въ нашихъ воспріятіяхъ, взятыхъ порознь, нѣтъ ничего, что бы намъ гарантировало существованіе какой нибудь внѣшней намъ вещи. Такимъ образомъ, съ помощью теорій старыхъ философовъ—или, если не хотѣть забираться далеко въ глубь исторіи, съ помощью системъ Декарта и Гоббса, къ которымъ можно присоединить Локка—мы будемъ имѣть всѣ элементы, необходимые для внѣшней реконструкціи философіи Беркли. Можно было бы оставить на его долю развѣ теорію зрѣ-

нія, которая была бы такимъ образомъ его собственнымъ дѣломъ и оригинальность которой, отражаясь на всѣхъ остальныхъ элементахъ системы, придавала бы всей концепціи ея оригинальный видъ. Возьмемъ же эти ломти древней и новой философіи, положимъ ихъ въ одну чашку, прибавимъ, въ качествѣ уксуса и масла, извѣстную аггрессивную нетерпѣливость по отношенію къ математическому догматизму и весьма понятное у философа-епископа желаніе примирить разумъ и вѣру, начнемъ это добросовѣстно перемѣшивать, кинемъ въ чашку, въ видѣ острой приправы, нѣсколько афоризмовъ заимствованныхъ у неоплатониковъ: мы получимъ—простите мнѣ это выраженіе—салатъ, который будетъ—издали—довольно похожъ на то, что сдѣлалъ Беркли.

Тотъ, кто поступилъ бы такимъ образомъ, не сумѣлъ бы проникнуть въ глубь мысли Беркли. Я не говорю уже о тѣхъ трудностяхъ и нелѣпостяхъ, въ которыхъ онъ бы запутался при объясненіи различныхъ частностей системы: странный, дѣйствительно, долженъ быть „номинализмъ“, если онъ приходитъ къ тому, что немалое количество общихъ идей превращается въ вѣчныя сущности, имманентныя божественному Уму! Не менѣе своеобразно и то отрицаніе реальности тѣлъ, которое выражается въ положительной теоріи природы матеріи, теоріи плодотворной и, насколько возможно, далекой отъ безплоднаго идеализма, уподобляющаго воспріятіе сновидѣнію! Словомъ, невозможно изучать внимательно философію Беркли и не замѣтить того, что найденныя нами въ ней четыре тезиса сначала сближаются между собой, потомъ взаимно проникаютъ другъ друга, такъ что каждый изъ нихъ какъ бы заключаетъ остальные три, пріобрѣтаетъ рельефъ, тѣлесность, и начинаетъ радикально отличаться отъ предшествующихъ ему или современныхъ теорій, съ которыми его можно было бы совмѣстить вдоль поверхности. Ра-

зумѣется, эта вторая точка зрѣнія, при которой концепція Беркли является какъ бы организмомъ, а не механизмомъ, не есть еще окончательная точка зрѣнія. Но во всякомъ случаѣ она ближе къ истинѣ. Я не могу здѣсь вдаваться въ излишнія подробности; но я долженъ все таки указать, на примѣрѣ одного или двухъ изъ этихъ тезисовъ, какъ изъ нихъ можно извлечь всѣ остальные.

Возьмемъ тезисъ объ идеализмѣ. Онъ заключается не въ одномъ только утвержденіи, что тѣла—это идеи. Къ чему бы послужило это? Намъ вѣдь пришлось бы продолжать утверждать объ этихъ идеяхъ все то, что опытъ заставляетъ насъ утверждать о тѣлахъ, и мы бы, значитъ, просто подставили на мѣсто одного слова другое. Вѣдь Беркли совсѣмъ не думаетъ, что, разъ онъ перестанетъ жить, то перестанетъ существовать и матерія. Идеализмъ Беркли обозначаетъ лишь то, что матерія сопротяженна съ нашимъ представленіемъ, что она не имѣетъ ничего внутренняго, лежащаго за ней, подъ ней; что она не скрываетъ ничего, не заключаетъ ничего; что она не обладаетъ никакими потенціями и виртуальностями; что она распростерта по поверхности и что въ каждый моментъ она цѣликомъ заключена въ томъ, что̀ она даетъ. Слово „идея“ означаетъ обыкновенно существованіе подобнаго рода, т. е. совершенно реализованное существованіе, для котораго „быть“ все равно, что̀ „казаться“, между тѣмъ какъ слово „вещь“ заставляетъ насъ думать о такой реальности, которая бы являлась въ то же время еще резервуаромъ всякаго рода возможностей. Вотъ почему Беркли предпочитаетъ называть тѣла идеями, а не вещами. Но, если мы будемъ понимать такимъ образомъ „идеализмъ“, то, какъ мы видимъ, онъ начинаетъ совпадать съ „номинализмомъ“, ибо по мѣрѣ того, какъ второй тезисъ все болѣе укрѣпляется въ умѣ философа, онъ начинаетъ все болѣе сводиться къ отрицанію отвлеченныхъ общихъ

идей — отвлеченныхъ, т. е. извлеченныхъ изъ матеріи. Вѣдь ясно, дѣйствительно, что нельзя извлечь чего нибудь изъ того, что̀ не содержитъ ничего, и что, слѣдовательно, изъ воспріятія можно вывести лишь его самого. Такъ какъ цвѣтъ есть только цвѣтъ, а сопротивленіе—только сопротивленіе, то никогда вы не найдете ничего общаго между цвѣтомъ и сопротивленіемъ. Никогда вы не извлечете изъ данныхъ зрѣнія элементъ, общій имъ съ данными осязанія. Если вы полагаете, что вы абстрагируете изъ этихъ данныхъ нѣчто общее имъ всѣмъ, то, вглядываясь ближе въ это нѣчто, вы замѣтите, что имѣете дѣло со словомъ: вотъ вамъ и номинализмъ Беркли; но вотъ вамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и „новая теорія зрѣнія“. Если протяженность, являющаяся заразъ зрительной и осязательной, есть лишь слово, то тѣмъ болѣе можно это сказать о протяженности, которая затрагивала бы заразъ всѣ чувства: вотъ вамъ опять таки номинализмъ, но вотъ также и опроверженіе картезіанской теоріи матеріи. Не будемъ болѣе говорить даже о протяженности; констатируемъ просто, что, въ силу свойствъ языка, оба выраженія: „я имѣю это воспріятіе“ и „это воспріятіе существуетъ“ синонимичны; но второе выраженіе, вводя одно и тоже слово „существованіе“ въ описаніе совершенно различныхъ воспріятій, заставляетъ насъ думать, будто они имѣютъ между собой нѣчто общее и будто ихъ разнообразіе скрываетъ за собой основное единство, единство „субстанціи“, являющейся въ дѣйствительности лишь гипостазированнымъ словомъ существованіе: вы имѣете теперь передъ собой весь идеализмъ Беркли, и этотъ идеализмъ, какъ я сказалъ, цѣликомъ совпадаетъ съ его номинализмомъ. — Перейдемъ теперь, если вамъ угодно, къ теоріи Бога и духовъ. Если какое-нибудь тѣло составлено изъ „идей“, т. е., иными словами, если оно совершенно пассивно и завершено, лишено всякихъ

потенцій и виртуальностей, то оно не сможетъ дѣйствовать на другія тѣла; въ такомъ случаѣ движенія тѣлъ должны быть дѣйствіями нѣкоторой активной силы, которая произвела сама эти тѣла и которая, благодаря обнаруживаемому вселенной порядку, можетъ быть лишь обладающей разумомъ причиной. Если мы обманываемся, когда подъ именемъ общихъ идей мы превращаемъ въ реальности имена, даваемыя нами группамъ объектовъ или, воспріятій, которыя мы болѣе или менѣе искусно выдѣляемъ въ плоскости матеріи, то совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, когда мы думаемъ найти позади той плоскости, въ которой развертывается матерія, божественныя намѣренія: общая идея, существующая лишь на поверхности и связывающая тѣла съ тѣлами, есть, разумѣется, голое слово, но общая идея, существующая въ направленіи глубины, связывающая тѣла съ Богомъ, или, вѣрнѣе, нисходящая отъ Бога къ тѣламъ, есть реальность. Такимъ образомъ, номинализмъ Беркли вполнѣ естественно влечетъ за собой то развитіе его ученія, которое понапрасну разсматривали, какъ неоплатоновскую фантазію. Иными словами идеализмъ Беркли есть лишь одинъ аспектъ той теоріи, согласно которой Богъ находится позади всѣхъ проявленій матеріи. Наконецъ, если Богъ сообщаетъ каждому изъ насъ воспріятія или, какъ говоритъ Беркли, „идеи“, то существо, получающее эти воспріятія или, скорѣе, идущее имъ навстрѣчу, есть нѣчто, радикально отличное отъ идеи: это нѣкоторая воля, которая, впрочемъ, непрестанно ограничивается божественной волей. Точка встрѣчи этихъ двухъ воль и есть какъ разъ то, что мы называемъ матеріей. Если „percipi“ представляетъ чистую пассивность, то „percipere“ есть чистая активность. Такимъ образомъ человѣческій духъ, матерія, божественный духъ становятся членами, которые могутъ быть выражены лишь въ функціи другъ друга. И самъ спиритуализмъ Беркли ока-

зывается лишь однимъ аспектомъ любого изъ трехъ другихъ тезисовъ.

Такимъ образомъ различныя части системы проникаютъ взаимно другъ друга, какъ у живого существа. Но если, какъ я сказалъ въ началѣ, зрѣлище этого взаимнаго проникновенія даетъ намъ, безъ сомнѣнія, болѣе правильное понятіе о тѣлѣ ученія, то съ нимъ мы еще не проникли въ душу всей системы.

Мы приблизимся къ ней, если мы сумѣемъ достигнуть образа—посредника (image médiatrice), о которомъ я сейчасъ говорилъ—образа, который еще почти матерія, поскольку его можно видѣть, и почти духъ, поскольку его нельзя болѣе осязать—того призрака, который не покидаетъ насъ, пока мы бродимъ вокругъ системы, и къ которому слѣдуетъ обратиться, чтобы получить рѣшительный знакъ, рѣшительное указаніе, какое намъ занять положеніе, съ какой точки зрѣнія начать разсматривать доктрину. Существовалъ ли когда нибудь этотъ образъ—посредникъ, вырисовывающійся въ умѣ истолкователя, по мѣрѣ того какъ онъ углубляется въ изученіе разбираемаго имъ творенія, существовалъ ли онъ въ этомъ видѣ и въ головѣ самого изучаемаго мыслителя? Если это и не былъ тотъ же самый образъ, то это былъ другой, который могъ принадлежать къ совершенно иному порядку воспріятій, могъ не имѣть никакого матеріальнаго сходства съ нимъ, и который въ то же время былъ эквивалентнымъ ему, какъ эквивалентны между собой два перевода на различныхъ языкахъ одного и того же оригинала. Можетъ быть въ головѣ философа были оба эти образа, а, можетъ быть, были въ ней и другіе, тоже эквивалентные, образы, всѣ заразъ, слѣдуя хороводомъ за философомъ во всѣхъ превращеніяхъ его мысли. А, можетъ быть, онъ не замѣтилъ ни одного такого образа, довольствуясь тѣмъ, что изрѣдка вступалъ въ непосредствен-

ное соприкосновеніе съ той, еще болѣе тонкой и воздушной, сущностью, какой является сама интуиція. Но мы, истолкователи его мысли, вынуждены возстановить этотъ промежуточный образъ, если не желаемъ говорить о „первичной интуиціи", какъ о неясной, смутной мысли, и о „духѣ ученія", какъ объ абстракціи, въ то время, какъ этотъ духъ есть самая конкретная часть философской системы, а эта интуиція—самый точный элементъ ея.

У Беркли я различаю, какъ мнѣ кажется, два различныхъ образа, и меня лично особенно поражаетъ вовсе не тотъ, точное указаніе на который мы находимъ у самого англійскаго мыслителя. Мнѣ кажется, что Беркли воспринимаетъ матерію, какъ тонкую прозрачную пленку, находящуюся между человѣкомъ и Богомъ. Пока философы не занимаются ею, она остается прозрачной, и тогда черезъ нее можно видѣть Бога. Но лишь только прикоснется къ ней метафизикъ—или хотя-бы даже здравый смыслъ, поскольку онъ является метафизикомъ—какъ пленка эта становится шероховатой, плотной, непрозрачной, образуетъ какъ бы экранъ, потому что позади нея проскальзываютъ слова, въ родѣ Субстанціи, Силы, абстрактной Протяженности и пр., которыя отлагаются тамъ въ видѣ слоя пыли и мѣшаютъ намъ разглядѣть черезъ пленку Бога. Образъ этотъ едва намѣченъ самимъ Беркли, хотя мы и встрѣчаемъ у него такое доподлинное выраженіе: „мы подымаемъ пыль и потомъ жалуемся, что не видимъ". Но есть другое сравненіе, часто употребляемое нашимъ философомъ и являющееся лишь слуховой транспозиціей описаннаго мной сейчасъ зрительнаго образа. Согласно этому образу, матерія есть тотъ языкъ, на которомъ говоритъ съ нами Богъ. Метафизики матеріи, уплотняя каждый изъ слоговъ, создавая изъ него особую независимую реальность, отвращаютъ такимъ образомъ наше вниманіе отъ смысла

рѣчи на звуки и мѣшаютъ намъ слѣдить за божественнымъ глаголомъ. Но, за какой-бы образъ мы ни ухватились, въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ простымъ образованіемъ, которое надо твердо держать передъ глазами, потому что, если оно и не есть интуиція, творчески породившая все ученіе, то оно вытекаетъ изъ нея непосредственно и приближается къ ней больше, чѣмъ любой изъ тезисовъ, взятыхъ въ отдѣльности, и даже больше, чѣмъ всѣ они вмѣстѣ взятые.

Но можемъ ли мы уловить саму эту интуицію? У насъ имѣется лишь два способа выраженія: понятіе и образъ. Въ понятіяхъ развертывается система; въ образѣ же она сжимается, когда ее отталкиваютъ къ интуиціи, изъ которой она вышла. Если же хотѣть переступить образъ, поднимаясь еще выше, то неизбѣжно попадаешь сызнова въ сферу понятій, при томъ понятій, болѣе общихъ и неопредѣленныхъ еще, чѣмъ тѣ понятія, которыя послужили исходнымъ пунктомъ поисковъ образа и интуиціи. Низведенная до этой формы, такъ сказать, закупоренная при выходѣ изъ источника, первичная интуиція должна непремѣнно представиться чѣмъ то крайне плоскимъ и холоднымъ, какой то воплощенной банальностью. Если бы мы сказали, напримѣръ, что Беркли разсматриваетъ человѣческую душу, какъ отчасти соединенную съ Богомъ, отчасти независимую отъ него, что онъ въ каждое мгновеніе сознаетъ себя, какъ несовершенную активность, которая возсоединилась бы съ нѣкоторой высшей активностью, если бы между ними не было расположено нѣчто, являющееся абсолютной пассивностью, то мы выразили бы такимъ образомъ ту сторону первичной интуиціи Беркли, которая можетъ непосредственно быть переложена на языкъ отвлеченныхъ понятій—и, однако, мы получили бы нѣчто столь абстрактное, что оно было бы почти пусто. Останемся при этихъ формулахъ, такъ какъ ничего лучшаго мы не

сумѣемъ найти, но попробуемъ вдохнуть въ нихъ немного жизни. Возьмемъ все то, что написалъ нашъ философъ, соберемъ всѣ эти разсѣянныя идеи у образа, изъ котораго онѣ вышли, поднимемъ ихъ, заключенныхъ теперь въ этомъ образѣ, до абстрактной формулы, которая наполнится образомъ и идеями, останемся затѣмъ возлѣ этой формулы и начнемъ глядѣть, какъ она, столь простая, станетъ дѣлаться еще болѣе простой—тѣмъ болѣе простой, чѣмъ больше вещей мы втиснули въ нее—поднимемся, наконецъ, вмѣстѣ съ ней до той точки, гдѣ будетъ сжато и приметъ форму напряженія все то, что имѣло форму протяженія въ системѣ: только тогда мы сможемъ представить себѣ, какъ изъ этого центра силъ—впрочемъ, недоступнаго—исходитъ импульсъ, несущій съ собой порывъ (l'élan), т. е. сама интуиція. Здѣсь источникъ четырехъ тезисовъ Беркли, ибо вызванное интуиціей движеніе встрѣтило на своемъ пути поднятыя современниками Беркли идеи и проблемы. Въ другую эпоху Беркли, безъ сомнѣнія, формулировалъ бы иные тезисы. Но, такъ какъ движеніе было бы тѣмъ же самымъ, то эти новые тезисы были бы точно такимъ же образомъ расположены другъ относительно друга, между ними было бы то же самое отношеніе, какъ между новыми словами, въ которыхъ заключенъ старый смыслъ: это было бы та же самая философія.

Отношеніе какой нибудь философіи къ предшествующимъ и современнымъ ей системамъ не похоже, слѣдовательно, на то, что заставляетъ насъ предполагать одна извѣстная концепція исторіи системъ. Философъ не беретъ вовсе существующихъ до него идей, чтобы слить ихъ въ нѣкій высшій синтезъ или чтобы комбинировать ихъ съ какой нибудь новой идеей. Думать такъ все равно, что полагать, будто мы, желая говорить, начинаемъ искать слова, которыя склеиваемъ затѣмъ съ

помощью какой нибудь мысли. Истина же заключается въ томъ, что поверхъ слова и поверхъ предложенія есть нѣчто, гораздо болѣе простое, чѣмъ предложеніе и даже чѣмъ слово: именно смыслъ, который есть не столько передуманная мысль (une chose pensée), сколько движеніе мысли (un mouvement de pensée), и не столько движеніе, сколько направленіе. И подобно тому, какъ импульсъ, данный зародышевой жизни, вызываетъ дѣленіе первичной клѣтки на другія клѣтки, которыя, въ свою очередь, дѣлятся до тѣхъ поръ, пока не получится законченный организмъ,—такъ и характерное для всякаго акта мысли движеніе приводитъ къ тому, что эта мысль, въ своихъ все ростущихъ подраздѣленіяхъ, расширяется все болѣе и болѣе въ разныхъ плоскостяхъ духа, пока она не достигнетъ плоскости слова. Здѣсь она выражается путемъ предложенія, т. е. съ помощью группы существующихъ заранѣе и готовыхъ элементовъ. Но она можетъ выбрать почти произвольно первые элементы группы, лишь бы остальные правильно дополняли ихъ: одна и та же мысль можетъ быть выражена различными предложеніями, составленными изъ совершенно различныхъ словъ, лишь бы эти слова представляли между собой одно и то же отношеніе. Таковъ процессъ рѣчи. И такова также та операція, съ помощью которой конституируется какая нибудь философская система. Философъ не выходитъ изъ готовыхъ, существующихъ уже заранѣе, идей; онъ развѣ приходитъ къ нимъ. А когда онъ приходитъ къ нимъ, то идея, увлеченная такимъ образомъ движеніемъ его мысли, одушевленная новой жизнью, какъ и слово, которое получаетъ свой смыслъ изъ всего предложенія, не есть совершенно то, чѣмъ она была внѣ вихря.

Аналогичное отношеніе мы нашли бы между философской системой и совокупностью научныхъ познаній современной философу эпохи. Существуетъ такое пони-

маніе философіи, согласно которому всѣ усилія философа направлены на то, чтобы обнять въ одномъ гигантскомъ синтезѣ результаты частныхъ наукъ. Конечно, въ теченіе долгаго времени философъ являлся обладателемъ универсальнаго знанія. И даже въ настоящее время, когда безконечное множество частныхъ наукъ, разнообразіе и сложность методовъ, огромная масса собранныхъ фактовъ дѣлаютъ невозможнымъ сосредоточеніе въ одномъ мозгу всѣхъ человѣческихъ знаній, даже и въ это время философъ остается человѣкомъ универсальнаго знанія въ томъ смыслѣ, что, если онъ и не можетъ болѣе знать всего, то не существуетъ такой отрасли знанія, для усвоенія которой онъ не долженъ былъ бы быть готовымъ. Но слѣдуетъ ли отсюда, что его задача сводится къ тому, чтобы овладѣть уже готовымъ знаніемъ, поднимать его на все высшія ступени общности и—идя отъ обобщенія къ обобщенію—достигнуть такимъ образомъ того, что было названо объединеніемъ науки? Позвольте мнѣ выразить свое недоумѣніе, что намъ предлагаютъ во имя науки, изъ уваженія къ наукѣ, такое пониманіе философіи, которое на мой взглядъ, обиднѣе всего для науки и оскорбительнѣе всего для ученаго. Какъ! Вотъ передъ нами человѣкъ, долго поработавшій на опредѣленномъ научномъ поприщѣ и достигшій, путемъ усиленныхъ трудовъ, извѣстныхъ результатовъ. Этотъ человѣкъ говоритъ намъ: „опытъ, руководившій размышленіемъ, доводитъ до такого то пункта; научное познаніе начинается здѣсь, кончается тамъ; таковы мои заключенія“. И тутъ то, оказывается, вмѣшивается философъ и заявляетъ: „Отлично, оставьте-ка мнѣ все это, и вы увидите, что я изъ этого сдѣлаю! Принесенное вами незавершенное знаніе—я завершу. То, что вы мнѣ даете разъединеннымъ, я соединю. Имѣя тѣ же самые матеріалы (вѣдь я, понятно, буду оперировать лишь тѣми фактами, ко-

торые вы наблюдали), пользуясь тѣмъ же методомъ работы (вѣдь я долженъ, какъ и вы, ограничиваться индукціей и дедукціей), я сумѣю сдѣлать и больше и лучше, чѣмъ сдѣлали вы". По истинѣ странная претензія! Какимъ образомъ профессія философа можетъ надѣлять занимающагося ею даромъ итти дальше, чѣмъ наука, въ избранномъ ею направленіи? Что нѣкоторые ученые склонны болѣе, чѣмъ другіе, итти впередъ и обобщать полученные ими результаты, или же также склонны болѣе возвращаться назадъ и критиковать употребляемые ими методы, что въ этомъ спеціальномъ смыслѣ слова ихъ можно назвать философами и что каждая наука можетъ и должна имѣть понятую такимъ образомъ философію—со всѣмъ этимъ я первый готовъ согласиться. Но такая философія все еще наука, и тотъ, кто ею занимается, тотъ все еще ученый. Дѣло вѣдь не идетъ уже болѣе о томъ, чтобы сдѣлать изъ философіи синтезъ положительныхъ наукъ и воображать, будто одной силой философскаго духа можно подняться на бо́льшую высоту, чѣмъ наука, при обобщеніи изучаемыхъ ею фактовъ.

Такое пониманіе роли философа было бы оскорбительно для науки. Но во сколько разъ оно еще болѣе оскорбительно для самой философіи! Не ясно ли развѣ, что тамъ, гдѣ ученый останавливается на пути обобщенія и синтеза, тамъ, значитъ, останавливается и объективный опытъ и надежная дедукція? И, слѣдовательно, если мы станемъ воображать себѣ, что можемъ итти впередъ въ томъ же направленіи, то мы систематически станемъ на путь произвола или, по меньшей мѣрѣ, гипотетическаго конструированія? Дѣлать изъ философіи совокупность обобщеній, идущихъ далѣе научныхъ обобщеній, это желать отъ философа, чтобы онъ довольствовался правдоподобнымъ и ограничивался вѣроятнымъ. Я отлично знаю, что для большинства

тѣхъ, кто издали слѣдитъ за нашими спорами, наше царство — это царство возможнаго, въ лучшемъ случаѣ—вѣроятнаго. Эти сторонніе зрители охотно готовы сказать, что философія начинается тамъ, гдѣ кончается достовѣрность. Но кто изъ насъ примирился бы съ такой ролью философіи? Разумѣется, не все одинаково провѣрено и не все доступно провѣркѣ въ томъ, что̀ приноситъ съ собой философская система; въ самомъ существѣ философскаго метода лежитъ то, что онъ требуетъ въ извѣстные моменты отъ нашего духа рѣшимости принять на себя извѣстный рискъ. Но, если философъ беретъ на себя этотъ рискъ, то потому, что онъ застраховалъ себя, потому, что есть вещи, въ которыхъ онъ непоколебимо увѣренъ; онъ сумѣетъ увѣрить въ нихъ и насъ постольку, поскольку онъ сумѣетъ передать намъ ту интуицію, въ которой онъ черпаетъ свою силу.

На самомъ дѣлѣ философія не есть вовсе синтезъ частныхъ наукъ. И если она часто становится на почву науки, если иногда она охватываетъ въ болѣе простомъ видѣніи тѣ предметы, которыми занимается наука, то достигаетъ она этого не тѣмъ, что интенсифицируетъ науку, не тѣмъ, что поднимаетъ результаты науки до болѣе высокой степени общности. Не было бы мѣста для двухъ способовъ познаванія—для философіи и для науки—если бы опытъ не раскрывался передъ нами съ двухъ различныхъ аспектовъ, съ одной стороны, подъ видомъ фактовъ, которые рядополагаются другъ подлѣ друга, которые повторяются съ большимъ приближеніемъ, которые измѣряются, которые, наконецъ, развертываются въ формѣ раздѣльнаго множества и пространственности, — а, съ другой, подъ видомъ взаимнопроникновенія, являющагося чистой длительностью, не поддающейся закону и мѣрѣ. Въ обоихъ случаяхъ опытъ означаетъ сознаніе; но въ первомъ случаѣ сознаніе распространяется во внѣ, оно становится внѣш-

нимъ по отношенію къ самому себѣ ровно постольку, поскольку оно замѣчаетъ вещи внѣшними другъ относительно друга; во второмъ же — оно входитъ въ себя, находитъ и углубляетъ себя. Погружаясь такимъ образомъ въ собственную глубину, проникаетъ ли оно дальше во внутрь матеріи, жизни, вообще дѣйствительности? Въ этомъ можно было бы сомнѣваться, если бы сознаніе присоединилось къ матеріи, какъ нѣчто случайное. Но мы, какъ намъ кажется, доказали, что подобная гипотеза — въ зависимости отъ того, съ какой стороны на нее посмотрѣть—абсурдна или ложна, внутренне противорѣчива или противорѣчитъ фактамъ. Въ этомъ можно было бы еще сомнѣваться, если бы человѣческое сознаніе — хотя и родственное съ болѣе обширнымъ и высокимъ сознаніемъ — было бы отстранено, если бы человѣкъ долженъ былъ стоять въ какомъ нибудь углу природы, какъ наказанный ребенокъ. Но вѣдь нѣтъ! матерія и жизнь, наполняющія міръ, находятся и въ насъ; мы чувствуемъ силы, обнаруживающіяся во всѣхъ вещахъ, и въ насъ; какова бы ни была интимная сущность того, что̀ есть, и того, что̀ дѣлается, мы причастны этой сущности. Опустимся во внутрь самихъ себя, чѣмъ глубже будетъ расположена та точка, которой мы коснемся, тѣмъ сильнѣе будетъ давленіе и порывъ, которое выпретъ насъ наверхъ. Философская интуиція есть это прикосновеніе, философія есть этотъ порывъ. Выведенные наружу импульсомъ, который приходитъ изъ глубины, мы достигнемъ науки по мѣрѣ того, какъ наша мысль станетъ разбрасываться и расширяться. Философія поэтому должна отливаться по формѣ науки. Мнимо-интуитивная идея, которая не сумѣла бы путемъ послѣдовательныхъ дѣленій охватить наблюдаемыхъ во внѣ фактовъ и законовъ, служащихъ наукѣ для связыванія этихъ фактовъ между собою, идея, которая не оказалась бы способной

внести даже поправки въ нѣкоторыя обобщенія и исправить нѣкоторыя наблюденія, была бы чистой фантазіей; она не имѣла бы ничего общаго съ интуиціей. Но, съ другой стороны, надо помнить, что идея, которой удается охватить такимъ образомъ научные факты и законы, не получена вовсе путемъ объединенія внѣшняго опыта; вѣдь философъ не пришелъ къ единству, а вышелъ изъ него. Работа, съ помощью которой философъ, какъ кажется, ассимилируетъ результаты положительной науки, а также и та операція, въ теченіе которой философская система какъ бы вбираетъ въ себя отрывки предшествующихъ философій, есть работа не синтеза, а анализа.

Наука есть помощникъ дѣйствія. А дѣйствіе направлено на достиженіе извѣстнаго результата. Научная мысль спрашиваетъ себя поэтому, что должно быть сдѣлано, чтобы былъ полученъ нѣкоторый желаемый результатъ, или, общѣе, какія надо задать условія, чтобы произошло извѣстное явленіе. Она идетъ отъ одной комбинаціи вещей къ другой комбинаціи ихъ, отъ одной одновременности къ другой. Она неизбѣжно пренебрегаетъ тѣмъ, что происходитъ въ промежуткѣ; а, если она и занимается этимъ, то лишь для того, чтобы разсмотрѣть здѣсь другія комбинаціи, другія одновременности. Съ методами, предназначенными для постиженія того, что готово, сдѣлано, она не можетъ войти въ то, что дѣлается, не можетъ слѣдовать за движущимся, ассимилировать становленіе, являющееся жизнью вещей. Эта послѣдняя задача является удѣломъ философіи. Въ то время, какъ ученый вынужденъ снимать съ движенія неподвижные виды и собирать повторенія на пути того, что не повторяется, въ то время далѣе, какъ онъ старается раздѣлить поудобнѣе дѣйствительность въ различныхъ плоскостяхъ, въ которыхъ она развертывается, чтобы подчинить ее дѣйствію человѣка,

и поэтому хитритъ съ природой, занимая относительно нея позицію недовѣрія и борьбы — въ это время философъ обращается съ ней по товарищески. Правило науки, установленное Бэкономъ, гласитъ: повиноваться, чтобы повелѣвать. Философъ не повинуется и не повелѣваетъ: онъ старается симпатизировать.

И съ этой точки зрѣнія сущность философіи есть духъ простоты. Съ какой бы стороны мы ни разсматривали философскій духъ — въ немъ ли самомъ или въ его твореніяхъ — сравнимъ ли мы философію съ наукой или какую нибудь философскую систему съ другими системами — мы постоянно находимъ, что сложность лежитъ на поверхности, что конструированіе—это нѣчто второстепенное, что синтезъ—это видимость: философствованіе представляетъ собой простой актъ.

Чѣмъ болѣе мы проникнемся этой истиной, тѣмъ болѣе будемъ мы склонны вывести философію изъ школы и сблизить ее съ жизнью. Разумѣется, точка зрѣнія здраваго смысла, какъ она дается строеніемъ нашихъ органовъ чувствъ, разума и рѣчи, ближе къ точкѣ зрѣнія науки, чѣмъ философіи. Я не думаю сказать этимъ лишь то, что всеобщія категоріи нашей мысли суть также категоріи науки, что большія просѣки, проложенныя нашими чувствами въ непрерывной чащѣ реальнаго, представляютъ тѣ пути, по которымъ пройдетъ наука, что воспріятіе есть младенческая наука, а наука—зрѣлое и взрослое воспріятіе, и что обычное познаніе и научное познаніе, имѣющія оба цѣлью подготовлять наше воздѣйствіе на вещи, по необходимости являются двумя видѣніями одинаковаго рода, хотя и разной точности и значенія. Я хочу, главнымъ образомъ, сказать то, что обычное познаніе вынуждено, какъ и научное познаніе—и по тѣмъ же основаніямъ, что и послѣднее — разсматривать вещи въ пульверизованномъ времени, въ которомъ не имѣющее дли-

тельности мгновеніе слѣдуетъ за другимъ, тоже не длящимся, мгновеніемъ. Движеніе для него рядъ положеній, измѣненіе — рядъ качествъ, и вообще становленіе — рядъ состояній. Оно исходитъ изъ неподвижности (какъ будто бы неподвижность не есть просто видимость, особенный эффектъ, вызываемый одной движущейся вещью въ другой движущейся вещи, когда онѣ урегулированы одна по другой) и съ помощью искусной комбинаціи неподвижностей оно возсоздаетъ имитацію движенія, подставляемую ею на мѣсто самого движенія: эта операція практически удобна, но теоретически абсурдна, являясь источникомъ всѣхъ тѣхъ противорѣчій, всѣхъ тѣхъ мнимыхъ проблемъ, которыя встрѣчаютъ на своемъ пути Критика и Метафизика.

Но именно потому, что въ этомъ пунктѣ здравый смыслъ поворачивается спиной къ философіи, достаточно повернуть его здѣсь въ полъ оборота, чтобы поставить его по направленію движенія философской мысли. Разумѣется въ интуиціи не мало степеней интенсивности, а въ философіи не мало степеней глубины, но духъ, который будетъ приведенъ къ реальной длительности, будетъ уже жить интуитивной жизнью и его познаніе вещей будетъ уже философіей. Вмѣсто ряда прерывныхъ моментовъ, смѣняющихъ другъ друга въ безконечно раздѣленномъ времени, онъ увидитъ текучую непрерывность недѣлимаго и реальнаго времени. На мѣсто поверхностныхъ состояній, которыя одно за другимъ стали бы покрывать нѣкоторую безразличную вещь и которыя были бы связаны съ ней таинственнымъ отношеніемъ феномена къ субстанціи, онъ найдетъ одно тождественное измѣненіе, которое развивается, постоянно удлиняясь, подобно мелодіи, въ которой все есть становленіе, но въ которой становленіе, будучи субстанціальнымъ, не нуждается въ особой подпоркѣ. Конецъ отнынѣ инертнымъ состояніямъ, конецъ

мертвымъ вещамъ: передъ взоромъ одна лишь подвижность, изъ которой образована устойчивость жизни. Видѣніе подобнаго рода, въ которомъ дѣйствительность представляется недѣлимой и непрерывной, находится уже на пути, ведущемъ къ философской интуиціи.

Вѣдь, чтобы достигнуть этой интуиціи, вовсе не необходимо покинуть сферу чувствъ и сознанія. Ошибка Канта заключалась въ томъ, что онъ полагалъ это. Послѣ того, какъ онъ доказалъ путемъ безспорныхъ и окончательныхъ аргументовъ, что никакое діалектическое усиліе не способно ввести насъ въ потусторонній міръ и что дѣйственная метафизика можетъ быть лишь интуитивной метафизикой, онъ прибавляетъ, что намъ не хватаетъ этой интуиціи и что такая метафизика невозможна. Она была бы, дѣйствительно, невозможной, если бы не существовало другого времени и другого измѣненія, чѣмъ тѣ, которыя замѣтилъ Кантъ и съ которыми мы вообще имѣемъ дѣло; вѣдь рѣчь не можетъ итти о томъ, чтобы стать внѣ времени и замѣчать нѣчто иное, чѣмъ измѣненіе. Но время, въ которомъ мы естественно находимся, измѣненіе, наблюдаемое нами обыкновенно, представляютъ собой время и измѣненіе, пульверизованныя нашими чувствами и сознаніемъ въ цѣляхъ облегченія нашего воздѣйствія на вещи. Уничтожимъ ихъ работу, вернемъ наше воспріятіе къ его источникамъ, и мы будемъ имѣть передъ собой познаніе новаго рода, для пріобрѣтенія котораго намъ не приходится прибѣгнуть къ новымъ душевнымъ способностямъ.

Если это познаніе станетъ общимъ достояніемъ, отъ этого выиграетъ не одно только умозрѣніе. Наша повседневная жизнь будетъ этимъ согрѣта и освѣщена. Вѣдь міръ, въ который насъ вводятъ обыкновенно наши чувства и наше сознаніе, это лишь тѣнь себя самого; и онъ холоденъ, какъ смерть. Все въ немъ устроено для нашихъ величайшихъ удобствъ, но все

расположено въ настоящемъ, которое какъ бы безпрерывно возобновляется. И мы сами, искусственно сформированные по образу и подобію не менѣе искусственной вселенной, мы видимъ себя лишь въ мгновенно-настоящемъ, мы говоримъ о прошедшемъ, какъ объ исчезнувшемъ, мы видимъ въ воспоминаніи какой-то странный или, во всякомъ случаѣ, чуждый фактъ, своего рода содѣйствіе, оказанное духу матеріей. Но постараемся, наоборотъ, постигнуть себя такими, каковы мы въ дѣйствительности,—въ плотномъ и сверхъ того эластичномъ настоящемъ, которое мы можемъ расширять неопредѣленно далеко назадъ, все болѣе и болѣе отодвигая закрывающій насъ отъ насъ самихъ экранъ; постараемся постигнуть міръ такимъ, каковъ онъ въ дѣйствительности, разсматривая его не только на поверхности, не только въ данный моментъ, но и въ глубину, съ непосредственно предшествующимъ прошедшимъ, которое напираетъ на него и сообщаетъ ему свой порывъ; пріучимся, словомъ, разсматривать всѣ вещи sub specie durationis: и вотъ все оцѣпенѣвшее оправляетъ свои члены, заснувшее просыпается, мертвое воскресаетъ въ нашемъ гальванизированномъ воспріятіи. То удовлетвореніе, которое даетъ искусство—и то лишь изрѣдка—баловнямъ природы и счастья, понятая такимъ образомъ философія дастъ имъ намъ всѣмъ, въ любой моментъ, вдувая сызнова жизнь въ окружающіе насъ призраки и оживляя сызнова и насъ самихъ. Благодаря этому она станетъ дополненіемъ науки въ области не только умозрѣнія, но и практики. Со своими приложеніями, направленными на удобства существованія, наука обѣщаетъ намъ благополучіе, въ лучшемъ случаѣ удовольствіе. Но философія сможетъ дать намъ радость.

Перевелъ ***П. С. Юшкевичъ.***

Эмиль Бутру.

Объ отношеніи философіи къ наукѣ [1]).

I.

Вопросъ, о которомъ я приглашенъ говорить передъ вами—„Объ отношеніи философіи къ наукѣ“ — если не ошибаюсь, крайне современный, и даже актуальный, вопросъ.

У древнихъ грековъ онъ, собственно говоря, не поднимался. Идея, изъ которой они исходили при всякомъ изслѣдованіи природы, заключалась въ томъ, что вещи сами по себѣ не въ силахъ осуществить какой нибудь порядокъ, и что духъ творецъ всего того устройства и гармоніи, которую онѣ могутъ показать намъ. Πάντα χρήματα ἦν ὁμοῦ εἶτα ὁ νοῦς ἐλθὼν πάντα διεκόσμησε, говоритъ Анаксагоръ. Поэтому философія и науки не отличались другъ отъ друга существеннымъ образомъ. То, что́ мы называемъ наукой, это былъ духъ, находящій себя, узнающій себя въ законахъ природы. Философія была матерью наукъ. Отношеніе между науками и философіей было, по существу, отношеніемъ тождества.

Возрожденіе въ новое время искусства и литературы не было простой реставраціей древнихъ теорій. Вмѣстѣ

[1]) Рѣчь, произнесенная на философскомъ конгрессѣ въ Болоньѣ, 6 апр. 1911 г.

съ такими умами, какъ Леонардо да Винчи, Фрэнсисъ Бэконъ, Галилей, Декартъ, устанавливается концепція науки, которой греки не развили съ подобной отчетливостью: это концепція науки о природѣ, практически и теоретически автономной. Опытные факты и законы, выводимые согласно логикѣ изъ этихъ фактовъ—таковъ объектъ науки для изслѣдователей, въ родѣ Ньютона.

Однако наука о явленіяхъ не думала лишить духъ его стариннаго преобладанія. Духъ—пользуясь то дедукціей, то особымъ, такъ называемымъ, внутреннимъ опытомъ—доказывалъ самому себѣ ясно свое существованіе. И если установившееся тогда между философіей и науками отношеніе не было уже такимъ кореннымъ тождествомъ, какъ у древнихъ грековъ, то оно было дуализмомъ, допускавшимъ, на ряду съ радикальнымъ различіемъ этихъ двухъ областей духа, ихъ совмѣстимость.

Такимъ образомъ науки отвоевали себѣ, рядомъ съ философіей, свою признанную область вѣдѣнія. Онѣ этимъ не удовольствовались. Какъ ни велики и быстры были успѣхи науки въ теченіе 17 и 18 столѣтій, нѣкоторыя части реальности какъ бы не поддавались ея методамъ; таковы были явленія жизни, дѣятельность сознанія, общественныя явленія. Но уже Галилей и Декартъ придумали опредѣленный методъ изученія вещей, примѣнимость котораго не могла быть ограничена a priori. Вещи представляются намъ, говорилъ Галилей, подъ видомъ ощущеній. Но, если мы будемъ разсматривать ихъ такимъ образомъ, то мы не можемъ связать ихъ другъ съ другомъ и объяснить ихъ научно. Но въ книгѣ природы онѣ записаны съ помощью буквъ другого алфавита—именно въ видѣ треугольниковъ, квадратовъ, круговъ и шаровъ. И, если читать вещи такимъ образомъ, то онѣ доступны объясненію. Въ

томъ же смыслѣ Декартъ развиваетъ теорію того, что́ можно назвать подходомъ съ боку (biais). Если намъ данъ объектъ, который, взятый въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представляется, не можетъ быть сведенъ къ условіямъ науки, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что приходится отказаться отъ научнаго познанія его: надо только умѣть подойти къ нему съ такого боку, чтобы можно было, не теряя его изъ виду, примѣнить къ нему научное измѣреніе. Этотъ косвенный методъ удается въ примѣненіи къ такъ называемымъ вторичнымъ качествамъ матеріи: звуку, теплотѣ, свѣту. На какомъ основаніи можемъ мы заявлять a priori о нѣкоторомъ объектѣ—какъ бы онъ ни казался намъ отличнымъ отъ тѣхъ предметовъ, которые намъ удалось объяснить—что къ нему разъ навсегда непримѣнимъ этотъ методъ? И дѣйствительно наука, пользуясь имъ, мало-по-малу овладѣла явленіями жизни, психическими процессами, общественными явленіями. Если находятъ ея объясненія еще неудовлетворительными, то это не важно: она будетъ искать лучшихъ подходовъ. Для науки отнынѣ нѣтъ de jure болѣе тайнъ въ природѣ.

Эта занятая наукой позиція мѣняетъ рѣшительно ея отношеніе къ философіи. Человѣческая мысль, на которую собирается опереться эта послѣдняя, есть для современной науки такое же явленіе, какъ и всѣ прочія явленія; она—естественный фактъ, оригинальность и имманентную реальность котораго предстоитъ устранить наукѣ. А что касается проблемъ, которыя ставитъ себѣ эта мысль, то или онѣ разрѣшимы—и тогда дѣло науки разрѣшить ихъ—или онѣ выходятъ изъ сферы достигаемости науки, и тогда никто не имѣетъ права искать ихъ рѣшенія.

При наличности подобныхъ горделивыхъ претензій науки философія не можетъ довольствоваться уже

ненадежнымъ дуалистическимъ компромиссомъ. Если наука провозглашаетъ ничтожность философіи, то можетъ ли послѣдняя продолжать еще существовать, въ человѣческомъ духѣ, наряду съ этой наукой?

II.

На поставленный такимъ образомъ вопросъ Огюстомъ Контомъ данъ былъ отвѣтъ, который и понынѣ еще кажется многимъ удовлетворительнымъ. Нѣтъ нужды—гласитъ этотъ отвѣтъ—выходить изъ предѣловъ науки, чтобы открыть подлинный и законный объектъ философскихъ изслѣдованій. Науки, какъ ихъ создаютъ профессіональные ученые, являются передъ нами въ множественномъ видѣ, плохо связанными между собой. Задача философа опредѣлить ихъ точныя взаимоотношенія, произвести синтезъ ихъ. Философія—это синтезъ наукъ.

Передъ нами, повидимому, простое и изящное опредѣленіе. Однако оно оказывается гораздо менѣе яснымъ, когда его пытаются осуществить на дѣлѣ, чѣмъ когда довольствуются формулированіемъ его въ какомъ-нибудь премилинарномъ разсужденіи. Уже Огюстъ Контъ, пытаясь осуществить свой планъ, обнаружилъ колебанія—и изъ этихъ именно колебаній получились расхожденія у его истолкователей на счетъ значенія его дѣла. Сперва онъ пытался произвести синтезъ наукъ, оставаясь на почвѣ самой науки, и ему казалось, что для полученія этого результата достаточно установленія соціологіи, какъ руководящей науки. Но вскорѣ онъ замѣтилъ, что для того, чтобы соціологія имѣла содержаніе, нужно допустить существованіе человѣческаго общества, и что тѣ законы, которые разсматриваетъ наука, не могутъ обезпечить преобладанія альтруизма надъ эгоизмомъ, предполагаемаго такимъ

обществомъ: необходимо царство религіи человѣчества, или же преобладанія любви надъ разумомъ, если желать, чтобы философскій синтезъ наукъ сталъ не просто возможностью, но реальностью.

Трудность, на которую наткнулся Огюстъ Контъ, присуща самой природѣ вещей. Науки сами по себѣ стремятся къ своему объединенію; поскольку онѣ успѣваютъ въ этомъ, полученный ими синтезъ носитъ чисто-научный характеръ и не имѣетъ въ себѣ ничего специфически-философскаго. Если же духъ, считая этотъ синтезъ несовершеннымъ, поверхностнымъ, иллюзорнымъ, станетъ создавать себѣ такой синтезъ, который даетъ ему дѣйствительное удовлетвореніе, то полученный такимъ образомъ и подлинно философскій синтезъ есть, съ точки зрѣнія науки, просто продуктъ мистическаго и произвольнаго воображенія.

Философія, понимаемая, какъ синтезъ наукъ, или становится исключительно научной, и тогда не можетъ быть называема философіей, или же остается философской, и тогда она противонаучна.

Но не можетъ ли быть философія, если не наукой наукъ, то, по меньшей мѣрѣ, наукой, аналогичной другимъ наукамъ? Не представляетъ ли и она картину эволюціи, наблюдаемой нами въ математикѣ, астрономіи, физикѣ, физіологіи, которыя, смѣшанныя первоначально съ метафизикой, выдѣлили мало-по-малу этотъ чужеродный элементъ и стали науками въ строгомъ смыслѣ этого слова?

Мысль разсматривать философію, какъ особую положительную науку, была въ наше время блестяще примѣнена многими умами. Но результатомъ ихъ работъ оказалось, повидимому, просто распаденіе философіи на рядъ отдѣльныхъ наукъ, изъ которыхъ каждая болѣе или менѣе автономна. Положительной наукѣ свойственно итти отъ фактовъ къ принципамъ, а не отъ

принциповъ къ фактамъ. Но разсматриваемые съ этой точки зрѣнія объекты различныхъ частей философіи— психологіи, логики, этики, эстетики — оказались глубоко различными. Слова „научная философія“ являются, благодаря этому, простой этикеткой, обозначающей науки почти столь же разнородныя между собой, какъ минералогія и ботаника. Въ дѣйствительности философія исчезаетъ, какъ нѣчто единое; она уступаетъ мѣсто коллекціи наукъ, называемыхъ философскими. Философія не представлена болѣе въ языкѣ такъ, какъ ей подобаетъ, т. е. черезъ существительное, но черезъ прилагательное.

Нѣтъ спору, что эти спеціальныя изслѣдованія вполнѣ правомѣрны и необходимы и что они были очень плодотворны. Но приличествуетъ ли этимъ наукамъ, частнымъ какъ по своему методу, такъ и по своему объекту, названіе философскихъ?

Философія во всѣ времена предполагала два условія: 1) попытку разсматривать вещи съ единой и универсальной точки зрѣнія, независимо отъ того, могутъ ли онѣ, или нѣтъ, быть приведены сами къ единству: σύνοψις, таковъ терминъ, который употреблялъ Платонъ; 2) разсматриваніе вещей въ ихъ отношеніи къ человѣку. Τί πρὸς ἡμᾶς; какое значеніе имѣетъ для насъ міръ? что мы въ немъ? какую роль играемъ мы въ немъ? что можемъ мы ждать или извлечь изъ него? какъ глядѣть намъ на него?—вотъ вопросы, которые задавалъ каждый философъ вселенной. Устранить эти вопросы; отложить—можетъ быть, на неопредѣленный срокъ—и проблему единства вещей и проблему ихъ значенія съ точки зрѣнія человѣка; попытаться очистить наши воззрѣнія навсегда отъ всякаго субъективнаго и человѣческаго элемента; допускать, однимъ словомъ, только объясненіе человѣка міромъ и начисто отбросить всякое объясненіе міра человѣкомъ — это не значитъ до-

водить философію до степени ея совершенства, это значитъ уничтожить ее. Или философія едина и человѣчна какимъ-нибудь образомъ, или она вовсе не существуетъ.

Но, чтобы сохранить права философіи на существованіе наряду съ наукой, требующей для себя привилегіи объясненія всѣхъ вещей, можетъ быть, нужно нѣчто иное, чѣмъ построеніе философіи по типу науки? Нельзя ли — уступивъ наукѣ все то, что представляетъ собой объясненіе, что есть сведеніе одного явленія къ другому — стать рѣшительно на почву чистаго опыта и попытаться показать, что философія, какъ и сама наука, старается анализировать самые подлинные факты, которые отличаются отъ изучаемыхъ наукой фактовъ лишь тѣмъ, что они болѣе первичны, менѣе смѣшаны съ отвлеченными понятіями и объяснительными гипотезами, болѣе точно соотвѣтствуютъ идеѣ факта, непосредственно данной реальности? Философія, понимаемая такимъ образомъ, не будучи въ точности наукой (ибо объектъ ея находится въ иной плоскости, чѣмъ объектъ наукъ), представляла бы существенныя черты всякой науки: преклоненіе передъ фактомъ, передъ опытомъ. Философія была бы въ этомъ случаѣ сознаніемъ первичнаго и непосредственнаго опыта, между тѣмъ какъ наука была бы систематизаціей обычнаго, вторичнаго и косвеннаго опыта.

Передъ нами очень соблазнительное опредѣленіе. Но какимъ образомъ могъ бы получить человѣкъ этотъ непосредственный опытъ, независимый отъ всякаго отвлеченнаго понятія, предшествующій образованію такихъ понятій? Что такое интуиція сама по себѣ, безъ всякой примѣси отвлеченнаго понятія? Не представляетъ ли такая операція скорѣе только одну половину дѣйствительной операціи нашего духа, одну сторону опыта, искусственно изолированную отъ другой и одаренную иллюзорной индивидуальностью и самодовлѣніемъ?

А допустивъ даже, что подобная интуиція безъ отвлеченныхъ понятій возможна, можно ли избѣгнуть знаменитой дилеммы Канта: если понятіе безъ интуиціи пусто, то интуиція безъ понятія слѣпа. Реальное знаніе человѣка получается лишь путемъ соединенія отвлеченнаго понятія и интуиціи. Если убрать совсѣмъ понятія, то остается то, что называютъ чистымъ чувствомъ; это, разумѣется, реальное состояніе, но само по себѣ оно вполнѣ субъективно, т. е. оно имѣетъ, можетъ быть, непреодолимую убѣдительность для переживающаго его человѣка, но не имѣетъ никакого интеллектуальнаго значенія для другихъ людей.

Да и сама эта сила убѣжденія, приписываемая себѣ чувствомъ, скорѣе мнимая, чѣмъ дѣйствительная. Воображеніе, говорилъ Лесли Стифенъ, слѣдуетъ лишь издали за разумомъ: The imagination lags behind the reason. Но оно все таки слѣдуетъ за нимъ. И идеи, ассоціируемыя нами съ нашими самыми сильными чувствами, рано или поздно должны будутъ согласоваться съ совокупностью нашихъ познаній. Такой то человѣкъ чувствуетъ въ себѣ сверхестественное дѣйствіе посторонннихъ силъ, тамъ гдѣ другой человѣкъ, привыкшій мыслить въ терминахъ физіологіи, находитъ лишь органическое раздраженіе.

Ни въ качествѣ науки, ни въ качествѣ опыта—въ научномъ смыслѣ этихъ словъ — философія не оказывается состоятельной въ глазахъ современной мысли. Какое же предстоитъ ей будущее?

A priori нѣтъ никакихъ основаній думать, что будущность философіи обезпечена. Развѣ продолжительность существованія чего нибудь есть, сама по себѣ, гарантія дальнѣйшаго существованія? Сколько вѣковыхъ вѣрованій исчезло! Есть случаи, когда слово „древній“ синонимично съ „достойнымъ уваженія“, но есть другіе случаи, когда оно равнозначуще съ „ста-

рымъ", „ветхимъ". Философія представляла собой одну опредѣленную стадію въ развитіи человѣческаго духа; она сыграла свою роль, полезную и славную въ исторіи этого развитія; и все таки нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что въ одинъ прекрасный день она окажется безполезной, вредной, и именно благодаря торжеству того самого способа познанія, который она подготовила и взлелѣяла, благодаря торжеству науки.

Если отнынѣ человѣческій духъ безвозвратно связанъ съ наукой, и если существованіе науки исключаетъ логически существованіе философіи, то какимъ образомъ сможетъ неопредѣленно долгое время существовать философія, это порожденіе логики и разума? Это убьетъ то — вотъ гдѣ находитъ свое примѣненіе знаменитое изреченіе.

III.

И однако по всеобщему признанію философія находится теперь въ цвѣтущемъ состояніи. И живымъ доказательствомъ этого является все возрастающій успѣхъ нашихъ конгрессовъ. И обновленіе философіи, пріобрѣтеніе ею новыхъ силъ, происходитъ въ настоящее время не путемъ изолированія ея отъ наукъ, а, наоборотъ, путемъ приближенія къ нимъ, путемъ все болѣе и болѣе интимнаго соединенія съ ними. Что же это значитъ? Не жертвы ли мы какой нибудь иллюзіи? Не по ошибкѣ ли носитъ этотъ конгрессъ названіе философскаго? Не преуспѣваютъ ли на нашихъ собраніяхъ лишь нѣкоторыя спеціальныя изслѣдованія, весьма похожія на тѣ, которымъ посвящаютъ себя исключительно научные съѣзды?

Прежде, чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію этого вопроса, спросимъ себя, какимъ образомъ слѣдуетъ произвести это разсмотрѣніе.

Если бы мы пытались—отвлекшись отъ притязаній

науки—установить непосредственнымъ образомъ закономѣрность философскихъ изслѣдованій, то мы бы не вышли изъ сферы абстрактно-діалектическихъ упражненій. Чудесное развитіе наукъ не просто открыло кучу истинъ, съ которыми приходится считаться; оно создало типъ мышленія, форму пониманія, съ которой мы отнынѣ неразрывно связаны и сообразно съ которой мы разсматриваемъ предлагаемыя намъ концепціи. Философія сможетъ существовать въ дальнѣйшемъ лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ находиться въ гармоніи съ тѣмъ способомъ мышленія, который породила наука. Вотъ почему анализъ природы и правъ философіи долженъ отнынѣ исходить изъ разсмотрѣнія наукъ.

Но, если мы исходимъ изъ разсмотрѣнія наукъ, то значитъ ли это, что мы будемъ считать себя въ правѣ мыслить только сообразно категоріямъ научнаго духа, какъ такового? Если нѣтъ иного правомѣрнаго мышленія, кромѣ строго научнаго мышленія, то всякое дальнѣйшее изслѣдованіе безполезно, ибо проблема рѣшена напередъ. Если можно мыслить лишь съ помощью числа, говорилъ Филолай, то все представляетъ для насъ неизбѣжнымъ образомъ число. Точно такимъ же образомъ, если только одна наука способна доставлять намъ истины, то философія — поскольку она имѣетъ притязанія быть чѣмъ то отличнымъ отъ науки — можетъ имѣть своимъ объектомъ лишь заблужденіе.

Но представляетъ ли въ самомъ дѣлѣ наука нашъ единственный органъ познанія? Человѣческая жизнь въ любое мгновеніе обнаруживаетъ передъ нами и другой органъ—именно то, что́ называютъ разумомъ. Вѣдь всякій знаетъ, что въ сферѣ практическаго мы принимаемъ рѣшенія не просто подъ вліяніемъ однихъ методически пріобрѣтенныхъ знаній, но и въ согласіи съ нѣкоторымъ чутьемъ реальнаго и нужнаго, которое, нисколько не становясь въ противорѣчіе съ

научнымъ познаніемъ, дополняетъ и направляетъ его согласно потребностямъ не могущаго ждать дѣйствія. Разумъ не есть наука. Эта послѣдняя представляетъ сумму свѣдѣній; первый же есть живая способность. Наука доставляетъ данныя, точки опоры, матеріалы; разумъ судитъ. Судить это значитъ различать, выбирать, усваивать, дѣлая все это не механически, не примѣняя автоматически какое то внѣшнее правило, но мысля въ категоріяхъ невыразимой идеи истиннаго. Науки получаются путемъ анализа явленій. Разумъ образуется путемъ размышленій и надъ науками и надъ жизнью.

Не имѣютъ ли науки тенденціи сдѣлать разумъ безполезнымъ и стать на его мѣсто въ человѣческомъ духѣ? Или разумъ играетъ, даже въ самихъ наукахъ, необходимую роль, которая можетъ оправдать его въ глазахъ ученаго, какъ и въ глазахъ человѣка, прикрѣпленнаго къ практической жизни?

Изслѣдуя вещи съ этой точки зрѣнія, мы избѣгнемъ и порочнаго круга, заключающагося въ томъ, чтобы задавать вопросъ съ точки зрѣнія науки, правомѣрно ли какое нибудь иное умозрѣніе, помимо науки; и всего того произвола, который неразрывно связанъ съ методомъ, не исходящимъ изъ разсмотрѣнія наукъ.

* * *

Часто говорятъ о наукѣ, какъ о чемъ то единомъ. Не въ томъ, разумѣется, смыслѣ, будто вполнѣ уже реализована систематизація частныхъ наукъ. Но предполагаютъ, что наука достаточно уже подтвердила нѣкоторые принципы, высказанные, между прочимъ, ею самою, и что поэтому можно считать обоснованной de jure идею объ универсальномъ тождествѣ и единствѣ, составляющую суть этихъ принциповъ. Съ этой точки зрѣнія должна имѣться въ концѣ развитія нашихъ на-

укъ нѣкоторая наука въ себѣ, единая и абсолютная, которая должна составлять для философа истинную форму науки.

Надо признать, что если, дѣйствительно, всѣ науки сводятся de jure къ единству, то весьма спорнымъ становится правомѣрность или интересъ такого изслѣдованія, какъ философія. Съ одной стороны подобная единая наука дала бы сама по себѣ серьезное удовлетвореніе той потребности въ единствѣ, которая является однимъ изъ существенныхъ мотивовъ философскаго изслѣдованія; съ другой стороны абсолютное единство науки означало бы абсолютное уподобленіе человѣка вещамъ, т. е. уничтоженіе человѣка, какъ человѣка. На долю философіи осталась бы просто задача спросить себя, на чьей сторонѣ, въ концѣ концовъ, находится иллюзія: на сторонѣ ли человѣка, который имѣетъ сознаніе своего существованія (d'être) и можетъ найти лишь въ себѣ самомъ мѣру бытія (de l'être); или на сторонѣ науки, которая уничтожаетъ все, что въ глазахъ существъ (des êtres) есть условіе бытія (de l'être). Странная альтернатива! Приходится выбирать или познаніе, которое не примѣнимо къ бытію, или бытіе, которое не можетъ быть объектомъ познанія.

Но мы вовсе не находимся въ такомъ положеніи. Наша наука, по существу своему экспериментальная, вовсе не едина и даже не знаетъ, станетъ ли она когда нибудь единой. Единство для нея не конститутивный, но методологическій принципъ: это вопросъ, задаваемый ею природѣ. Въ дѣйствительности нѣтъ одной науки; имѣются различныя науки. Науки эти стремятся не только систематизировать и объединить познанія, но и достигнуть реальности, пріобрѣсти по истинѣ объективное значеніе. Какъ добиваются онѣ этого?

Если есть наука, имѣющая, повидимому самодовлѣющій характеръ и пользующаяся одной чистой дедук-

ціей—такъ это математика. Чтобы доказать, что она довольствуется одной только дедукціей и абстрактнымъ понятіемъ, ей слѣдовало бы окончательно изгнать призракъ безконечности, являющейся, какъ кажется, объектомъ не чисто отвлеченнаго понятія, но интуиціи. Однако врядъ ли она когда нибудь вполнѣ успѣетъ въ этомъ. Одинъ весьма талантливый математикъ-философъ, недавнюю смерть котораго мы еще оплакиваемъ, Жюль Таннри особенно много работалъ надъ тѣмъ, чтобы свести къ чисто логическимъ элементамъ данныя математики. Когда то онъ высказалъ такую мысль: „Понятіе о безконечномъ, изъ котораго не слѣдуетъ дѣлать въ математикѣ чего либо таинственнаго, сводится къ слѣдующему: послѣ каждаго цѣлаго числа есть еще другое цѣлое число". Но впослѣдствіи онъ замѣтилъ, что въ предложеніи „есть еще другое число" глаголъ „есть" въ настоящемъ времени означаетъ, что вмѣстѣ съ любымъ числомъ дано точно также и слѣдующее за нимъ число; и такимъ образомъ это опредѣленіе предполагаетъ нѣкоторый рядъ, въ одно и тоже время и опредѣленный и безконечный, что́ является логической безсмыслицей. Математика не сводится просто къ нѣкоторой системѣ предложеній, подчиненныхъ одному только условію включенія другъ въ друга. Она имѣетъ не только логическое, но и объективное значеніе; и это значеніе связано съ извѣстными сущностями, т. е. извѣстными интуиціями, которыя она предполагаетъ.

То же самое можно сказать о физикѣ; она имѣетъ свои собственные постулаты, безъ которыхъ она не можетъ обойтись.

Если вѣрно то, что самый глубокій физическій законъ, законъ, отъ котораго зависитъ конкретное наступленіе явленій, есть принципъ деградаціи энергіи, то физика предполагаетъ идею измѣненія, при томъ

качественнаго измѣненія, которое вообразимо лишь, какъ продуктъ нѣкорой интуиціи.

Въ біологіи всѣ объясненія, всѣ теоріи предполагаютъ понятіе о приспособленіи, или объ измѣненіи, стремящемся къ сохраненію данной индивидуальности; и это понятіе показываетъ неизбѣжную роль интуиціи въ изслѣдованіяхъ этаго рода.

Психологія можетъ стать объективной наукой, постигающей специфическія черты изучаемыхъ ею явленій, только допустивъ интуитивное понятіе о нѣкоторомъ выборѣ средствъ, выборѣ, производимомъ объединяющей дѣятельностью, называемой „я“, въ цѣляхъ осуществленія и роста этого самого „я“.

Наконецъ соціологія, пытающаяся сложиться въ особую науку, основывается на допущеніи, что, поскольку группа индивидовъ образуетъ общество, эта группа обладаетъ такими свойствами, которыя невыводимы изъ свойствъ отдѣльныхъ индивидовъ и которыя принудительно навязываются этимъ индивидамъ. Общество является по отношенію къ индивидамъ, изъ которыхъ оно составлено, какимъ то новымъ бытіемъ. Понятіе о немъ можетъ быть поэтому разъяснено лишь съ помощью интуиціи.

Я вспоминаю, какъ нашъ горестно оплакиваемый Жюль Таннри началъ съ утвержденія: здравому смыслу нѣтъ мѣста въ математикѣ. Онъ хотѣлъ сказать этимъ, что во всѣхъ теоріяхъ человѣческаго дѣйствія, и даже во всѣхъ конкретныхъ наукахъ, надо дать мѣсто тѣмъ, пріобрѣтеннымъ путемъ непосредственнаго контакта съ реальностью, понятіямъ, которыя заключаются въ выраженіи „здравый смыслъ“, — но что въ математикѣ нечего дѣлать съ этими понятіями. Въ дѣйствительности же математика — какъ это признанъ впослѣдствіи и самъ Таннри — предполагаетъ наличность подобныхъ понятій, берущихъ начало въ интуиціи; и

науки, по мѣрѣ того, какъ онѣ приступаютъ къ разсмотрѣнію болѣе конкретныхъ и живыхъ объектовъ, требуютъ болѣе богатыхъ и оригинальныхъ интуицій.

Не слѣдуетъ смѣшивать объективности съ объективизмомъ. Всякое познаніе стремится къ объективности. Но самое вѣрное средство добиться этого не состоитъ всегда въ томъ, чтобы обязательно пользоваться исключительно объективнымъ методомъ. Есть случаи, когда даже очень большія уступки субъективному методу являются гораздо болѣе вѣрнымъ средствомъ достигнуть извѣстной степени объективности. Чтобы узнать и понять какое нибудь произведеніе искусства, необходимо, разумѣется, пріобрѣсти всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя можетъ дать эрудиція. Но болѣе прямой и даже болѣе вѣрный путь, — апеллировать къ своему уму, своей чуткости, вкусу, чѣмъ ограничиваться одними чисто объективными данными. Тоже самое можно сказать и о религіи, которая раскрываетъ свою сущность лишь тому, кто какимъ нибудь образомъ испытываетъ религіозное чувство. И то, что́ примѣнимо къ наукамъ о духѣ, имѣетъ свое значеніе и въ области физико-математическихъ наукъ. Здѣсь тоже необходимо уступить нѣкоторое мѣсто субъективному методу, интуиціи, чтобы добиться объективности конкретнаго познанія. Объективизмъ предполагаетъ, что вещи могутъ сводиться для насъ буквально къ ихъ отношеніямъ. Такая точка зрѣнія носитъ чисто теоретическій характеръ. Мы не можемъ — не лишая ихъ объективной цѣнности — изолировать знаки отъ ихъ значенія.

Такимъ образомъ фактически мы имѣемъ передъ собою не единую и универсальную науку, но различныя науки; и каждая изъ этихъ наукъ предполагаетъ постулаты, доставляемые ей интуиціями. Наука представляетъ собой попытку уменьшать неопредѣленнымъ образомъ долю интуиціи и довольствоваться дедукціей.

Но подобно тому, какъ человѣкъ долженъ обратиться къ своимъ собственнымъ силамъ, чтобы замѣнить ихъ, въ своихъ работахъ, силами природы, такъ и интуиція остается необходимой для науки, чтобы послѣдняя научилась обходиться безъ нея.

* * *

Такова человѣческая наука. Она довлѣетъ себѣ только при наличности извѣстнаго числа постулатовъ, идея о которыхъ доставляется ей интуиціями.

Но замѣчательно, что, если разумъ начинаетъ размышлять надъ условіями дѣйствія и науки, то онъ находитъ, что постулаты дѣйствія совпадаютъ по существу съ постулатами науки.

Первая характерная черта человѣческаго дѣйствія— это то, что оно всегда преслѣдуетъ что нибудь новое. Въ каждомъ изъ нашихъ поступковъ дѣло идетъ о томъ, чтобы произвести явленіе, которое не представляетъ собой механической равнодѣйствующей предшествующихъ побужденій. Конечно, человѣкъ не можетъ дѣйствовать, не подражая или природѣ, или какому нибудь другому человѣку, или самому себѣ: однако онъ считаетъ для себя недостойнымъ ограничиться однимъ подражаніемъ; и лишь только онъ хочетъ проявить себя, какъ человѣка, онъ пытается использовать извѣстныя ему вещи, чтобы придумать какое нибудь оригинальное открытіе. Но это предполагаетъ, что человѣкъ видитъ передъ собой безконечное поле возможностей. Понятіе о безконечномъ есть условіе человѣческаго дѣйствія.

Во вторыхъ дѣйствіе проистекаетъ изъ ощущенія недостатка, чего то нехватающаго, какого то совершенства, на которое мы можемъ претендовать и которымъ мы не обладаемъ. И оно приводитъ къ сознанію возможности бо́льшаго или меньшаго благополучія. Оно

не представляло бы никакого интереса, оно исчезло бы, если бы человѣкъ могъ двигаться лишь въ сферѣ однороднаго. Больше земель, больше богатства, больше силы, больше почета — все это представляетъ въ глазахъ человѣка не просто бо́льшую сумму однородныхъ единицъ: это сознаніе нѣкотораго другого состоянія, сознаніе качественной перемѣны, новой цѣнности. Ощущеніе человѣка, поднимающагося въ воздухѣ совсѣмъ не то, которое имѣла бы управляемая имъ машина, если бы она сознавала свою работу. Такимъ образомъ второе условіе дѣйствія это—идея качества, идея возможности не простого „больше“ или „меньше“, но измѣненія по существу, возможности „лучшаго“ или „худшаго“.

Дѣйствіе не есть, впрочемъ, цѣль для самого себя. Человѣкъ дѣйствуетъ въ качествѣ индивида; и онъ намѣревается сохранить свою индивидуальность, несмотря на всѣ измѣненія, происходящія въ средѣ, отъ которой онъ зависитъ. Дисгармонія между этой средой и его состояніемъ есть для него причина страданія; онъ старается устранить проистекающія изъ этого непріятности; и первымъ дѣломъ онъ приноравливается— на сколько онъ можетъ это сдѣлать, не рискуя своимъ существованіемъ—къ условіямъ, въ которыхъ онъ находится. Только такой цѣной можно купить сохраненіе индивида. Это сохраненіе предполагаетъ именно то, что́ біологія называетъ приспособленіемъ.

Это не все: человѣческое дѣйствіе не есть просто усиліе индивида, какъ такового. Оно разумно; оно совершается ради извѣстныхъ цѣлей, желаемыхъ дѣйствующимъ субъектомъ; оно прибѣгаетъ также къ опредѣленнымъ средствамъ, согласнымъ съ преслѣдуемой цѣлью и съ наклонностями субъекта. Человѣческое дѣйствіе предполагаетъ такимъ образомъ синтетическую дѣятельность, способную къ выбору, какъ ее до-

пускаетъ въ качествѣ своего собственнаго объекта психологическая наука.

Наконецъ, человѣческое дѣйствіе не заключено въ границахъ индивидуальнаго интереса; оно имѣетъ цѣлью общественный интересъ, какъ нѣчто иное и болѣе возвышенное. Это не все: благодаря постоянному и взаимному вліянію индивида на общество и общества на индивида, человѣкъ начинаетъ постигать, все болѣе и болѣе отчетливо, высшія и идеальныя цѣли, къ которымъ онъ пытается направить и соціальную жизнь и индивидуальную жизнь. Человѣческое дѣйствіе предполагаетъ такимъ образомъ тѣ самыя понятія объ обществѣ, какъ объ отличной реальности, и объ идеальномъ долгѣ, обязательномъ и для общества, и индивида, безъ которыхъ не можетъ обойтись соціологія, если она хочетъ быть наукой о человѣческихъ обществахъ, а не просто о животныхъ обществахъ.

Такимъ образомъ дѣйствіе, какъ и наука, предполагаетъ нѣкоторые постулаты; и постулаты эти по существу у нихъ одни и тѣ же. Реальное же и глубокое различіе между наукой и дѣйствіемъ заключается въ томъ, что, въ то время какъ наука стремится устранить интуицію и оставить только законъ, дѣйствіе стремится поглотить законъ, чтобы дать появиться самому богатому, самому гибкому и самому свободному по возможности существу.

* * *

Это родство дѣйствія и науки, это общее признаніе однихъ и тѣхъ постулатовъ, есть для ученаго серьезный мотивъ не пренебрегать дѣйствіемъ, но признать его—въ самой его специфичности—реальнымъ и совмѣстнымъ съ объектами научнаго познанія; и признать, наконецъ, его реальность и цѣнность даже въ тѣхъ изъ его частей или его формъ, которыхъ не можетъ ассимилировать наука.

Если бы, дѣйствительно, существовала способность мышленія, которая была бы, такъ сказать, общимъ корнемъ науки и дѣйствія, то можно было бы сказать, что эта способность представляетъ не только интересную точку зрѣнія, но и способъ познанія, имѣющій извѣстную цѣнность какъ въ глазахъ ученаго, такъ и въ глазахъ обыкновеннаго человѣка.

Но то, что́ называютъ разумомъ, и есть именно эта способность. Древніе греки видѣли въ немъ наставника мудрости, σοφία, и подъ этимъ словомъ понимали гармонію науки и дѣйствія. По ихъ мнѣнію, существуетъ тѣсная и взаимная близость между умомъ и волей: отсюда сократовскій парадоксъ добродѣтели, отожествляемой съ наукой о благѣ. Въ новое время Кантъ распозналъ, что разумъ можетъ опредѣлять наши сужденія столько же въ качествѣ практической, сколько въ качествѣ теоретической способности; но, стоя на своей аналитической точкѣ зрѣнія, онъ находитъ эти способности внѣшними другъ другу. Вотъ эту то точку зрѣнія и слѣдуетъ преодолѣть. Надо настаивать на искусственномъ характерѣ раздѣленія теоретической и практической функцій разума. Вѣдь что характеризуетъ разумъ, что́ составляетъ по истинѣ его сущность и цѣнность, такъ это то, что онъ сливаетъ въ неразрывное единство условія дѣйствія и условія познанія. Сказать, что это единство есть синтезъ теоріи и практики, значило бы опять таки пользоваться подозрительной метафорой, ибо синтезъ предполагаетъ наличность предсуществующихъ единицъ. Здравый смыслъ, какъ говорилъ Декартъ, разумъ, какъ его понимаетъ обыкновенная рѣчь, представляетъ собой принципъ, болѣе глубокій, чѣмъ подобный синтезъ: онъ есть коренное единство чувства реальнаго и чувства раціональнаго. Конечно, разумъ развивается, питаясь и научными познаніями и практическимъ опытомъ. Но

онъ есть, самъ по себѣ, умъ въ непосредственномъ соприкосновеніи съ бытіемъ, мысль тайно единая съ дѣйствіемъ.

Если размышленіе, исходящее изъ разсмотрѣнія положительныхъ наукъ, признаетъ правомѣрность понятія разума въ этомъ смыслѣ, то правомѣрными окажутся и умозрѣнія, въ которыхъ выражается жизнь и развитіе этого разума. Но эти умозрѣнія и представляютъ какъ разъ то, что́ называютъ философіей.

Онѣ распадаются на три категоріи:

1) Что касается наукъ, то разумъ анализируетъ ихъ методы, тѣ операціи, съ помощью которыхъ онѣ образуются и развиваются, для того, чтобы выдѣлить заключенный въ нихъ субъективный элементъ, живой смыслъ ихъ формулъ, отношеніе ихъ достовѣрности къ удовлетворенію духа.

2) Что касается искусства, морали, религіи, то разумъ пытается найти и опредѣлить отношеніе, соединяющее съ данною и видимой реальностью эти три специфически человѣческихъ міра, для которыхъ внѣшняя реальность есть лишь опора; онъ пытается опредѣлить присущій имъ родъ существованія и ихъ значеніе. Искусство это міръ, въ которомъ человѣкъ находится у себя дома; онъ построенъ изъ матеріаловъ, взятыхъ въ этомъ данномъ намъ и реальномъ мірѣ, равнодушномъ къ человѣку. Мораль это идеальный міръ, построенный разумомъ въ качествѣ модели для человѣческихъ обществъ. Религія это міръ, одновременно и внутренній и трансцендентный; онъ воспринимается, и какъ сверхъестественный и какъ могущій быть реализованнымъ въ нашемъ видимомъ мірѣ.

Въ то время, какъ для человѣка, знающаго только жизнь и науку, эти матеріально нереальные міры, просто присоединяются, благодаря работѣ воображенія или сердца, къ чувственному міру, въ которомъ мы себя

застаемъ, философъ можетъ находить раціональное отношеніе между непосредственной реальностью и этими идеальными существованіями.

3) Наконецъ, разумъ можетъ изучать самого себя, въ своемъ отношеніи къ истинѣ и къ бытію: это и есть то, что̀ спеціально называется метафизикой.

IV.

Такъ можетъ философія сложиться въ самостоятельное изслѣдованіе, хотя она и исходитъ изъ изученія наукъ и анализа ихъ данныхъ. Ея функція заключается въ томъ, чтобы найти отношенія науки и дѣйствія. Она отвѣчаетъ на потребность знать, оставляетъ ли бытіе—поскольку оно выходитъ изъ рамокъ науки—мѣсто для работы ума, разума, человѣческой мысли. Здѣсь передъ нами человѣкъ, спрашивающій себя, не является ли какимъ нибудь образомъ онъ самъ центромъ и единствомъ вещей. Не найдетъ ли онъ въ себѣ какой нибудь черты совершенства, о которой можно съ правомъ думать, что она родственна принципу вселенной?

Способъ мышленія философіи это не чистая интуиція, которая представляется для насъ неосуществимой абстракціей; это также не чистое разсужденіе, замкнутое въ мірѣ отвлеченныхъ понятій; это—діалектика, руководимая постоянно прямымъ общеніемъ съ самой конкретной и непосредственной, доступной намъ, реальностью; и это—интуиція, которая, сохраняя свою самочинность, вбираетъ въ себя самыя глубокія и обширныя понятія, до которыхъ могъ дойти человѣческій духъ. Это—возможно болѣе тѣсное и интимное сліяніе діалектики съ интуиціей.

Поэтому, если въ философскомъ познаніи мы не имѣемъ того рода объективности, который достаточенъ

для наукъ и который основывается на искусственномъ построеніи внѣшняго міра, сравнимаго съ нашими отвлеченными понятіями, то оно все таки не сводится къ одному индивидуальному чувству. Оно имѣетъ своей цѣлью схватить саму основу научной объективности, и цѣнность его доказывается тѣмъ, что оно способно завоевывать умы: а это, несомнѣнно, является всегда послѣднимъ основаніемъ достовѣрности.

* * *

Если такова философія, то въ чемъ же заключается ея отношенія къ наукѣ?

На этотъ вопросъ нельзя дать простого и пригоднаго разъ навсегда отвѣта. Можно, конечно, легко рѣшить его, давши сперва опредѣленіе тѣхъ отношеній, которыя считаютъ разумными, и разсмотрѣвъ затѣмъ, допускаютъ ли философія и науки между собой подобныя отношенія. Но установленный такимъ образомъ a priori типъ отношеній есть лишь построенія ума, и дѣйствительность вовсе не обязана подчиняться ему. Философія и наука сложились, опредѣливъ мало-помалу, на основаніи изученія самой природы вещей, различные виды отношеній, болѣе глубокихъ, чѣмъ внѣшнія отношенія. Существуетъ, говорилъ Гераклитъ, невидимая гармонія, которая прекраснѣе гармоніи видимой: ἁρμονίη ἀφανὴς φανερῆς κρείττων. Философія есть исканіе этой внутренней гармоніи.

Греческая философія заключалась въ открытіи трехъ сортовъ отношеній: отношенія тождества и противорѣчія; отношенія механической причинности; отношенія цѣлеположности (финальности).

Съ Галилеемъ и Декартомъ наука и философія выявили новый родъ отношенія: отношеніе непосредственной связи между двумя несводимыми другъ къ

другу объектами. Разумѣется, говорилъ Декартъ, имѣя связь: cogito ergo sum, я могу ее выразить потомъ въ силлогистической формѣ, придумавъ для абстрактнаго выраженія этой связи, большую посылку: quiquid cogitat est и сдѣлавъ тогда изъ ergo sum заключеніе. Но этотъ методъ, пригодный въ цѣляхъ изложенія, не годится для открытія связей, ибо онъ лишь выражаетъ логически открытыя уже ранѣе связи; а человѣкъ всегда находится и будетъ, несомнѣнно, находится въ періодѣ поисковъ.

Философская проблема, поставленная декартовскимъ ученіемъ о связи, заключалась въ томъ, чтобы узнать, въ какой мѣрѣ можно считать раціональнымъ отношеніе между A и B, разсматриваемыми, какъ несводимые другъ къ другу члены. Такъ называемая раціоналистическая школа пыталась интеллектуализировать то, что здѣсь на первый взглядъ кажется чистой эмпиріей. Декартъ замѣтилъ, что оба члена нѣкоторыхъ связей схватываются вмѣстѣ одной нераздѣльной интуиціей духа: uno mentis intuitu. Лейбницъ нашелъ между двумя связанными членами отношеніе непрерывности. Кантъ полагалъ, что эта связь есть синтезъ, производимый духомъ сообразно его потребностямъ и законамъ. Гегель открылъ въ реальныхъ отношеніяхъ вещей самъ духъ, осуществляющій прогрессивно единство—одновременно конкретное и универсальное—являющееся его сущностью.

И даже нынѣ мы замѣчаемъ людей практическаго дѣйствія, какъ и спеціалистовъ-философовъ, углубляющихся въ изученіе понятія о солидарности въ надеждѣ открыть благодаря ему болѣе раціональное и правильное пониманіе соціальныхъ отношеній.

Духу утонченности, какъ говорилъ Паскаль, свойственно пытаться опредѣлять подобныя отношенія; и таковы отношенія между философіей и наукой. Вообще

переходъ отъ науки къ философіи не есть нѣчто необходимое. Ἀναγκαιότεραι μὲν οὖν πᾶσαι αὐτῆς, говорилъ Аристотель: нѣтъ такой науки, которая не была бы болѣе необходимой, чѣмъ философія. Человѣкъ можетъ жить, не мысля: достаточно для этого ему забыть, что онъ человѣкъ. И такъ какъ мысль представляетъ собой напряженіе и сопряжена съ нѣкоторымъ рискомъ, то благоразуміе, равно какъ и законъ наименьшаго усилія, легко убѣждаютъ человѣка обходиться безъ философской рефлексіи. Но Аристотель прибавляетъ: ἀμείνων δ'οὐδερμία. Если мысль не есть нѣчто необходимое, то она—нѣчто славное и возвышенное. Благодаря мысли, благодаря философіи, человѣкъ начинаетъ глубже понимать вещи, различаетъ лучше реальныя цѣнности, изыскиваетъ средства сдѣлать изъ разума силу, играющую роль въ мірѣ.

Поэтому, если отношеніе философіи къ наукѣ не носитъ печати необходимости, если оно свободно (contingent), то оно все таки не случайно и произвольно. Само контингентное, говорилъ Лейбницъ, можетъ имѣть раціональный корень. Въ глазахъ человѣка, который желаетъ не только знать, но также понимать и составить себѣ идеалъ, есть извѣстная солидарность между наукой и философіей. Философія—это работа разума, пользующагося наукой и жизнью, чтобы осуществить самого себя.

* * *

Находится ли эта концепція философіи—соединяющая ее, въ извѣстномъ смыслѣ, съ науками—находится ли она въ противорѣчіи съ результатомъ творчества великихъ философовъ прошлаго, и ведетъ ли она къ отрицанію этого творчества?

Она плохо мирилась бы съ прошлымъ философіи, если бы въ исторіи послѣдней желали видѣть только

логическій рядъ или цѣпь системъ, которыя имѣютъ самодовлѣющій характеръ и образуютъ особый міръ, управляемый спеціальной діалектикой.

Но развѣ философія вся заключается въ системахъ философіи? И не представляютъ ли эти послѣднія чего то другого, а вовсе не неизмѣнныхъ построеній, въ которыхъ думалъ замкнуться навсегда духъ?

Философія перемѣнила не мало системъ, слѣдовательно она себя чувствовала тѣсно въ системахъ. Мысль большинства философовъ развивалась,—слѣдовательно, она не была рабой своихъ собственныхъ твореній. Правда, творенія человѣческаго духа существуютъ въ извѣстномъ смыслѣ особнякомъ; и это побуждаетъ критику схоластическаго рода считать своей задачей объясненіе философскихъ системъ путемъ простого механическаго сопоставленія текстовъ и документовъ. Но что составляетъ цѣнность, истину и плодотворность самихъ этихъ системъ—это геній философа, воплощеніемъ котораго онѣ являются и который живетъ въ нихъ. И если фактически геній этотъ доступенъ намъ лишь черезъ тексты, если всякая попытка непосредственнаго общенія съ нимъ, какъ это могли бы сдѣлать безтѣлесные духи, иллюзорна, то мы все таки не обманываемся, разыскивая подъ буквой духъ, подъ формулами—живую мысль.

Концепція философіи, понимаемой, какъ автономное и свободное (contingent) развитіе разума, размышляющаго надъ наукой и жизнью, вполнѣ совмѣстима съ существованіемъ и авторитетомъ науки. Такая философія не противоставляетъ наукѣ замкнутой системы, своего рода апріорной науки, воздымающейся напротивъ опытной науки, которая одна только признается правомѣрной современниками. Съ одной стороны эта философія отлична отъ науки и находится въ совсѣмъ иной плоскости; съ другой стороны, открытая для воздѣй-

ствія науки, она никогда не сможетъ ни противорѣчить ей, ни игнорировать ее.

Занявъ эту позицію, она ничего не теряетъ ни въ своей реальности, ни въ своей плодотворности. Духъ имѣетъ свойство, говорилъ Гете, постоянно возбуждать духъ: Dies ist die Eigenschaft des Geistes, dass er den Geist ewig anregt. Философія, какъ жизнь, менѣе уловима, по видимости, но болѣе дѣйственна въ своемъ вліяніи на людей, чѣмъ философія, какъ система.

Философія духа была, въ дѣйствительности, тѣмъ предѣломъ, къ которому вели усилія великихъ мыслителей.

Платонъ и Аристотель были новаторами, желавшими освободить умъ отъ ига механической необходимости и обезпечить ему свободное и независимое существованіе. Декартъ считалъ своей главной задачей не построить систему, но развить свой разумъ, размышляя надъ урокомъ, даваемымъ науками и практическимъ опытомъ.

Эту задачу должны сохранить и мы. Она способна удовлетворить всѣмъ нашимъ честолюбивымъ мечтамъ. Разумъ либералень: онъ умѣетъ сочетать уваженіе къ прошлому съ заботой о правахъ будущаго. Онъ обезпечиваетъ человѣку сохраненіе всего наиболѣе цѣннаго изъ наслѣдства предковъ; и онъ радушно привѣтствуетъ—въ томъ, что въ нихъ существеннаго—наши самыя прекрасныя, самыя дорогія надежды.

Перевелъ ***П. С. Юшкевичъ.***

Г. Гомперцъ [1])

Задачи ученія о міровоззрѣніи (Weltanschauungslehre).

§ 1.

Философская дисциплина, называемая нынѣ то метафизикой, то теоріей познанія, часто также раздѣляемая на метафизику и теорію познанія, въ дальнѣйшемъ будетъ именоваться ученіемъ о міровоззрѣніи или космотеоріей.

Разъясненіе.

1) Врядъ ли можно отрицать наличность реальной потребности во всеобъемлющемъ названіи для изслѣдованій обозначеннаго рода. Доказать это можно, разумѣется, лишь раскрывши единую задачу этихъ изслѣдованій; но, такъ какъ мы только собираемся разыскивать подобную задачу, то такое доказательство не можетъ быть дано въ этомъ мѣстѣ. Поэтому, принимая пока за данное наличность подобной потребности, мнѣ остается здѣсь лишь, съ одной стороны, показать непригодность ходячихъ наименованій, а, съ другой, пригодность предлагаемаго мной выраженія.

[1]) Здѣсь дана съ сокращеніями первая глава перваго тома „Weltanschauungslehre“

2) Не трудно прежде всего замѣтить малоудовлетворительность названія: „теорія познанія“. Одно только то, что многіе авторы разрабатываютъ, наряду съ теоріей познанія, и метафизику, какъ особую отрасль нашей науки, свидѣтельствуетъ о чувствѣ неудовлетворенности этимъ наименованіемъ. Дѣйствительно, теорія познанія подвергаетъ почти всѣ изучаемыя ею проблемы односторонне субъективирующему разсмотрѣнію, предвосхищая такимъ образомъ рѣшеніе ихъ. Вѣдь такіе, напримѣръ, вопросы, какъ вопросъ о субстанціальной природѣ души или о свободѣ воли не имѣютъ, очевидно, непосредственнаго отношенія къ нашему познанію, но касаются, по своему значенію, вещей и процессовъ. Съ другой стороны, есть рядъ серьезныхъ соображеній, заставляющихъ высказаться противъ употребленія термина: „метафизика“. Въ своемъ первоначальномъ значеніи смыслъ слова „метафизика“ совпадаетъ почти цѣликомъ съ тѣмъ понятіемъ, которое мы здѣсь имѣемъ въ виду. Имя метафизики въ изданіяхъ Аристотеля носятъ книги, помѣщенныя послѣ его физическихъ сочиненій (τὰ μετὰ τὰ φυσικά), и въ нихъ, дѣйствительно, трактуется о проблемахъ ученія о міровоззрѣніи. Но иронія исторіи придала этому слову побочное значеніе, отъ котораго оно уже врядъ ли можетъ быть освобождено—именно значеніе изслѣдованія, направленнаго, главнымъ образомъ, на сущности, лежащія внѣ человѣческаго опыта. И такъ какъ названіе метафизики превосходно для обозначенія этой, расположенной по ту сторону природы, области (τὰ μετὰ τὰ φυσικά), то было бы очень желательно ограничить его употребленіе для характеристики того философскаго направленія мысли, которое принципіально переступаетъ сферу опыта. У Аристотеля, правда, мы встрѣчаемъ еще и другое выраженіе; онъ самъ называетъ нашу науку Первой Философіей (πρώτη φιλοσοφία, philosophia

prima). Но какъ ни цѣлесообразно было бы по существу дѣла это наименованіе, съ точки зрѣнія языка оно едва ли пригодно. Можно было бы, наконецъ, рѣшиться говорить просто о теоретической философіи. Поступая такимъ образомъ, мы бы отграничили нашу область отъ всякой другой, гдѣ на первомъ планѣ стоитъ не воззрѣніе (θεωρία), а поведеніе, практика (πρᾶξις). Но такое названіе было бы слишкомъ широко: мы привыкли относить къ „теоретической философіи", всю логику и психологію, между тѣмъ какъ „первая философія", если и находится въ близкихъ отношеніяхъ къ обѣимъ этимъ наукамъ—то беря у нихъ, то давая имъ—все таки не можетъ заниматься ихъ проблемами, какъ таковыми. Словомъ, традиціонныя названія, повидимому, дѣйствительно не удовлетворяютъ указанной выше потребности.

3) Но, чтобы этой потребности могло удовлетворить ученіе о міровоззрѣніи, должно прежде всего имѣть въ виду два возможныхъ недоразумѣнія. Во первыхъ его могутъ благодаря имени принять за ученіе о міровоззрѣніяхъ, т. е. объ ихъ исторической, экономической или психологической обусловленности. Разумѣется, подобныя изслѣдованія—къ сожалѣнію, весьма немногочисленныя и малоудовлетворительныя — весьма желательны. Но они относятся къ исторіи философіи, посколько занимаются отдѣльными случаями; если же они трактуютъ объ общихъ правилахъ, то ихъ мѣсто въ философіи исторіи, соціологіи или психологіи. Ученіе же о міровоззрѣніи, какъ мы его понимаемъ, имѣетъ совсѣмъ иную задачу. Оно старается не объяснить данныя міровоззрѣнія, а само обосновать міровоззрѣніе. А что касается данныхъ міровоззрѣній, то оно интересуется не тѣмъ, чтобы показать ихъ обусловленность, но скорѣе тѣмъ, чтобы провѣрить ихъ истинность. Оно, однимъ словомъ, не описательная и сравнительная наука, но

критическая и догматическая дисциплина. Но не одно только отношеніе ея къ міровоззрѣніямъ нуждается въ разъясненіи, нуждается въ немъ и само слово: „міровоззрѣніе“. Это слово нынѣ часто употребляется въ нѣсколько расплывчатомъ смыслѣ: съ одной стороны оно должно обозначать отношеніе индивида къ наиобщимъ вопросамъ познанія, а, съ другой, послѣдніе принципы его поведенія по отношенію къ вещамъ и событіямъ, и даже главнымъ образомъ отраженіе его практической позиціи въ сферу теоретическаго убѣжденія. Мы не согласны съ этимъ словоупотребленіемъ. Воззрѣніе мы понимаемъ въ смыслѣ греческой θεωρία, между тѣмъ какъ практическая позиція въ лучшемъ случаѣ можетъ быть названа пониманіемъ (Auffassung). Но и то, что созерцаютъ (или понимаютъ), получаетъ, повидимому, въ зависимости отъ этого различное наименованіе. Одно и то же событіе, называемое нами фактомъ, поскольку дѣло идетъ объ его объективной наличности, мы именуемъ переживаніемъ, поскольку вниманіе обращено на субъективную реакцію личности. Поэтому совокупность этихъ событій представляется человѣку, то какъ его міръ, то какъ его жизнь. Поэтому мы отличаемъ ученіе о міровоззрѣніи (Weltanschauungslehre) отъ ученія о жизнепониманіи (Lebensauffassungslehre), подобно тому, какъ уже издавна противоставляютъ другъ другу теоретическую и практическую философію, съ той только разницей, что нѣмецкія выраженія должны отграничить на обѣихъ сторонахъ болѣе узкую и болѣе широкую область.

3) Провести подробнѣе эти различенія въ этомъ пунктѣ нашего изслѣдованія такъ же невозможно, какъ и дать окончательное, вытекающее изъ внутреннихъ основаній, оправданіе выраженія: „ученіе о міровоззрѣніи“. Лишь въ самомъ концѣ нашихъ изслѣдованій понятіе о мірѣ предстанетъ передъ нами въ томъ осо-

бенномъ смыслѣ, который заставляетъ его считать конечнымъ, завершающимъ понятіемъ въ этой наукѣ. Поэтому, если до тѣхъ поръ названіе нашей дисциплины должно имѣть нѣсколько произвольный и условный характеръ, то тѣмъ менѣе можно думать о томъ, чтобы вывести изъ него ея задачу. Мы постараемся найти ее инымъ способомъ. Сперва мы установимъ понятіе науки вообще. Затѣмъ мы разсмотримъ принципъ, лежащій въ основѣ отличія другъ отъ друга отдѣльныхъ наукъ. И, наконецъ, мы сдѣлаемъ приложеніе изъ всего этого къ ученію о міровоззрѣніи. Но, разумѣется, это было бы невозможно, если бы не могли предположить наличности нѣкотораго предварительнаго и приблизительнаго знанія о предметѣ космотеоріи. Ибо тотъ, кто бы совсѣмъ не зналъ, какого рода вопросами она занимается, тотъ не сумѣлъ бы никогда найти отличительный признакъ, отграничивающій ее отъ другихъ наукъ, и, значитъ, никогда не могъ бы достигнуть болѣе точнаго опредѣленія ея задачи. По поводу этой „циклической природы познанія“ Шлейермахеръ правильно замѣтилъ, что она не дозволяетъ собственно настоящаго „пріобрѣтенія“, а только лишь „постепенное просвѣтлѣніе, при которомъ становится яснѣе, опредѣленнѣе, надежнѣе то, что уже имѣлось раньше на низшей ступени сознанія“ [1]). Указывая на область такъ называемой метафизики и теоріи познанія, мы имѣли въ виду вызвать такое первичное неопредѣленное представленіе о задачахъ ученія о міровоззрѣніи. Болѣе же точное опредѣленіе (которое вовсе не должно сохранить цѣликомъ это предварительное представленіе, а можетъ, наоборотъ, измѣнить и поправить его въ деталяхъ) мы постараемся получить указаннымъ выше путемъ.

---

[1]) Dial. § 1, Zusatz.

§ 2.

Ученіе о міровоззрѣніи есть наука, т. е.—въ объективномъ смыслѣ—связь мыслей (понятій, сужденій, доказательствъ и пр.), которыя относятся къ фактамъ такъ, что являются ихъ отображеніемъ; въ субъективномъ же смыслѣ—совокупность человѣческихъ дѣятельностей, направленныхъ на полученіе подобныхъ связей мыслей.

Разъясненіе.

1) Только здѣсь находитъ свое примѣненіе цитированное въ предыдущемъ параграфѣ изреченіе Шлейермахера. Вѣдь всѣ понятія, встрѣчающіяся въ данномъ выше объясненіи, могутъ найти свое болѣе точное опредѣленіе лишь въ самомъ ученіи о міровоззрѣніи. Это замѣчаніе примѣнимо какъ къ понятіямъ объективнаго и субъективнаго, такъ и къ понятіямъ мысли и отображенія фактовъ. Здѣсь поэтому они употребляются лишь въ предварительномъ, приближенномъ и общеупотребительномъ смыслѣ.

2) И различеніе объективнаго и субъективнаго смысла науки введено здѣсь не догматическимъ образомъ, а имѣетъ лишь гипотетическое значеніе. Вѣдь вопросъ о томъ, существуютъ ли мысли и связи мыслей лишь въ качествѣ психическихъ переживаній мыслящаго индивида, или же онѣ и независимо отъ него имѣютъ собственное бытіе, является самъ одной изъ главныхъ проблемъ ученія о міровоззрѣніи. Въ зависимости отъ рѣшенія этого вопроса данное выше объясненіе науки въ объективномъ смыслѣ или сможетъ остаться, какъ таковое, или должно будетъ быть переведеннымъ на языкъ субъективизма. Пока мы придерживаемся обычнаго словоупотребленія, которое не-

сомнѣнно относитъ къ наукѣ и такіе факты, какъ размышленіе, сочиненіе книгъ и экспериментированіе, но все-таки въ совершенно иномъ смыслѣ, чѣмъ, скажемъ, опредѣленіе какого нибудь понятія, или какую нибудь теорему, или же какое нибудь доказательство.

3) Что же касается самихъ данныхъ объясненій, то въ нихъ говорится о связи мыслей, ибо никто не назоветъ одну единственную мысль наукой, и объ отображеніи фактовъ мыслями, ибо мы не назовемъ наукой ни простого куска дѣйствительности, ни также связи мыслей, которой не соотвѣтствуетъ ничего дѣйствительнаго. Но что въ субъективномъ смыслѣ всякая вообще или, по крайней мѣрѣ, всякая человѣческая наука (къ которой, очевидно, принадлежитъ и ученіе о міровоззрѣніи) предполагаетъ человѣческую дѣятельность, и при томъ такую, которая имѣетъ цѣлью созданіе научныхъ связей мыслей—это не нуждается въ особомъ доказательствѣ (я имѣю въ виду все еще провизорное и предварительное значеніе всѣхъ этихъ объясненій).

§ 3.

Какъ и всякая человѣческая дѣятельность наука въ субъективномъ смыслѣ слова (§ 2) служитъ для преуспѣянія жизни или для удовлетворенія потребностей.

Разъясненіе.

1) Я желалъ бы, чтобы этотъ тезисъ, утверждающій біологическую обусловленность науки, былъ понятъ въ возможно общемъ и, если можно такъ выразиться, безобидномъ смыслѣ. Не слѣдуетъ ни въ коемъ случаѣ думать, будто онъ предвосхищаетъ дальнѣйшія объясненія или будто онъ сводитъ на нѣтъ то, что было выше (§ 1 и 3) сказано о различіи между

теоретическимъ познаваніемъ и практическимъ поведеніемъ. Но, какъ ни важно это различіе, нельзя все же отрицать, что и познаваніе есть также нѣкоторое поведеніе, что созерцаніе есть пониманіе (Auffassen), а отказъ отъ всякой позиціи—все-таки принятіе извѣстной позиціи. Всякаго рода дѣятельность предполагаетъ наличность потребности, которую она должна удовлетворить. Этимъ еще не предрѣшается вопросъ о такъ называемой свободѣ воли. Вѣдь мы вовсе не утверждаемъ, что потребности, удовлетворяемыя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, должны всегда быть сильнѣе, чѣмъ другія потребности, которымъ могутъ соотвѣтствовать другого вида дѣятельности. Но вѣдь никто не утверждаетъ, что свобода заключается въ возможности дѣлать нѣчто такое, въ чемъ дѣлающій это не имѣетъ никакого интереса,—никто, кромѣ развѣ фантастическихъ защитниковъ свободы воли, создаваемыхъ для цѣлей легкаго опроверженія противниками ея. Не слѣдуетъ точно также думать, будто тѣ потребности, удовлетворенію которыхъ служитъ научная дѣятельность, должны быть практическими въ тѣсномъ смыслѣ слова. Для защищаемаго здѣсь тезиса достаточно и чисто теоретическихъ потребностей. Первоначально, вѣроятно, работа нашей мысли служитъ непосредственно сохраненію и обезпеченію жизни, но впослѣдствіи, когда образуются органы и навыки мышленія, одно функціонированіе этихъ органовъ является біологически цѣнной дѣятельностью. Не слѣдуетъ, наконецъ, думать, будто, благодаря неосторожному примѣненію біологическихъ понятій, будетъ полученъ матеріалистическій или хотя бы даже реалистическій исходный пунктъ для дальнѣйшихъ изысканій. Наоборотъ, въ ходѣ изслѣдованій мы придемъ къ такому пункту, гдѣ проблемой для насъ станетъ одно простое существованіе живыхъ существъ, т.-е. одушевленныхъ

органическихъ тѣлъ. И тамъ поэтому мы должны будемъ рѣшительно отказаться отъ употребленія біологическихъ понятій. Но всякое объясненіе было бы невозможно, если бы оно пыталось отвѣтить заразъ на всѣ вопросы. Поэтому, пока мы не нашли на своемъ пути внутренняго основанія для сомнѣній, мы должны оставаться на точкѣ зрѣнія обыденнаго міровоззрѣнія, какъ на общемъ исходномъ пунктѣ всѣхъ научныхъ изысканій. Но съ точки зрѣнія этого міровоззрѣнія врядъ ли можетъ подвергаться сомнѣнію утвержденіе, что научная дѣятельность не совсѣмъ безполезна.

§ 4.

Въ зависимости отъ тѣхъ потребностей, которымъ удовлетворяетъ наука (и которыя въ этомъ отношеніи могутъ быть названы интересами), происходитъ дифференцированіе отдѣльныхъ наукъ, отображающихъ одни и тѣ же факты съ помощью различныхъ мыслей и различныхъ связей ихъ.

Разъясненіе.

Уже Аристотель [1]) говорилъ, что естествоиспытатель и діалектикъ должны опредѣлить совершенно различно гнѣвъ: естествоиспытатель опредѣлилъ бы его, какъ возбужденіе крови и тепла сердца, между тѣмъ какъ діалектикъ видѣлъ бы въ немъ стремленіе къ возмездію или что нибудь подобное. Это мы наблюдаемъ во всѣхъ отрасляхъ науки. Наклонная башня въ Пизѣ для физика это—„находящаяся въ опредѣленномъ состояніи равновѣсія масса“ и поэтому она попадаетъ въ одну и ту же группу съ какимъ-нибудь наклонными пнями, скалами и пр. Для источника искусства она—„романская

[1]) De an. I, 1, c. 403 и 29.

постройка“ и, какъ таковая, соединяется въ одно съ такими предметами, которые не имѣютъ съ ней ничего общаго въ физическомъ отношеніи. Точно также движеніе руки убійцы для физіолога это „мускульное движеніе“, для криминалиста „наказуемое дѣяніе“, и въ соотвѣтствіи съ этимъ первый сопоставитъ его съ слѣдующимъ за нимъ „состояніемъ усталости“, а второй—съ „тяжелымъ тюремнымъ заключеніемъ“. Одна и та же рѣка есть для физика „масса воды опредѣленнаго вѣса, уклона и скорости“, для химика „вода съ опредѣленнымъ количествомъ щелочныхъ растворовъ“, для географа—„граница страны“, для политико-экономa—„путь сообщенія“, для историка литературы—„объектъ патріотической поэзіи“. Въ соотвѣтствіи съ этимъ первый будетъ сопоставлять ее съ другими рѣками, второй—съ другими источниками, третій—съ горами, четвертый—съ желѣзными дорогами, пятый—съ знаменами и пр. Если принять это въ соображеніе, то врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что науки отличаются другъ отъ друга не по своимъ „предметамъ“ или „матеріаламъ“ и пр., а по преобладающимъ въ нихъ интересамъ. Мы не будемъ здѣсь слѣдить за всѣмъ многообразіемъ этихъ интересовъ, а ограничимся въ этомъ отношеніи лишь самыми общими соображеніями.

§ 5.

Интересы, господствующіе въ частныхъ наукахъ, въ общемъ сводятся всегда къ установленію и упорядоченію фактовъ.

Разъясненіе.

1) Напоминая опять таки провизорный характеръ этихъ разсужденій, я укажу прежде всего на намѣченное уже выше (§ 3. 1) соображеніе, что каждая теоре-

тическая потребность служитъ первоначально для сохраненія и обезпеченія жизни, но что она можетъ въ дальнѣйшемъ пріобрѣсти самостоятельное біологическое значеніе, какъ потребность функціонированія развившихся для той первичной цѣли органовъ или силъ. Если принять это въ разсчетъ, то легко понять, что эти теоретическія потребности должны прежде всего выступить въ качествѣ двоякаго требованія, обращеннаго къ (человѣческому или животному) организму, именно: познать, съ одной стороны, составныя части окружающей его среды, а, съ другой, понять связь ихъ. Легко также понять, что изъ перваго требованія должна была развиться жажда знанія также и въ тѣхъ случаяхъ, когда познанный элементъ среды не оказываетъ, повидимому, никакого непосредственнаго вліянія на жизнь познающаго субъекта. А изъ второго требованія должно было развиться стремленіе къ пониманію даже и тогда, когда понятое отношеніе не имѣетъ непосредственнаго значенія для поведенія познающаго индивида. Но и независимо отъ правильности или неправильности этой генетической гипотезы конкретное многообразіе теоретическихъ интересовъ показываетъ, что каждое частное научное изслѣдованіе, приводящее къ какому нибудь результату, удовлетворяетъ или потребность въ познаніи или потребность въ пониманіи дѣйствительнаго, т. е. или жажду фактовъ или жажду пониманія.

2) Но каждое удовлетвореніе перваго рода состоитъ въ у с т а н о в л е н і и новыхъ фактовъ, каждое удовлетвореніе второго рода—въ у з н а в а н і и старыхъ фактовъ. Первое утвержденіе не нуждается вовсе въ доказательствѣ; никто не станетъ полагать, что любознательность можетъ быть удовлетворена съ помощью демонстрированія того, что̀ уже извѣстно. Но и второе утвержденіе представляетъ собой довольно самоочевидную мысль,

впервые изложенную въ ея наиобщей формѣ Авенаріусомъ [1]). Наблюдаемый съ какой нибудь горы видъ становится „понятнымъ“ тогда, когда каждая открывающаяся здѣсь взору вершина признается, какъ тождественная съ уже ранѣе извѣстной вершиной (извѣстной въ смыслѣ непосредственнаго созерцанія ея, или по своему названію, по своему положенію на картѣ и пр.). Точно также становится понятнымъ происхожденіе какого нибудь стихотворенія, если устанавливаютъ тождество его автора съ уже извѣстнымъ изъ занятія исторіей индивидомъ. Точно такимъ же образомъ перестаетъ быть „непонятнымъ“ животное, которое наблюдали бы, хотя лишь одинъ разъ, или какая нибудь рѣдкая палеонтологическая находка, если ихъ могутъ отнести къ какому нибудь уже извѣстному роду. И точно также рентгеновскіе лучи были бы „объяснены“ тогда лишь, когда можно было бы свести ихъ къ уже извѣстному изъ какихъ нибудь другихъ источниковъ типу измѣненій (въ родѣ того, какъ движеніе планетъ считается „объясненнымъ“, когда его отожествили съ движеніемъ земныхъ тѣлъ). Надо только замѣтить, что въ послѣднихъ двухъ случаяхъ дѣло идетъ не о численномъ, а о видовомъ тождествѣ: въ то время, какъ въ примѣрѣ съ горными вершинами и авторами мы имѣли дѣло съ одними и тѣми же численно индивидами, въ случаѣ съ животными и движеніями они тождественны лишь, какъ принадлежащія къ одному виду. Это подведеніе подъ нѣкоторый извѣстный типъ (бытія или становленія) есть такимъ образомъ особый видъ „пониманія“ („Verstehen“), которое можно обозначить словомъ объясненіе (Begreifen resp. Erklären). Но и въ томъ и другомъ случаѣ факты упорядочены: въ первомъ случаѣ тѣмъ, что, будучи численно тождествен-

[1]) Kr. d. r. Erf. т. II, с. 221 и сл.

ными, они совпадаютъ между собою, во второмъ—тѣмъ, что они сопоставляются между собою, какъ равные по виду.

3) Можетъ показаться спорнымъ, дѣйствительно ли всѣ частныя научныя изслѣдованія имѣютъ цѣлью или установленіе фактовъ или упорядоченіе ихъ. Сомнѣніе это можетъ питаться примѣромъ, съ одной стороны, „абстрактныхъ“ наукъ, какъ логика и математика, а, съ другой „нормативныхъ“ наукъ, какъ этика и политика. Врядъ ли другія науки способны вызвать какія нибудь недоразумѣнія. Но что касается наукъ второй группы, то ясно, что „нормативное“ въ нихъ вообще не подлежитъ научному трактованію. Вѣдь наука можетъ, съ одной стороны, установить лишь оцѣнки, какъ факты, или „объяснить“ ихъ. Съ другой стороны она можетъ, при допущеніи извѣстныхъ поставленныхъ цѣлей, указать тѣ средства, которыя дѣлаютъ возможнымъ ихъ осуществленіе. И въ томъ и въ другомъ случаѣ она поступаетъ такъ, какъ и всегда. Что касается логики и математики, то напомнимъ, что мы выше (§ 2 . 2) должны были оставить открытымъ вопросъ, существуютъ ли „мысли“, только какъ психическія переживанія, или же еще какимъ нибудь инымъ образомъ. Но къ числамъ и пространственнымъ образамъ примѣнимо то же самое, что́ и къ другимъ „понятіямъ“, съ тѣмъ только отличіемъ, что они могутъ еще оказаться просто свойствами тѣлесныхъ объектовъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ мы и здѣсь должны сказать, что логическія и математическія изслѣдованія занимаются изученіемъ или свойствъ и закономѣрныхъ отношеній между объективными мыслями, числами и пространственными образами, или извѣстными правилами психическихъ процессовъ, или, наконецъ (и это касается математики), свойствами физическихъ предметовъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ

устанавливаются или упорядочиваются факты точно такъ же, какъ, напримѣръ, въ механикѣ или минералогіи, и, значитъ, наше общее опредѣленіе научнаго интереса остается нетронутымъ и здѣсь.

§ 6.

Наоборотъ, взглядъ на проблемы ученія о міровоззрѣніи показываетъ намъ, что отвѣтъ на нихъ не даетъ ничего ни для установленія, ни для упорядоченія фактовъ. Скорѣе онѣ относятся исключительно къ мысленнымъ отображеніямъ установленныхъ и упорядоченныхъ уже какимъ нибудъ инымъ путемъ фактовъ, такъ что здѣсь становится самоцѣлью то, что́ имѣется на лицо и въ другихъ наукахъ (§ 2), но лишь какъ средство для удовлетворенія другихъ интересовъ (§ 5). Ученіе о міровоззрѣніи есть, сообразно съ этимъ, вторичная наука, и доминирующій въ ней интересъ можетъ быть лишь такимъ, который предполагаетъ уже наличность другихъ, первичныхъ, наукъ.

Разъясненія.

1) Напомню прежде всего о томъ, что́ было сказано уже выше (§ 1. 4): необходимо сперва провизорное и приблизительное представленіе о задачѣ какой-нибудь науки, чтобы опредѣлить затѣмъ ближе эту задачу. Поэтому здѣсь можно предположить, что читателю знакомы нѣкоторыя изъ главныхъ проблемъ ученія о міровоззрѣніи. Но тогда ему сейчасъ же станетъ яснымъ первый, вводный тезисъ этого параграфа,—именно, что рѣшеніе этихъ проблемъ не даетъ намъ знанія ни объ отдѣльныхъ фактахъ, ни о связяхъ таковыхъ. Отвѣтъ на вопросъ о томъ, что́ такое предметы нашего чувственнаго воспріятія: вещи или явленія—не имѣетъ ни малѣйшаго значенія для нашего познанія этихъ пред-

метовъ. Самый крайній идеалистъ воспринимаетъ вещи точно такимъ же образомъ, какъ и наивный реалистъ. Оба они не отличаются другъ отъ друга ни теоретически, по отношенію къ своему знанію, ни практически, по отношенію къ своему поведенію. Основывается ли закономѣрность естественнаго хода вещей на реальномъ порожденіи дѣйствія причиной, или на эмпирической послѣдовательности сходныхъ процессовъ, или на апріорной каузальной категоріи—это ни малѣйшимъ образомъ не затрагиваетъ нашего познанія этой закономѣрности: апріористъ не знаетъ этихъ законовъ ни лучше, ни хуже, чѣмъ эмпирикъ. То же самое мы найдемъ относительно всѣхъ рѣшительно вопросовъ: въ ученіи о міровоззрѣніи проблема пространства касается не геометрическихъ, а проблема души — не психологическихъ, проблема матеріи—не химическихъ, проблема силы—не физическихъ вопросовъ. А если бы и нашлись такіе случаи, въ которыхъ бы оказалось иное отношеніе къ дѣлу, то ихъ мы бы поэтому вскорѣ и исключили изъ круга задачъ этой дисциплины. Этотъ *принципъ безплодности* мы считаемъ необходимымъ высказать во всей его строгости съ самаго же начала. Мы отлично знаемъ, что такимъ образомъ лишаемся благосклоннаго вниманія многихъ приверженцевъ не только „здраваго смысла“, но и имѣющаго большія претензіи „позитивизма“ или „прагматизма“. Но мы твердо убѣждены, что къ новымъ познаніямъ ведетъ лишь путь наблюденія и обработки фактовъ и что поэтому спекулятивная по своему существу наука лишь тогда сможетъ утвердить свое самостоятельное существованіе, если она заранѣе откажется отъ надежды на успѣхи подобнаго рода. Но на чемъ основываются права на существованіе подобной безплодной спекуляціи, это, надѣюсь, станетъ вскорѣ достаточно яснымъ непредубѣжденному читателю.

2) Если теперь мы зададимъ себѣ вопросъ, къ чему вообще относятся проблемы ученія о міровоззрѣніи, то мы, согласно предыдущимъ примѣрамъ, должны будемъ прежде всего отвѣтить такъ: къ мысленному отображенію данныхъ фактовъ и ихъ связей. Даны объекты чувственнаго воспріятія и законы ихъ измѣненія и затѣмъ спрашивается, слѣдуетъ ли факты мыслить, какъ вещи или какъ явленія, а ихъ связи, какъ произведенія, или какъ послѣдовательности, или какъ категоріи. И то же самое относится и къ другимъ пунктамъ. Но не забудемъ, что въ мысленномъ отображеніи мы нашли сущность всякой науки (§ 2). Но тамъ оно было средствомъ, ибо интересъ науки вообще направленъ на установленіе и упорядоченіе фактовъ (§ 5), которые и являются настоящими цѣлями. И не трудно увидѣть соотвѣтствіе того средства съ этими цѣлями. Вѣдь мысленное отображеніе прежде всего, очевидно, служило для выработки порядка, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, давалъ поводъ къ новымъ установленіямъ фактовъ. Ясно, что никто не можетъ непосредственно получить новыхъ фактовъ тѣмъ, что онъ отобразитъ въ мысляхъ старые факты. Но благодаря этому въ нашемъ сознаніи можетъ образоваться нѣкоторый провизорный порядокъ ихъ и черезъ то можетъ возникнуть побужденіе розыскивать новые факты, входящіе въ этотъ порядокъ, какъ болѣе далекіе члены, и, такимъ образомъ, дополняющіе его. Такъ, напримѣръ, бываетъ тогда, когда историкъ представляетъ себѣ извѣстныя разрозненно переданныя событія, какъ части нѣкотораго временно́го ряда, и видитъ въ этомъ поводъ искать дальнѣйшихъ событій, которыя заполняютъ пробѣлы этого ряда; или, когда химикъ, соединяя въ одно цѣлое рядъ отдѣльныхъ наблюденій, представляетъ себѣ, что какой нибудь элементъ занимаетъ опредѣленное мѣсто въ ряду элементовъ и благодаря этому начинаетъ устана-

вливать отношенія родства между этимъ элементомъ и другими промежуточными членами ряда.

3) Такимъ образомъ мысленное отображеніе, являющееся въ другихъ наукахъ средствомъ, въ ученіи о міровоззрѣніи становится самоцѣлью. Но это и показываетъ, что оно — вторичная наука; вѣдь только послѣ того, какъ имѣло мѣсто сперва мысленное отображеніе для какихъ-нибудь цѣлей, оно, въ свою очередь, можетъ стать проблемой. Но какъ же все-таки оно можетъ стать такой проблемой? По выше (§ 3) сказанному о біологической обусловленности всякаго теоретическаго поведенія только такимъ, очевидно, образомъ, что возникаетъ интересъ къ самому процессу мысленнаго отображенія, т. е. такимъ образомъ, что процессъ этотъ, если онъ совершается лишь на службѣ частныхъ наукъ, вызываетъ какую-то задержку практическихъ или теоретическихъ функцій и, значитъ, причиняетъ ущербъ органической или интеллектуальной жизни, порождая потребность въ устраненіи этой задержки. Такимъ образомъ и теперь уже мы можемъ сказать хотя бы слѣдующее: ученіе о міровоззрѣніи предполагаетъ даннымъ заранѣе составъ частныхъ наукъ и имѣетъ задачей устранить тѣ вредныя явленія, которыя обнаруживаются въ связи съ происходящими въ этихъ наукахъ мысленными отображеніями фактовъ. Въ чемъ заключаются эти вредныя явленія, а, значитъ, и опредѣляющій задачу ученія о міровоззрѣніи интересъ — это теперь можно будетъ установить безъ большого труда.

§ 7.

Интересомъ, доминирующимъ надъ ученіемъ о міровоззрѣніи и опредѣляющимъ его задачу, оказывается требованіе непротиворѣчивости. Поэтому ученіе о міровоззрѣніи можетъ быть опредѣлено,

какъ наука, имѣющая задачей дать непротиворѣчивую связь всѣхъ тѣхъ мыслей, которыя употребляются и въ частныхъ наукахъ и въ практической жизни для отображенія фактовъ.

Разъясненіе.

1) Врядъ ли можно спорить противъ того, что непротиворѣчивость представляетъ, дѣйствительно, интересъ въ смыслѣ предыдущаго параграфа и что, слѣдовательно, она пригодна для отграниченія ученія о міровоззрѣніи. Вѣдь и не вдаваясь подробнѣе въ анализъ понятія о противорѣчіи, мы можемъ замѣтить его біологическое значеніе. Если мы представимъ себѣ, что теоретическія функціи произошли изъ практическихъ функцій (§ 3. 1), то мы можемъ сказать, что, какъ знаніе соотвѣтствуетъ состоянію увѣренности и рѣшимости, такъ противорѣчіе соотвѣтствуетъ состоянію неувѣренности и нерѣшительности въ поведеніи, т. е. безпомощности. Но если даже мы представимъ себѣ эти теоретическія функціи первичными и самостоятельными, то невозможность реализовать противорѣчивую мысль должна вносить значительное замѣшательство въ интеллектуальную жизнь и, слѣдовательно, должна означать и заминку въ соотвѣтствующихъ органическихъ процессахъ. Остается, слѣдовательно, только показать, что мысленное отображеніе фактовъ въ жизни и въ частныхъ наукахъ, дѣйствительно, приводитъ къ противорѣчіямъ, неразрѣшимымъ въ предѣлахъ этихъ частныхъ наукъ, и что для разрѣшенія ихъ нужна поэтому особая дисциплина. Но вѣдь заранѣе можно указать на слѣдующіе два факта. Во-первыхъ, въ частныхъ наукахъ и въ практической жизни одни и тѣ же факты отображаются въ зависимости отъ ихъ спеціальныхъ интересовъ съ помощью различныхъ мыслей и различныхъ связей

ихъ. А такъ какъ здѣсь не имѣется никакой контролирующей инстанціи, то не можетъ быть исключенъ такой случай, когда обнаружатся противорѣчивые результаты. Но разъ возникли подобныя противорѣчія, то они не могутъ быть устранены въ предѣлахъ отдѣльныхъ частныхъ областей науки. Вѣдь источникъ ихъ заключается въ противоположности различныхъ, вызываемыхъ различными интересами, типовъ отображенія, и ясно, что эта противоположность никогда не будетъ сознана тѣмъ, кто пользуется — и не можетъ не пользоваться — всегда лишь однимъ изъ этихъ типовъ. Что это утвержденіе, при всей своей провизорности, соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей, это можно подтвердить на слѣдующемъ примѣрѣ, который достаточно ярокъ и выразителенъ, чтобы показать, въ чемъ заключается рѣшающій пунктъ. Физикъ мыслитъ почти каждое содержаніе воспріятія въ связи съ другими предшествующими и послѣдующими содержаніями воспріятія, какъ тѣлесный предметъ. Психологъ, наоборотъ, мыслитъ то же самое содержаніе воспріятія въ связи съ предшествующими и послѣдующими представленіями фантазіи, аффектами и пр., какъ состояніе сознанія. Но чтобы одинъ и тотъ же фактъ могъ быть, какъ тѣлеснымъ предметомъ, такъ и состояніемъ сознанія, это, безъ сомнѣнія, является противорѣчіемъ (по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока оба эти понятія берутся въ ихъ обычномъ значеніи). И противорѣчіе это не можетъ быть рѣшено ни физикой, ни психологіей, ибо въ физикѣ, какъ таковой, не встрѣчается ничего подобнаго состояніямъ сознанія, а въ психологіи, какъ таковой, ничего подобнаго тѣлеснымъ предметамъ; поэтому ни въ одной изъ этихъ двухъ наукъ указываемое противорѣчіе не только не можетъ быть устранено, но даже не можетъ быть и почувствовано. На одномъ этомъ примѣрѣ мы замѣчаемъ необходи-

мость занимающейся улаженіемъ конфликтовъ дисциплины и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ясно видимъ задачу ученія о міровоззрѣніи. Но опредѣливъ такимъ образомъ задачу нашей науки, необходимо нѣсколько точнѣе отграничить область ея съ различныхъ сторонъ.

2) Прежде всего мы должны вернуться къ той точкѣ зрѣнія, которую мы назвали въ предыдущихъ параграфахъ принципомъ безплодности: ученіе о міровоззрѣніи не имѣетъ своей задачей давать отвѣты на вопросы о фактахъ. Это не значитъ, разумѣется, что въ немъ не говорится вовсе о фактахъ. Наоборотъ, изъ предыдущаго слѣдуетъ, что оно обнаруживаетъ хотя бы вторичный интересъ по отношенію къ нимъ (вѣдь для отображенія ихъ были образованы тѣ понятія, которыя составляютъ его первичный предметъ). Только оно должно, повидимому—такъ кажется при предварительномъ разсмотрѣніи вопроса—заимствовать всѣ положенія, касающіяся установленія и упорядоченія подобныхъ фактовъ, у частныхъ наукъ. Но это идеальное раздѣленіе задачъ можетъ, очевидно, быть нарушено въ двухъ случаяхъ: можетъ случиться, что соотвѣтственныя частныя науки находятся вообще въ сравнительно незрѣломъ состояніи; но можетъ также случиться, что подобная наука, даже находящаяся въ состояніи полнаго развитія, не получаетъ никакого внутренняго импульса удѣлить особенное вниманіе извѣстнымъ вопросомъ о фактахъ, между тѣмъ какъ именно эти вопросы имѣютъ огромное значеніе для ученія о міровоззрѣніи. Въ обоихъ случаяхъ космотеоретику придется неизбѣжно поступиться принципомъ голаго по заимствованія и придется самому поработать въ области соотвѣтственной науки. Но въ первомъ случаѣ онъ это сдѣлаетъ не какъ космотеоретикъ; точно также и во второмъ онъ поступитъ такъ не постольку, поскольку онъ занимается космотеоріей, а поскольку онъ хочетъ

заниматься ею. Иными словами: тамъ, гдѣ представится тому необходимость, онъ долженъ будетъ работать и въ другихъ областяхъ знанія, но онъ будетъ понимать, что эти работы не относятся собственно къ его наукѣ и что поэтому къ нимъ примѣнимы методы не ученія о міровоззрѣніи, а соотвѣтствующей частной науки. Въ ходѣ нашего изложенія обнаружится, что ученіе о міровоззрѣніи, дѣйствительно, оказывается въ такомъ (описанномъ вообще лишь, какъ возможномъ) положеніи по отношенію въ особенности къ психологіи, и при томъ въ обоихъ указанныхъ выше направленіяхъ. Мы увидимъ, что, съ одной стороны, въ силу особенныхъ историческихъ условій космотеорія въ ея теперешнемъ положеніи вынуждена присвоить себѣ цѣлый рядъ психологическихъ теоремъ. Съ другой стороны обнаружится, что психологія вообще находится въ очень неудовлетворительномъ состояніи и что сверхъ того она сама по себѣ удѣляетъ крайне ничтожное вниманіе какъ разъ тѣмъ вопросамъ, которые имѣютъ рѣшающее значеніе для ученія о міровоззрѣніи. Слѣдствіемъ этого окажется то, что наше дальнѣйшее изложеніе въ значительной—если даже не наиболѣе значительной—своей части будетъ касаться психологическихъ вопросовъ о фактахъ. И эти изслѣдованія не всегда можно будетъ внѣшнимъ образомъ отдѣлить отъ собственно космотеоретическихъ изысканій. Тѣмъ необходимѣе будетъ имѣть постоянно въ виду, что какая нибудь психологическая теорема (или вообще положеніе изъ области какой нибудь другой частной науки) сама по себѣ никогда не можетъ помочь рѣшить какую нибудь проблему ученія о міровоззрѣніи: вѣдь въ противномъ случаѣ это было бы вовсе не космотеоретическая, а скорѣе психологическея проблема! Но можетъ, конечно, случиться, что переходъ отъ рѣшенія психологической проблемы къ рѣшенію космотеоретической проблемы

постепенно сведется въ нѣкоторыхъ областяхъ къ простому и легкому схематическому шагу—именно тогда, когда отношеніе обѣихъ областей стало въ общемъ ясно, а поэтому трудности изслѣдованія сосредоточились по преимуществу на сторонѣ психологической предварительной работы.

3) Отграничивъ задачу нашей дисциплины, мы вмѣстѣ съ тѣмъ каснулись ея отношеній къ тому, что обыкновенно называютъ философіей, и въ частности къ тѣмъ частямъ ея, которыя мы разсмотрѣли выше (§ 1) подъ названіемъ метафизики и теоріи познанія. Согласно одной правильной старой концепціи „философія“ исторически была прежде всего „наукой вообще“. Постепенно изъ нея выдѣлилось огромное множество „отдѣльныхъ частныхъ наукъ“. Недифференцировавшійся же остатокъ изъ проблемъ, которыя еще не выдѣлились въ самостоятельное цѣлое, составлялъ въ каждый историческій моментъ комплексъ проблемъ „философіи“. И если можно допустить, что нынѣ внутри этой области уже достаточно ясно обособились теоретическіе вопросы отъ практическихъ и что, въ свою очередь, внутри теоретической философіи стали въ извѣстной мѣрѣ самостоятельными логика и психологія, то остаются еще „метафизика“ и „теорія познанія“, какъ тѣ философскія дисциплины, отношенія которыхъ къ ученію о міровоззрѣніи надо выяснить еще разъ теперь, когда задача послѣдняго опредѣлена. Но ясно вѣдь, что задача установленія непротиворѣчивой связи между различными частными науками никогда не можетъ стать удѣломъ какой нибудь особенной частной науки, ибо въ этомъ случаѣ вскорѣ должна была бы обнаружиться потребность въ новой контрольной инстанціи. Поэтому ученіе о міровоззрѣніи есть часть „философскаго“ остатка изъ проблемъ въ вышеуказанномъ смыслѣ, и логически немыслимо, чтобы

оно могло когда нибудь выдѣлиться изъ этого остатка въ качествѣ особой науки. Но совсѣмъ другой вопросъ, не содержитъ ли въ настоящее время этотъ остатокъ и другія группы проблемъ, относящіяся не къ непротиворѣчивой связи частныхъ наукъ, а къ своимъ особымъ фактамъ. Невозможно отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательнымъ образомъ, ибо—не говоря уже ни о чемъ другомъ—существуютъ двѣ весьма старыхъ и почтенныхъ проблемы, которыя причисляются всѣми единогласно къ философіи, и въ частности къ „метафизикѣ“, и которыя несомнѣнно касаются не отношеній между мыслями, но фактовъ. Я имѣю въ виду вопросы о бытіи и существѣ Божіемъ и о безсмертіи души. Здѣсь дѣло не идетъ—или по крайней мѣрѣ не идетъ главнымъ образомъ—объ идеальной формулировкѣ извѣстныхъ, но о реальномъ установленіи неизвѣстныхъ фактовъ. Слѣдуетъ ли гору называть вещью или явленіемъ, слѣдуетъ ли мыслить душу какъ субстанцію или какъ совокупность рядоположныхъ и послѣдовательныхъ явленій—все это вопросы пониманія (Auffassung). Но буду ли я черезъ 100 лѣтъ послѣ своей смерти имѣть еще воспоминанія о своей жизни, и сотворенъ ли міръ Богомъ, или нѣтъ—эти вопросы фактическаго положенія вещей, лежащіе въ одной плоскости съ вопросами о томъ, основанъ ли Римъ Ромуломъ или произойдетъ ли въ 2000 году солнечное затменіе. Но именно потому эти вопросы, какъ таковые, не подлежатъ вѣдѣнію ученія о міровоззрѣніи, ибо невозможно, чтобы одна и та же наука съ успѣхомъ занималась проблемами столь противоположнаго рода. Поэтому, если желать разсматривать эти и подобныя имъ проблемы, какъ философскія, а не относить ихъ къ вѣдѣнію, скажемъ, спекулятивной теологіи и психологіи, то слѣдуетъ установить, что ученіе о міровоззрѣніи представляетъ лишь часть философіи, и

даже тогда, когда изъ нея уже выдѣлились какъ практическая философія, такъ и логика и психологія. Но далѣе оказывается, что подобное же отношеніе существуетъ и между тѣми группами проблемъ, которыя обычно обозначаютъ съ помощью выраженій „метафизика“ и „теорія познанія“. Вѣроятно, никто не усомнится назвать метафизическими вопросы, касающіеся Бога и безсмертія; никто, во всякомъ случаѣ, не назоветъ ихъ теоретико-познавательными. Казалось бы поэтому прежде всего, что можно было бы просто опредѣлить область метафизики, какъ тотъ остатокъ изъ научныхъ проблемъ, который еще не добился самостоятельнаго значенія; теоріей же познанія или ученіемъ о міровоззрѣніи можно было бы назвать ту часть этой области, которая не касается вопросовъ фактическаго характера. Но, если мы вспомнимъ тѣ сомнѣнія, которыя мы должны были выше (§ 1. 2) высказать противъ выраженій „метафизика“ и „теорія познанія“, то мы предпочтемъ пользоваться нѣсколько инымъ способомъ выраженія. Именно: всю, болѣе обширную, область еще недифференцированной науки мы можемъ назвать *общей теоретической философіей*; часть ея составляетъ *ученіе о міровоззрѣніи*, задачу котораго мы установили въ этомъ параграфѣ. По своему объему это понятіе совпадаетъ съ понятіемъ *теоріи познанія*, отличаясь отъ него лишь по содержанію—именно „теорія познанія“ будетъ обозначать односторонне—субъективистическій способъ разсмотрѣнія общей обѣимъ дисциплинамъ области, между тѣмъ какъ ученіе о міровоззрѣніи должно во всякомъ случаѣ еще до начала изслѣдованія отказаться отъ такого субъективизма (предвосхищая позднѣйшіе результаты, мы можемъ замѣтить, что этотъ субъективизмъ врядъ ли вѣроятенъ, и какъ конечный результатъ ученія о міровоззрѣніи).

§ 8.

Изъ этого опредѣленія задачи ученія о міровоззрѣніи вытекаетъ важное для метода его слѣдствіе, что оно не исходитъ непосредственно изъ фактовъ. Въ основѣ его изысканій лежатъ всегда понятія и обнаруживающіяся между ними противорѣчія, т. е., коротко говоря, оно исходитъ изъ проблемъ. И прежде всего изъ такихъ проблемъ, которыя получаются непосредственно изъ параллельнаго сосуществованія практической жизни и частныхъ наукъ, а затѣмъ также и такихъ, которыя выдвинуло въ своемъ историческомъ развитіи само ученіе о міровоззрѣніи. Оно должно преобразовывать эти доставшіяся ему понятія до тѣхъ поръ, пока будутъ устранены существующія между ними противорѣчія, при чемъ они продолжаютъ оставаться пригодными для отображенія фактовъ. Наличность обоихъ этихъ условій можно разсматривать, какъ провѣрку успѣшнаго рѣшенія соотвѣтствующихъ проблемъ, рѣшенія, которое, въ виду непрерывнаго прогресса практическаго и частнонаучнаго образованія понятій, всегда является лишь относительнымъ, а не абсолютнымъ и окончательнымъ.

Разъясненіе.

То, что ученіе о міровоззрѣніи, какъ вторичная, по своему понятію наука, никогда не можетъ начинать своихъ изслѣдованій первымъ; что невозможно рѣшить задачу устраненія мысленныхъ противорѣчій тѣмъ, что оставляютъ въ сторонѣ противорѣчащія другъ другу мысли и непосредственно обращаются къ фактамъ—все это само собою разумѣющіеся формальные выводы изъ вышесказаннаго, не нуждающіеся, какъ таковые, въ болѣе подробномъ основаніи. Но по своему

содержанію они противорѣчатъ столь широко распространеннымъ, сильнымъ, понятнымъ и во многихъ отношеніяхъ цѣннымъ склонностямъ, что отъ этой формальной правильности не получается много толку. Вѣдь вообще молодыя силы, свѣжіе умы и самостоятельныя личности имѣютъ естественное стремленіе пролагать собственные и новые пути, а особенное положеніе ученія о міровоззрѣніи, повидимому, безусловно благопріятствуетъ этому стремленію. Уже болѣе 2000 лѣтъ размышляетъ оно надъ старыми-старыми вопросами, и не только не сумѣло добиться отвѣта на нихъ, но успѣло выдвинуть—и въ этомъ заключается, повидимому, единственный несомнѣнный прогрессъ въ немъ—новые, еще болѣе трудные, вопросы. Удивительно ли тогда, что начинаютъ выставлять требованіе: „поставить философское познаніе на новомъ основаніи [1]) и наконецъ, „вмѣсто того, чтобы вернуться назадъ къ тому или иному философу, вернуться просто къ естественной исходной точкѣ и непосредственно примкнуть къ вещамъ вмѣсто того, чтобы примкнуть къ книгамъ“ [2])? Благодаря этому вырабатывается само собою воззрѣніе, будто именно неуклюжія понятія традиціонной философіи, ея застывшіе предразсудки и закостенѣлыя формулы мѣшаютъ нашему живому постиженію дѣйствительности, водя насъ вмѣсто этого въ безконечномъ кругѣ неразрѣшимыхъ псевдопроблемъ. Поэтому—прочь отъ теоріи, обратно—къ фактамъ! „Кто хочетъ сдѣлать что нибудь полезное въ психологіи“—писалъ недавно въ этомъ смыслѣ одинъ авторъ [3])— „тотъ не только не долженъ дать широкій просторъ философскому міровоззрѣнію, но, наоборотъ,

[1]) F. I. Schmidt „Grundzüde der konstitutiven Erfahrungsphilosophie, c. 71.

[2]) Avenarius „Kr. d. r. Erf.“, I, c. X.

[3]) Willy „Die Krisis in der Psychologie“, c. 2.

не долженъ дать ему никакого простора, ибо съ опытомъ вообще, а съ научной психологіей въ особенности, примиримо лишь одно единственное міровоззрѣніе—именно то, которое принимаетъ лишь чистый опытъ". Могутъ ли имѣть еще какое-нибудь значеніе—противопоставленныя такимъ энергичнымъ утвержденіямъ—слова Шлейермахера [1]), что „каждому принудительно навязываются существующія уже понятія и что нужно исходить изъ нихъ, если не желать выступить изъ общенія познаванія"? Разумѣется, нѣтъ при столкновеніи борющихся силъ: вѣдь мудрость никогда не бываетъ с и л ь н ѣ е бурнаго увлеченія. Но имѣютъ ли эти слова значеніе для обдуманнаго размышленія? Разсмотримъ еще разъ положеніе вещей!

Факты, какъ мы видѣли, не могутъ заключать въ себѣ противорѣчій. Но точно также не могутъ заключать ихъ вопросы и отвѣты, проблемы и рѣшенія. Въ голомъ ф а к т ѣ нѣтъ ни атома м ы с л и. Можетъ быть, необходимо подчеркнуть и то, что въ немъ нѣтъ также и мысли о фактичности. Вѣдь даже мыслить фактъ, какъ фактъ, опытъ, какъ опытъ, представляетъ уже все таки мышленіе, а это мышленіе о фактѣ есть нѣчто совершенно иное, чѣмъ простое испытываніе его. Но такъ какъ вся эта теорія „возврата къ фактамъ", вся эта „точка зрѣнія ч и с т а г о опыта" принимается очевидно въ цѣляхъ философскаго или научнаго, т. е. во всякомъ случаѣ мыслящаго отношенія къ вещамъ (а не, скажемъ, въ цѣляхъ простого наслажденія, какъ у коровы, или простого созерцанія, какъ у художника, и т. д.), то надо принять, что сторонники этихъ воззрѣній не ограничиваются однимъ существованіемъ фактовъ, но желаютъ также составить себѣ на счетъ нихъ мысли. Можетъ быть, впрочемъ, не мѣшаетъ сдѣлать здѣсь

[1]) Dial. § 292.

еще одно замѣчаніе. Могутъ сказать, что сами эти мысли вѣдь тоже факты. На это мы отвѣтимъ: разумѣется, онѣ—*тоже* факты (какъ бы ихъ ни разсматривать: объективнымъ или субъективнымъ образомъ—§ 2.2). Но мышленіемъ онѣ являются не постольку, поскольку онѣ суть сами факты, но поскольку онѣ относятся отображающимъ образомъ (§ 2) къ другимъ фактамъ. Но вообще это возраженіе самое роковое для противника: вѣдь въ этомъ смыслѣ застывшія формулы и закостенѣвшія понятія философовъ—факты, относящіеся къ опыту. Если поэтому утверждаютъ, что они ведутъ прочь отъ чистаго опыта, то ихъ мыслительное значеніе измѣряютъ, очевидно, не по ихъ фактичности, а по ихъ содержанію. Но такимъ же точно образомъ слѣдуетъ обсуждать и мысли защитниковъ философіи фактовъ. И ихъ содержаніе заключено не въ опытѣ, оно относится къ нему лишь въ качествѣ отображенія.

Теперь возникаетъ вопросъ: если для каждой философской, научной, мыслящей точки зрѣнія наряду съ фактами предполагаются и мысли объ этихъ фактахъ, то какъ относятся эти мысли къ тѣмъ фактамъ? На это мы можемъ отвѣтить здѣсь лишь предварительнымъ и общимъ образомъ: это—отношеніе отображенія, но не въ смыслѣ отношенія копіи къ оригиналу, а портрета—къ человѣку. Вѣдь ясно прежде всего, что мысль о какомъ нибудь фактѣ не можетъ попросту быть еще разъ этимъ фактомъ. Это было бы и невозможно и невыгодно: невозможно, потому что мысль (именно, какъ таковая) есть нѣчто иное, чѣмъ мыслимый фактъ (который очень часто не есть вовсе мысль); невыгодно, потому что мыслящій субъектъ не вышелъ бы такимъ образомъ изъ сферы первоначально даннаго факта, и, значитъ, даромъ бы размышлялъ. Мысль является скорѣе *постиженіемъ* (Auffassung) факта; она, можетъ быть „передаетъ“ его въ нѣкоторомъ смыслѣ, но развѣ такъ, въ

лучшемъ случаѣ, какъ плоскій рисунокъ передаетъ пластическое тѣло. И это „постиженіе“ (по § 5, 2) есть „пониманіе“, а въ важнѣйшихъ случаяхъ „объясненіе“: оно выдѣляетъ именно изъ „частнаго“ факта „всеобщую“ черту. Мысль тогда можетъ называться понятіемъ. Но подобное спеціально отвлеченное постиженіе необходимо повсюду тамъ, гдѣ мысль должна быть высказанной. Вѣдь, какъ извѣстно, слова, изъ которыхъ состоитъ человѣческая рѣчь, выражаютъ только въ исключительныхъ случаяхъ („собственныя имена“) частные факты, во всѣхъ же другихъ случаяхъ общія понятія. Поэтому, повсюду тамъ, гдѣ должны имѣться на лицо выразимыя словами мысли о фактахъ, тамъ постиженіе этихъ фактовъ совершается съ помощью понятій.

Но нельзя вѣдь отрицать того, что люди научаются постиженію фактовъ съ помощью понятій точно тогда, точно такъ, точно тамъ, какъ они усваиваютъ слова, т. е. въ процессѣ усвоенія родной рѣчи, начинающемся въ дѣтскіе годы, причемъ болѣе тонкіе и техническіе обороты и выраженія появляются сравнительно поздно. Но это значитъ, что понятія передаются человѣческому индивиду точно такимъ же образомъ, какъ и слова. Не слѣдуетъ понимать этого такъ, будто индивидъ абсолютно связанъ и зависимъ отъ этой передачи; наоборотъ, онъ сумѣетъ образовать новыя постиженія съ помощью понятій, какъ сумѣетъ создать и новыя значенія словъ—впрочемъ, обѣ эти операціи обыкновенно идутъ параллельно другъ другу. Но опытъ показываетъ, что эта лингвистическая и логическая активность играетъ пропорціонально ничтожную роль по сравненію съ соотвѣтствующей воспріимчивостью: ни одинъ мыслитель не пользуется исключительно новыми выраженіями и точно также никто не мыслитъ съ помощью исключительно новыхъ понятій. Но даже и тогда, когда мыслитель вводитъ новыя понятія, его мышленіе, прежде

чѣмъ онъ дошелъ до нихъ (а, значитъ, и тотъ процессъ мышленія, съ помощью котораго онъ до нихъ дошелъ), должно было совершаться въ формѣ традиціонно переданныхъ понятій—во всякомъ случаѣ неизвѣстно ничего о такихъ вундеркиндахъ, которые выработали бы новую научную или философскую терминологію раньше, чѣмъ они научились родной рѣчи.

А если это такъ—врядъ ли читатель испытываетъ такъ остро банальность этихъ самоочевидныхъ замѣчаній, чѣмъ испытываетъ ее самъ авторъ—то, значитъ, всѣ мы связаны съ традиціонными понятіями, желаемъ ли мы этого или нѣтъ. Свобода наша касается лишь вопроса, признаемъ ли мы это положеніе вещей и, если мы его признаемъ, желаемъ ли мы внести необходимыя поправки въ традиціонныя понятія, или нѣтъ. А такъ какъ упорное сознательное храненіе традиціи ничѣмъ, въ смыслѣ результата, не отличается отъ такого же упорнаго безсознательнаго храненія ея, то мы, въ концѣ концовъ, можемъ сказать: по отношенію къ традиціоннымъ формамъ постиженія фактовъ съ помощью понятій мы не имѣемъ передъ собой выбора между принятіемъ и нововведеніемъ, а между критическимъ и некритическимъ принятіемъ. И вотъ, на мой взглядъ, несомнѣнно, что за тѣмъ мнимымъ радикализмомъ, который будто бы порываетъ съ традиціей и желаетъ вернуться непосредственно къ фактамъ опыта, постоянно скрывается въ дѣйствительности некритическое принятіе традиціонныхъ формъ постиженія съ помощью понятій. Вѣдь ясно, что и у этихъ радикаловъ должны быть какія нибудь мысли насчетъ фактовъ; но мысли эти не свалились съ неба, значитъ онѣ или взяты изъ самой традиціи, или образованы изъ традиціонныхъ исходныхъ пунктовъ, такъ что, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ имѣла мѣсто рецепція стараго. Но эта рецепція не могла быть кри-

тической, ибо мыслители, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь, такъ плохо сознаютъ наличность ея, что они, наоборотъ, говорятъ, будто они высказываютъ только факты, ничего не признаютъ, кромѣ „чистаго опыта“ и пр. Остается, значитъ только признать, что въ основѣ ихъ мышленія лежитъ (или что ему предшедствовала) некритическая рецепція традиціонныхъ понятій.

2) Въ противоположность къ разобраннымъ сейчасъ направленіямъ мы становимся рѣшительно на точку зрѣнія критической рецепціи. Но прежде, чѣмъ мы опредѣлимъ точнѣе, въ чемъ заключается здѣсь критика, мы должны еще разъяснить раньше, откуда берутся тѣ понятія и идеи, которыя должны быть реципированы и преобразованы. На основаніи разъясненій предыдущихъ параграфовъ можно было бы подумать, что ихъ слѣдуетъ постоянно брать непосредственно изъ практической жизни и частныхъ наукъ и затѣмъ перерабатывать далѣе для устраненія заключающихся въ нихъ противорѣчій. Но это было бы чисто схематическое изображеніе дѣла, которое бы соотвѣтствовало дѣйствительности лишь тогда, когда приходилось бы строить заново все ученіе о міровоззрѣніи. Вѣдь только въ такомъ случаѣ понятія, надъ которыми мы оперируемъ и которыя подлежатъ критикѣ, могли бы имѣть своимъ источникомъ указанныя выше двѣ области. Но подобное самоограниченіе, подобное стремленіе довольствоваться только понятіями, имѣющими такое происхожденіе, прикрывало бы опять таки некритическую рецепцію по отношенію ко всѣмъ специфически космотеоретическимъ понятіямъ. Не слѣдуетъ думать, будто мы сможемъ избавиться отъ подробнаго разсмотрѣнія философской традиціи, если мы примемъ за исходные пункты наряду съ „голыми фактами“ также и „положительныя науки“. Вѣдь при обработкѣ этихъ данныхъ мы не могли бы обойтись и безъ специфически фило-

софскихъ понятій; а если бы мы не проанализировали ихъ предварительно самымъ тщательнымъ образомъ, то мы бы оказались критически безоружными по отношенію къ нимъ. Свѣдущіе люди отлично знаютъ, какъ часто это дѣйствительно случается съ спеціалистами-учеными, когда они начинаютъ философствовать.

Итакъ, ничего съ этимъ не подѣлаешь: ученіе о міровоззрѣніи предполагаетъ въ любой данный моментъ свою собственную исторію въ ея основныхъ чертахъ, какъ исходный пунктъ; оно должно прослѣдить судьбы своихъ проблемъ, начиная отъ первыхъ противорѣчій, въ которыхъ запутываются понятія практической жизни и частныхъ наукъ, черезъ всѣ тѣ формы, съ помощью которыхъ космотеорія пыталась сама избавиться отъ этихъ противорѣчій, вплоть до ихъ настоящаго состоянія; и только тогда, когда она сможетъ указать и здѣсь на противорѣчія въ космотеоретическихъ понятіяхъ—независимо отъ того, будутъ ли это противорѣчія космотеоретическихъ понятій между собой, или съ понятіями частныхъ наукъ или практики—только тогда начинается ея собственная работа. Только такимъ образомъ намѣчается однозначнымъ образомъ задача и цѣль самой этой работы.

3) Вѣдь теперь то и подымается вопросъ: какъ собственно слѣдуетъ представлять себѣ то устраненіе противорѣчій, на которое мы указали, какъ на истинное разрѣшеніе космотеоретическихъ проблемъ? Иными словами: въ чемъ собственно заключается по существу постулируемая нами критическая рецепція традиціонныхъ понятій? На это, согласно всему предыдущему, мы должны отвѣтить слѣдующимъ образомъ: въ томъ, что понятія эти преобразуются такимъ образомъ, что, съ одной стороны, они остаются пригодными для отображенія фактовъ и что, съ другой, устраняются существующія между ними противорѣчія.

Этотъ отвѣтъ естественно вытекаетъ изъ всего предыдущаго нашего изложенія. Но, можетъ быть, будетъ небезполезно разсмотрѣть нѣсколько подробнѣе его предпосылки и вытекающія изъ нея слѣдствія. Во первыхъ надо разъяснить еще вопросъ о возможности всей этой операціи. Возможность эта основывается на томъ, что первоначальное, происходящее въ практическихъ или частно-научныхъ цѣляхъ, образованіе понятій не свободно обыкновенно отъ случайностей. Понятія самаго различнаго значенія и калибра могутъ отображать факты съ одинаковымъ успѣхомъ съ точки зрѣнія соотвѣтствующаго интереса. И такъ какъ на этой стадіи развитія принимается въ разсчетъ только указанный интересъ, то чаще всего довольно случайныя обстоятельства будутъ рѣшать, какая изъ этихъ возможностей осуществится. Благодаря этому такія первичныя понятія будутъ обыкновенно заключать въ себѣ больше, чѣмъ это требуется для простого отображенія фактовъ. Въ отдѣльныхъ дисциплинахъ вліянія этихъ логическихъ излишковъ совсѣмъ не будетъ ощущаться; но именно они то и приведутъ къ упомянутымъ неоднократно противорѣчіямъ въ случаѣ конфликта различныхъ наукъ. Поэтому космотеоретическое преобразованіе понятій должно будетъ заключаться по существу въ устраненіи этихъ излишковъ: оно оставитъ въ нихъ все то, что безусловно необходимо для удовлетворенія научныхъ интересовъ; но оно отброситъ все то сверхсмѣтное, что́ должно имѣть результатомъ одностороннюю картину вещей. По моему важно далѣе то, что только такая двоякая опредѣленность процесса преобразованія создаетъ возможность однозначныхъ рѣшеній космотеоретическихъ проблемъ. Вѣдь само по себѣ ясно, что одинъ и тотъ же фактъ допускаетъ безконечное множество логическихъ пониманій его, и что слѣдовательно, опытъ допускаетъ безчисленныя міровоззрѣнія. Вѣдь

одного и того же человѣка можно назвать безразлично французомъ или воромъ, карликомъ или парижаниномъ, счетчикомъ или парикмахерскимъ подмастерьемъ, и было бы безсмысленно спорить по поводу того, что́ онъ собственно такое изъ всѣхъ этихъ квалификацій. Точно также и совокупность опыта можетъ быть изображена съ помощью безчисленнаго множества системъ мыслей, при чемъ нелѣпо было бы спорить объ оправданіи этихъ системъ. Фактическое положеніе философіи не многимъ отличается отъ изображеннаго здѣсь. Одинъ мыслитель строитъ такую то систему, другой—другую; и каждый увѣряетъ, что его система является единственной, оправдываемой фактами. Но для научной дѣятельности здѣсь остается мало мѣста. Вѣдь разъ заранѣе извѣстно, что дѣйствительность можетъ быть понята съ помощью самыхъ различныхъ мыслей, то собственно здѣсь не имѣется никакого научнаго вопроса; отвѣтъ здѣсь никогда не можетъ быть провѣренъ: правильнымъ можетъ быть одинъ отвѣтъ, но точно также и другой.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло, если исходить изъ нашихъ посылокъ. Здѣсь даны для разрѣшенія космотеоретическихъ проблемъ два критерія, и, такъ какъ изслѣдованіе можетъ исходить сперва лишь отъ одного изъ нихъ, то согласіе съ другимъ играетъ роль провѣрки. Если намъ дана теорія, которая устраняетъ традиціонныя противорѣчія, то для провѣрки ея служитъ доказательство адэкватности фактамъ. Если дана теорія, которая, повидимому, адэкватна фактамъ, то мы ее провѣряемъ, показавъ, что она устраняетъ также противорѣчія. Мы въ своей работѣ будемъ пользоваться обоими этими путями, но обыкновенно вторымъ: сперва мы развернемъ цѣпь существующихъ противорѣчій; затѣмъ мы будемъ искать соотвѣтствующей фактамъ логической концепціи; и, наконецъ, мы покажемъ, что эта концепція устраняетъ вышеуказанныя

противорѣчія. При этомъ мы не ограничимся тѣмъ, что покажемъ, какъ устраняются въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ противорѣчія послѣдней космотеоретической фазы развитія; мы должны будемъ, наоборотъ, обозрѣвши всю исторію проблемы, показать, поскольку была правомѣрна каждая попытка разрѣшенія ея и поскольку она заключала въ себѣ элементы, которые, съ одной стороны, не были необходимы для отображенія фактовъ, а, съ другой, давали поводъ къ возникновенію противорѣчій. И поэтому мы будемъ считать какую нибудь теорію провѣреннымъ рѣшеніемъ какой нибудь космотеоретической проблемы лишь тогда, когда она не только дастъ намъ правильное умственное отображеніе фактовъ, но и явится синтезомъ правомѣрныхъ элементовъ всѣхъ попытокъ рѣшенія. Такимъ образомъ мы возвращаемся къ извѣстному тезису Гегеля, что прежнія системы бываютъ „сняты“ (aufgehoben) въ позднѣйшихъ системахъ въ томъ „двоякомъ смыслѣ“ этого слова [1]), по которому оно означаетъ, какъ сохраненіе, такъ и уничтоженіе. Вѣдь [2]) „въ этомъ то и заключается истинное значеніе... подавшаго поводъ къ столь частымъ недоразумѣніямъ опроверженія какой нибудь философской системы другой системой“: „подобно тому, какъ принимаютъ, что всѣ философскія системы опровергнуты“, подобно тому должно „въ то же время сказать, что ни одна философская система не опровергнута“. Ибо „опроверженіе какой нибудь системы имѣетъ лишь тотъ смыслъ, что перейдены ея границы, и что опредѣленный принципъ ея опустился до степени идеальнаго момента“. Такимъ образомъ [3]) „послѣдняя по времени система... есть результатъ всѣхъ предшествую-

---

[1]) Log. (W W. III, c. 110).
[2]) Encycl. I, § 81, Zus. 2 (W W. VI, c. 167).
[3]) Ib. § 13 (W W. VI, c. 21).

щихъ системъ и должна поэтому содержать въ себѣ принципы всѣхъ этихъ системъ".

4) Но могутъ сказать: что толку изъ того, что подобная послѣдняя философская система заключаетъ въ себѣ принципы всѣхъ своихъ предшественницъ, если и собственные ея принципы вскорѣ должны будутъ опуститься до степени идеальныхъ моментовъ ея преемницы? И не ведетъ ли фактически развитая здѣсь концепція космотеоріи къ тому, чтобы признать задачей ея не окончательное постиженіе вѣчной истины, а устраненіе временной исторической нужды? Вѣдь, если космотеорія имѣетъ цѣлью преобразовать традиціонныя понятія настолько, сколько необходимо, чтобы приспособить ихъ къ извѣстнымъ въ данный моментъ фактамъ и устранить наблюдаемыя при этомъ противорѣчія, то развѣ это не значитъ, что она сознательно остается на почвѣ случайной исторической традиціи, которая по всѣмъ вѣроятностямъ должна заключать въ себѣ еще гораздо больше несуразностей, чѣмъ это замѣтно въ настоящее время? Развѣ это не значитъ превратить работу созиданія міровоззрѣнія въ работу вѣчныхъ поправокъ и починокъ и поставить на мѣсто возводимой единой новой постройки постоянное частичное перестраиваніе?

На всѣ подобныя жалобы приходится отвѣтить, что размѣры преобразованія понятій никоимъ образомъ не ставятся въ узкія границы и что не ставится никакихъ помѣхъ тому, чтобы производить отдѣльныя преобразованія съ какой нибудь единой и универсальной точки зрѣнія. Но вѣдь, навѣрное, никто не начнетъ возводить постройку въ воздухѣ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не хочетъ подвергаться случайнымъ ограниченіямъ и условіямъ, ставимымъ опредѣленной поверхностью основанія. Впрочемъ, взглядъ, брошенный на исторію міровоззрѣній показываетъ, что и тѣ изъ нихъ, которыя

мнили, будто окончательно постигли истину, при ретроспективномъ разсмотрѣніи оказываются тѣмъ не менѣе простыми попытками провизорнаго приближенія къ ней. Такимъ образомъ, мы здѣсь требуемъ просто признанія факта, который имѣется собственно даже и тамъ, гдѣ его не замѣчаютъ. А если желать вдаваться вообще въ утилитарныя соображенія, то въ защищаемомъ здѣсь воззрѣніи можно найти скорѣе благопріятные, чѣмъ неблагопріятные, для міровоззрѣнія моменты; вѣдь если міровоззрѣніе, согласно этой концепціи, связано съ предшествующими ему системами, то оно въ такомъ же смыслѣ связываетъ и слѣдующія за нимъ міровоззрѣнія; и если при провѣркѣ его мы ставимъ условіе, чтобы оно вобрало въ себя правомѣрные элементы своихъ предшественниковъ, то этимъ самымъ возлагается на его преемниковъ обязанность реципировать и *его* правомѣрные элементы.

Но вообще не приходится считаться съ такой точкой зрѣнія. Дѣло идетъ не о желательномъ, а о возможномъ. А относительно этого мы, на основаніи всего предыдущаго, должны сказать: *рѣшеніе космотеоретическихъ проблемъ*—или, по крайней мѣрѣ, знаніе о подобномъ окончательномъ рѣшеніи—невозможно. Мы увидимъ впослѣдствіи, что это замѣчаніе касается не только этихъ проблемъ, но имѣетъ всеобщее значеніе. Но здѣсь мы можемъ дать доказательство только для нашего частнаго случая. Вѣдь ясно, что если ученіе о міровоззрѣніи есть вторичная наука, задача которой заключается въ установленіи непротиворѣчивой связи между мыслями первичныхъ наукъ (и практики), то окончательнаго завершенія она могла бы достигнуть лишь тогда, когда прекратилось бы образованіе понятій въ частныхъ наукахъ. И только знаніе, имѣющее своимъ объектомъ такое состояніе покоя, могло бы дать ученію о міровоззрѣніи знаніе о его за-

вершеніи. Но пока въ частныхъ наукахъ образуются еще—или могутъ образоваться—совершенно новыя понятія, могутъ появляться и новыя противорѣчія, какъ между этими новыми понятіями, такъ между ними и старыми понятіями. Но тогда, значитъ, возникаютъ и новыя задачи для космотеоріи, возникаютъ новыя проблемы, которыя, въ свою очередь, могутъ быть разрѣшены лишь путемъ новыхъ преобразованій традиціонныхъ понятій. Что этотъ процессъ когда нибудь закончится—это такъ же маловѣроятно, какъ и маложелательно; а что можно ручаться за наступленіе подобнаго конца—этого никто не захочетъ серьезно утверждать. Но тогда должно также признать, что подобно тому, какъ для никого невозможно начинать съ начала ученіе о міровоззрѣніи, подобно этому невозможно и довести его до конца.

Перевелъ ***И. С. Юшкевичъ.***

Э. Махъ [1]).

Философское и естественно-научное мышленіе.

1. Низшія животныя, живущія въ простыхъ, постоянныхъ и благопріятныхъ условіяхъ среды, приспособляются къ ея мгновеннымъ измѣненіямъ при помощи прирожденныхъ рефлексовъ. Обыкновенно этого бываетъ достаточно для сохраненія индивидуума и вида, на довольно значительное время, но выжить въ условіяхъ среды болѣе сложной и менѣе постоянной животное можетъ только тогда, когда оно способно приспособляться къ болѣе или менѣе обширному—пространственно и временно—многообразію ея. Для этого требуется извѣстная пространственная и временная дальнозоркость. Эта дальнозоркость достигается прежде всего болѣе совершенными органами чувствъ, а при дальнѣйшемъ наростаніи требованій—развитіемъ жизни представленій. Дѣйствительно, живое существо, обладающее памятью, имѣетъ въ своемъ психическомъ полѣ зрѣнія болѣе обширную пространственную и временную среду, чѣмъ оно могло бы обнять одними своими органами чувствъ. Оно воспринимаетъ, такъ сказать, и тѣ части среды, которыя

[1]) Первая глава изъ книги Э. Маха „Познаніе и Заблужденіе". *Прим. перев.*

находятся въ сосѣдствѣ съ непосредственно видимыми, оно видитъ приближеніе добычи или враговъ, о которомъ ему не можетъ еще сообщить ни одинъ изъ его органовъ чувствъ. Первобытный человѣкъ имѣетъ количественное преимущество передъ другими животными именно только въ силѣ своей индивидуальной памяти, которая съ теченіемъ времени усиливается передачей воспоминаній отъ предковъ и рода. Даже развитіе культуры вообще существенно характеризуется тѣмъ, что все бо́льшія и бо́льшія—пространственно и временно—области попадаютъ въ сферу вѣдѣнія человѣка. По мѣрѣ того какъ жизнь съ развитіемъ культуры становится немного легче, прежде всего благодаря раздѣленію труда, развитію промысловъ и т. д., представленія индивидуума, ограниченныя тѣсной областью фактовъ, выигрываютъ въ силѣ, причемъ система представленій всего народа не теряетъ однако ничего въ своемъ объемѣ. Усилившееся такимъ образомъ мышленіе можетъ постепенно само стать спеціальной профессіей. Научное мышленіе развивается изъ обыденнаго. Такимъ образомъ научное мышленіе является послѣднимъ звеномъ въ непрерывной цѣпи біологическаго развитія, начавшагося съ первыхъ элементарныхъ проявленій жизни.

2. Цѣль простыхъ, обыденныхъ представленій сводится къ мысленному дополненію частично наблюденнаго факта. Охотникъ, замѣтивъ добычу, представляетъ себѣ образъ жизни преслѣдуемаго животнаго, чтобы съ нимъ цѣлесообразнѣе сообразовать свои собственныя дѣйствія. Сельскій хозяинъ, собираясь культивировать какое-нибудь растеніе, думаетъ о подходящей почвѣ, о правильномъ выборѣ сѣмянъ, о времени созрѣванія растенія. Эта черта мысленнаго дополненія факта по какой-нибудь данной его части является общей для научнаго мышленія и для обыденнаго. И Галилей

не ищетъ ничего иного, какъ представить себѣ весь процессъ движенія, когда даны первоначальная скорость и направленіе брошеннаго камня. Но другой чертой научное мышленіе отличается отъ обыденнаго часто въ весьма сильной степени. Обыденное мышленіе служитъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ начаткахъ, практическимъ цѣлямъ, прежде всего удовлетворенію физическихъ потребностей. Ставшее же болѣе сильнымъ, научное мышленіе создаетъ себѣ собственныя свои цѣли, стремится удовлетворить самого себя, устранить умственное стѣсненіе. Выросшее на службѣ практическимъ цѣлямъ, оно съ теченіемъ времени становится само себѣ господиномъ. Обыденное мышленіе не служитъ чисто-познавательнымъ цѣлямъ и вслѣдствіе этого страдаетъ кое-какими недостатками, отъ которыхъ первоначально не свободно и развившееся изъ него научное мышленіе. Отъ этихъ недостатковъ послѣднее освобождается лишь медленно и весьма постепенно. Каждый взглядъ назадъ, на періодъ прошлый, законченный, учитъ насъ, что научное мышленіе въ своемъ развитіи заключается въ непрерывномъ исправленіи мышленія обыденнаго. Но съ ростомъ культуры научное мышленіе начинаетъ вліять и на то мышленіе, которое служитъ практическимъ цѣлямъ. Обыденное мышленіе все болѣе и болѣе ограничивается и вытѣсняется научно дисциплинированнымъ техническимъ мышленіемъ.

3. Отображеніе фактовъ дѣйствительности въ нашихъ мысляхъ или приспособленіе нашихъ мыслей къ этимъ фактамъ даетъ возможность нашему мышленію мысленно восполнять факты лишь частично наблюденные, поскольку это восполненіе опредѣляется наблюденной частью. Эта опредѣленность заключается во взаимной зависимости признаковъ фактовъ, которая и является исходнымъ пунктомъ для мышленія. Такъ какъ

обыденное и едва зарождающееся научное мышленіе вынуждены ограничиться довольно грубымъ приспособленіемъ мыслей къ фактамъ, то мысли эти, приспособляемыя къ фактамъ, не всегда бываютъ согласны между собой. Такимъ образомъ появляется новая задача, которую мышленіе должно разрѣшить для полнаго своего удовлетворенія, — задача приспособленія мыслей другъ къ другу. Это послѣднее стремленіе, обусловливающее логическое очищеніе мышленія, но идущее гораздо дальше этой цѣли, является характернымъ и преимущественнымъ признакомъ науки, въ отличіе отъ обыденнаго мышленія. Послѣднее довольствуется уже тѣмъ, что оно лишь приблизительно служитъ къ осуществленію практическихъ цѣлей.

4. Научное мышленіе встрѣчается въ двухъ, съ виду довольно различныхъ, типахъ: въ видѣ мышленія философа и мышленія спеціалиста-изслѣдователя. Первый стремится къ возможно полной, всеобъемлющей оріентировкѣ во всей совокупности фактовъ. При этомъ онъ не можетъ возвести до конца своего зданія, не позаимствовавъ для этого матеріалъ у спеціалистовъ. Второй спеціально занятъ оріентировкой и обобщеніемъ въ одной какой-нибудь небольшой области фактовъ. Но такъ какъ разграниченіе фактовъ никогда не бываетъ возможно безъ нѣкоторой дозы произвола и насильственности и опредѣляется заранѣе поставленной временной интеллектуальной цѣлью, то эти границы, которыя ставитъ себѣ спеціалистъ-изслѣдователь, съ развитіемъ спеціальной науки все болѣе и болѣе расширяются. Спеціалистъ-изслѣдователь въ концѣ-концовъ тоже приходитъ къ той мысли, что для успѣшнаго оріентированія въ его собственной области онъ долженъ принять въ соображеніе результаты, къ которымъ пришли въ своихъ областяхъ всѣ остальные спеціалисты. Такимъ образомъ и всѣ спеціалисты въ

совокупности стремятся къ ориентировкѣ въ мірѣ при помощи объединенія всѣхъ своихъ спеціальныхъ областей. Въ виду несовершенства, неполноты достижимаго это стремленіе ведетъ къ открытымъ или къ болѣе или менѣе прикрытымъ позаимствованіямъ у мышленія философскаго. Такимъ образомъ конечная цѣль всякаго изслѣдованія оказывается одной и той же. Это видно изъ того, что и величайшіе философы, какъ *Платонъ*, *Аристотель*, *Декартъ*, *Лейбницъ* и др., открыли также новые пути и въ области спеціальныхъ наукъ, а съ другой стороны такіе спеціалисты-изслѣдователи, какъ *Галилей*, *Ньютонъ*, *Дарвинъ* и др., не нося имени философовъ, оказали мощное содѣйствіе развитію философскаго мышленія.

Надо, правда, признать: то, что философъ считаетъ за возможное начало, улыбается естествоиспытателю, лишь какъ очень отдаленный конецъ его работы. Но это различіе во мнѣніяхъ не должно мѣшать изслѣдователямъ—да и дѣйствительно не мѣшаетъ—учиться другъ у друга. Въ результатѣ многочисленныхъ попытокъ охарактеризовать общіе признаки обширныхъ областей философія накопила богатый опытъ въ этомъ направленіи; она даже мало-по-малу научилась распознавать и отчасти избѣгать тѣхъ ошибокъ, въ которыя сама впадала и въ которыя почти всегда впадаетъ еще и понынѣ не прошедшій философской школы естествоиспытатель. Но философское мышленіе дало естествознанію и положительныя цѣнныя идеи, какъ, напримѣръ, различныя идеи сохраненія. Съ другой стороны, философъ беретъ у спеціальной науки болѣе солидныя основанія, чѣмъ тѣ, которыя могло ему дать обыденное мышленіе. Естествознаніе даетъ ему примѣръ осторожной, прочной и плодотворной постройки зданія науки, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ извлекаетъ поучительный урокъ изъ слишкомъ большой односторонности естествоиспытателя. Въ дѣйствительности вся-

кій философъ имѣетъ свое домашнее естествознаніе, и всякій естествоиспытатель—свою домашнюю философію. Но эти домашнія науки бываютъ въ большинствѣ случаевъ нѣсколько устарѣвшими, отсталыми. Въ очень рѣдкихъ случаяхъ естествоиспытатель можетъ согласиться вполнѣ съ естественно-научными взглядами философа, по тому или другому поводу высказанными. Съ другой стороны, большинство естествоиспытателей придерживается еще и въ настоящее время, въ качествѣ философовъ, матеріализма, которому 150 лѣтъ отъ роду и недостаточность котораго давно уже разглядѣли не только философы по призванію, но и люди болѣе или менѣе знакомые съ философскимъ мышленіемъ. Только немногіе философы принимаютъ въ настоящее время участіе въ естественно-научной работѣ, и только въ видѣ исключенія можно встрѣтить естествоиспытателя, посвящающаго собственную свою работу ума вопросамъ философскимъ. А между тѣмъ то и другое безусловно необходимо для достиженія согласія между тѣми и другими, ибо одно чтеніе ни тѣмъ, ни другимъ помочь не можетъ.

Если мы оглянемся назадъ, на старые, тысячелѣтніе пути, по которымъ шли философы и естествоиспытатели, мы увидимъ, что они въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ хорошо проложены. Но во многихъ мѣстахъ они какъ будто запутываются подъ вліяніемъ естественныхъ, инстинктивныхъ, какъ философскихъ, такъ и естественно-научныхъ предразсудковъ, оставшихся въ видѣ мусора отъ старыхъ попытокъ и неудавшихся работъ. Было бы полезно отъ времени до времени расчищать эти кучи мусора или обходить ихъ.

5. Не только человѣчество, но и каждый отдѣльный человѣкъ находитъ въ себѣ, разъ пробудившись къ полному сознанію, готовое міровоззрѣніе, въ сложеніи котораго онъ не принималъ участія. Онъ получаетъ его, какъ даръ природы и культуры. Съ этого долженъ на-

чать каждый. Ни одинъ мыслитель не можетъ сдѣлать ничего болѣе, какъ, исходя изъ этого міровоззрѣнія, развивать его далѣе, вносить въ него поправки, пользуясь опытомъ предковъ, избѣгая по мѣрѣ разумѣнія ошибки послѣднихъ,—однимъ словомъ, самостоятельно и осмотрительно еще разъ пройти свой оріентирующій путь. Къ чему же сводится это міровоззрѣніе? Я нахожу *себя* въ пространствѣ, окруженнымъ различными тѣлами, способными двигаться въ этомъ пространствѣ. Тѣла эти суть: „безжизненныя“ тѣла, растенія, животныя, люди. Мое *тѣло*, тоже способное двигаться въ пространствѣ, является для меня въ такой же мѣрѣ видимымъ, осязаемымъ, вообще чувственнымъ объектомъ, занимающимъ часть чувственнаго пространства, находящимся *внѣ* остальныхъ тѣлъ и *рядомъ* съ ними, какъ сами эти тѣла. *Мое* тѣло отличается отъ тѣлъ остальныхъ людей, помимо индивидуальныхъ признаковъ, еще и тѣмъ, что при прикосновеніи къ нему являются своеобразныя ощущенія, которыхъ я при прикосновеніи къ другимъ тѣламъ не наблюдаю. Далѣе, мое тѣло моему глазу не такъ полно видно, какъ тѣла другихъ людей. Если взять, напр., мою голову, то, по крайней мѣрѣ непосредственно, я могу видѣть лишь очень незначительную часть ея. Вообще мое тѣло является мнѣ въ перспективѣ совершенно различной отъ той, въ которой являются мнѣ всѣ остальныя тѣла. Той же самой оптической точки зрѣнія я по отношенію къ другимъ тѣламъ занять не могу. Подобное можно сказать и относительно чувства осязанія, какъ и относительно остальныхъ чувствъ. И голосъ свой я слышу, напримѣръ, совершенно иначе, чѣмъ голоса другихъ людей [1]). Далѣе, я нахожу въ себѣ воспоминанія, на-

[1]) Въ хорошихъ фонографахъ можно узнать тембръ голоса друзей, но собственный голосъ имѣетъ чуждый тембръ, ибо нѣтъ резонанса головы.

дежды, опасенія, склонности, желанія, волю и т. д., въ развитіи которыхъ я въ такой же мѣрѣ неповиненъ, какъ въ существованіи тѣлъ въ окружающей меня средѣ. Но съ этой волей связаны движенія одного опредѣленнаго тѣла, именно того, которое по этому признаку и по указаннымъ выше признакамъ обозначается, какъ мое тѣло. Когда я наблюдаю движенія тѣлъ другихъ людей, то практическія потребности и сильная аналогія, дѣйствію которой я не могу противиться, побуждаютъ меня мыслить, что и съ ними связаны такія же воспоминанія, надежды, опасенія, склонности, желанія, воля, какія связаны съ моимъ тѣломъ. Далѣе, дѣйствія другихъ людей заставляютъ меня допустить, что мое тѣло и остальныя тѣла существуютъ для нихъ столь же непосредственно, какъ для меня существуютъ ихъ тѣла вмѣстѣ съ остальными тѣлами, но, за то мои воспоминанія, желанія и т. д. существуютъ для нихъ тоже лишь, какъ результатъ непреоборимаго заключенія по аналогіи, какъ для меня существуютъ ихъ воспоминанія, желанія и т. д. Назовемъ покуда совокупность всего существующаго непосредственно въ пространствѣ для всѣхъ именемъ физическаго и непосредственно данное только одному, а для всѣхъ другихъ существующее только, какъ результатъ умозаключенія по аналогіи—именемъ психическаго. Совокупность всего, непосредственно даннаго только одному, назовемъ также его (болѣе тѣснымъ) *Я*. Вспомнимъ противоположеніе у *Декарта:* „матерія, духъ-протяженіе и мышленіе“. Здѣсь лежитъ естественная основа дуализма, который, впрочемъ, можетъ представить всѣ возможные переходы отъ чистаго матеріализма къ чистому спиритуализму, въ зависимости отъ оцѣнки значенія физическаго и психическаго, въ зависимости отъ того, что изъ нихъ считать фундаментальнымъ, основнымъ и что—вторич-

нымъ, выведеннымъ изъ основного. Но эта противоположность, выраженная въ дуализмѣ, можетъ принять и столь рѣзкій характеръ, что о какой-либо связи между физическимъ и психическимъ—въ противоположность естественному взгляду—нельзя будетъ болѣе и думать, какъ то проявилось въ удивительныхъ и чудовищныхъ теоріяхъ „окказіонализма“ и „предустановленной гармоніи“ [1]).

6. То, что я нахожу [2]) въ пространствѣ, въ окружающей меня средѣ, представляетъ части, зависящія другъ отъ друга. Магнитная стрѣлка приходитъ въ движеніе, когда въ достаточной близости отъ нея помѣщаютъ другой магнитъ. Тѣла нагрѣваются у огня и охлаждаются, придя въ соприкосновеніе съ кускомъ льда. Листъ бумаги, находящійся въ темнотѣ, становится видимымъ при пламени лампы. Поведеніе другихъ людей заставляетъ меня допустить, что въ этомъ отношеніи находимое ими подобно находимому мною; знаніе зависимостей между находимымъ, между переживаніями имѣетъ для насъ великій интересъ какъ практическій, для удовлетворенія потребностей, такъ и теорети-

---

[1]) Въ 83-мъ письмѣ къ нѣмецкой принцессѣ *Эйлеръ* показалъ, какъ смѣшно и противорѣчитъ всему повседневному опыту, когда между собственнымъ тѣломъ и собственной психикой не признаютъ никакой болѣе тѣсной связи, чѣмъ между какимъ угодно тѣломъ и какой угодно психикой.

[2]) *Примѣчаніе переводчика.* Не находя въ русскомъ языкѣ подходящаго слова для точнаго и дословнаго перевода нѣмецкаго термина „der Befund“, мы обратились за совѣтомъ къ самому автору книги, *Э. Маху*, на что онъ отвѣтилъ любезнымъ письмомъ, въ которомъ онъ между прочимъ пишетъ слѣдующее: „... Словомъ „Befund“ я назвалъ то, что мы находимъ въ какомъ-нибудь спеціальномъ случаѣ, когда мы просто вглядываемся или вслушиваемся въ что-либо, прикасаемся къ чему-либо, а также при болѣе подробномъ и даже болѣе трудномъ изслѣдованіи. Я нахожу, напримѣръ, что листъ зеленаго цвѣта, что равноугольный треугольникъ есть также равносторонній треугольникъ, что цинкъ растворяется въ разведенной сѣрной кислотѣ, что свинецъ пластиченъ, что онъ при нагрѣ-

ческій, для мысленнаго восполненія неполноты находимаго. При изученіи взаимной зависимости между дѣйствіями различныхъ тѣлъ я могу разсматривать тѣла людей и животныхъ, какъ тѣла не живыя, отвлекаясь отъ всего, полученнаго черезъ умозаключеніе по аналогіи. Зато я этимъ путемъ снова замѣчаю, что м о е тѣло оказываетъ всегда существенное вліяніе на этимъ путемъ преднаходимое. На бѣлый листъ бумаги можетъ бросать тѣнь какое-нибудь тѣло; но я могу на этомъ листѣ увидѣть пятно, сходное съ этой тѣнью, и въ томъ случаѣ, если непосредственно до этого смотрѣлъ на очень свѣтлое тѣло. При соотвѣтственномъ положеніи моихъ глазъ я могу видѣть о д н о тѣло вдвойнѣ или д в а весьма сходныхъ тѣла в т р о й н ѣ. Если я раньше быстро вращался, то я могу видѣть тѣла находящіяся механически въ движеніи, въ состояніи покоя или наоборотъ, тѣла, находящіяся въ покоѣ, могу видѣть тогда движущимися. Когда же я закрываю глаза, то все, что я оптически преднахожу, вообще исчезаетъ. Соотвѣтственными воздѣйствіями на мое тѣло могутъ быть вызваны ося-

---

ваніи плавится и т. д. Такимъ образомъ подъ словомъ „Befund“ никакъ нельзя подразумѣвать того, что философъ въ совершенно общей формѣ называетъ словомъ „данное“ или„ непосредственно данное“, а только то, что именно и составляетъ основу или содержаніе спеціальнаго сужденія. Можно вмѣсто слова „Befund“ сказать также „интеллектуальное переживаніе“ (intellektuelles Erlebnis). Der Befund можетъ явиться также результатомъ внутренняго созерцанія, когда я, напримѣръ, замѣчаю, что мысль объ опредѣленномъ домѣ напоминаетъ мнѣ о томъ что я, пережилъ въ немъ. Я надѣюсь, что сказанное поможетъ Вамъ найти для перевода соотвѣтствующее русское слово...“

Несмотря на прямое предложеніе Э. Маха замѣнить терминъ „Befund“ терминомъ „intellectuelle Erlebnis“, мы все-же не рѣшились воспользоваться этимъ предложеніемъ потому, что, какъ показалъ опытъ, замѣна эта можетъ вызвать недоразумѣнія. Воспользовавшись для перевода словомъ „преднаходимое“, укоренившимся въ нашей литературѣ, мы все-же сочли полезнымъ для характеристики точки зрѣнія Маха привести отрывокъ изъ его письма.

зательно или термически и т. под. преднаходимыя. Но когда мой сосѣдъ дѣлаетъ такіе опыты на своемъ тѣлѣ, во всемъ находимомъ мною, это не измѣняетъ ничего, хотя изъ его сообщеній я узнаю, да и по аналогіи долженъ допустить, что его преднаходимыя соотвѣтствующимъ образомъ измѣнились.

Итакъ, составныя части находимаго мною въ пространствѣ зависятъ не только вообще другъ отъ друга, но и отъ того, что другіе находятъ наблюденіями надъ моимъ тѣломъ и то же самое mutatis mutandis можно сказать о каждомъ человѣкѣ. Поэтому тотъ, кто слишкомъ переоцѣниваетъ послѣднюю зависимость всего того, что мы находимъ, отъ нашего тѣла и потому не дооцѣниваетъ всѣхъ другихъ существующихъ зависимостей, легко склоняется къ тому, чтобы все находимое нами разсматривать лишь какъ продуктъ нашего тѣла, считать все „субъективнымъ“. Но мы всегда имѣемъ передъ глазами пространственныя границы U нашего тѣла и видимъ, что части находимаго нами внѣ U въ равной мѣрѣ зависятъ другъ отъ друга и отъ находимаго внутри U. Правда, изученіе зависимостей, внѣ U лежащихъ, гораздо проще и гораздо дальше ушло впередъ, чѣмъ изученіе зависимостей, переходящихъ предѣлы U. Но въ концѣ-концовъ мы все же должны принять, что эти послѣднія зависимости суть все же того же рода, какъ и первыя, въ чемъ насъ все болѣе и болѣе убѣждаетъ развивающееся изученіе чужихъ тѣлъ, животныхъ и людей, находящихся внѣ предѣловъ нашего U. Развитая физіологія, все болѣе и болѣе опирающаяся на выводы физики, можетъ также выяснить и субъективныя условія преднаходимаго.

Наивный субъективизмъ, разсматривающій уклоняющіяся преднаходимыя одной и той же личности при измѣняющихся условіяхъ, и разныя преднаходимыя

различныхъ личностей, какъ случаи иллюзіи, и противополагающій эту послѣднюю какой-то мнимой, остающейся всегда постоянной дѣйствительности, въ настоящее время болѣе недопустимъ. Ибо для насъ важно только полное знаніе всѣхъ условій того или другого преднаходимаго; только въ такомъ знаніи находимъ мы практическій или теоретическій интересъ.

7. Все физическое, находимое мною, я могу разложить на элементы, въ настоящее время дальнѣйшему разложенію неподдающіеся: цвѣта, тоны, давленія, теплоту, запахи, пространства, времена и т. д. Эти элементы [1]) оказываются въ зависимости отъ условій, лежащихъ внѣ и внутри *U*. Постольку, и только постольку, поскольку эти элементы зависятъ отъ условій, лежащихъ внутри *U*, мы называемъ ихъ также ощущеніями. Такъ какъ ощущенія моихъ сосѣдей столь же мало даны мнѣ непосредственно, какъ и имъ мои, то я въ правѣ тѣ же элементы, на которые я разложилъ все физическое, разсматривать и какъ элементы психическаго. Такимъ образомъ физическое и психическое содержатъ общіе элементы и, слѣдовательно, между ними вовсе нѣтъ той рѣзкой противоположности, которую обыкновенно принимаютъ. Это становится еще яснѣе, когда оказывается, что воспоминанія, представленія, чувствованія, воля, понятія строятся изъ оставшихся слѣдовъ ощущеній и съ этими послѣдними, слѣдовательно, вовсе не несравнимы. Если я теперь называю всю совокупность моего психическаго, не исключая и ощущеній, моимъ *Я* въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова (въ противоположность къ болѣе тѣсному *Я*, см. стр. 101), то въ этомъ смыслѣ я

[1]) См. мою книгу „Анализъ ощущеній“. — Укажу еще здѣсь на весьма интересныя разсужденія Р. фонъ-Штернека, хотя я въ нѣкоторыхъ пунктахъ съ нимъ не согласенъ (v. Sterneck, Ueber die Elemente des Bewusstseins. „Ber. d. Wiener philosophischen Gesellschaft, 1903).

могу сказать, что въ моемъ *Я* заключенъ міръ (какъ ощущеніе и какъ представленіе). Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что это воззрѣніе не исключаетъ другихъ, имѣющихъ равное право на существованіе. При этой точкѣ зрѣнія солипсизма, стирающей противоположность между міромъ и нашимъ *Я*, этотъ міръ, какъ нѣчто самостоятельное, какъ будто исчезаетъ. Но граница, которую мы обозначили черезъ *U*, при этомъ все же остается; она теперь идетъ не вокругъ болѣе тѣснаго *Я*, а черезъ середину болѣе широкаго *Я*, черезъ середину „сознанія“. Не обративъ вниманія на эту границу и не принявъ въ соображеніе аналогію нашего *Я* съ чужимъ *Я*, мы вообще не могли бы притти къ точкѣ зрѣнія солипсизма. Такимъ образомъ, кто утверждаетъ, что наше познаніе не можетъ выйти изъ предѣловъ нашего *Я*, тотъ имѣетъ въ виду расширенное *Я*, которое предполагаетъ уже признаніе міра и чужихъ *Я*. Не улучшаетъ дѣла и ограниченіе „теоретическимъ“ солипсизмомъ [1]) изслѣдователя. Нѣтъ изолированнаго изслѣдователя. Каждый ставитъ себѣ также и практическія цѣли, каждый учится и у другихъ и работаетъ также для оріентировки другихъ.

8. При констатированіи находимаго нами физическаго мы легко впадаемъ въ разныя ошибки или „иллюзіи“. Прямую палку, опущенную въ воду въ косомъ положеніи, мы видимъ переломленной, и человѣкъ неопытный могъ бы подумать, что и для осязанія она окажется такой же. Мнимое изображеніе въ вогнутомъ зеркалѣ кажется намъ осязаемымъ. Ярко освѣщенному предмету мы приписываемъ бѣлый цвѣтъ и бываемъ изумлены, когда мы находимъ, что тотъ же предметъ при умѣренномъ освѣщеніи оказывается чер-

[1]) См. I. Petzoldt, Solipsismus auf praktischem Gebiet. Vierteljahrsschrift f. wissensch. Philosophie XXV. 3, стр. 339.—Schuppe, Der Solipsismus. Zeitschr. für immanente Philosophie, т. III, стр. 327.

наго цвѣта. Древесный стволъ въ темнотѣ напоминаетъ намъ фигуру человѣка, и намъ кажется, что мы видимъ предъ собой этого человѣка. Всѣ такія „иллюзіи“ основаны на томъ, что мы не знаемъ условій, при которыхъ найдено было то или другое интеллектуальное переживаніе, или не принимаемъ ихъ во вниманіе, или предполагаемъ не существующія, а другія условія. Наша фантазія дополняетъ также чистично то, что мы находимъ въ наиболѣе привычной для нея формѣ и тѣмъ самымъ часто искажаетъ его. Итакъ, къ противоположенію въ обыденномъ мышленіи иллюзіи и дѣйствительности, явленію и вещи, приводитъ то, что смѣшиваются интеллектуальныя переживанія при особыхъ условіяхъ съ таковыми при условіяхъ вполнѣ опредѣленныхъ. Это противоположеніе явленія и вещи, разъ развившись въ неточномъ обыденномъ мышленіи, проникаетъ и въ мышленіе философское, которое и освобождается отъ этого воззрѣнія съ большимъ трудомъ. Непознаваемая „вещь въ себѣ“, стоящая позади явленій, есть несомнѣнная родная сестра обыденной вещи, потерявшая послѣдніе остатки своего значенія! [1]) Послѣ того какъ отрицаніемъ границы *U* все содержаніе нашего *Я* получило характеръ иллюзорный, какое еще непознаваемое можетъ быть для насъ по ту сторону границы, которую наше *Я* никогда переступить не можетъ? Что это, какъ не возвращеніе къ обыденному мышленію, которое позади „обманчиваго“ явленія всегда находило еще какую-то основную сущность?

Когда мы разсматриваемъ элементы—красное, зеленое, теплое, холодное и т. д., какъ бы они ни назывались, и которые въ ихъ зависимостяхъ отъ находимаго внѣ *U* суть физическіе элементы, а въ ихъ зависи-

[1]) См. превосходныя полемическія разсужденія *Шупне* противъ *Ибервега* (Brasch, Welt und Lebensanschauung F. Ueberwegs. Leipzig, 1889).

мостяхъ отъ находимаго внутри *U*—психическіе, но несомнѣнно въ обоихъ случаяхъ непосредственно данные и тождественные элементы, то при такомъ простомъ положеніи дѣла вопросъ объ иллюзіи и дѣйствительности теряетъ свой смыслъ. Мы имѣемъ тогда предъ собой одновременно и вмѣстѣ элементы реальнаго міра и элементы нашего *Я*. Интересовать насъ можетъ еще только одно, это—функціональная зависимость (въ математическомъ смыслѣ) этихъ элементовъ другъ отъ друга. Эту связь элементовъ можно продолжать называть вещью. Но эта вещь не есть уже непознаваемая вещь. Съ каждымъ новымъ наблюденіемъ, съ каждымъ новымъ естественно-научнымъ принципомъ познаніе этой вещи дѣлаетъ успѣшные шаги впередъ. Когда мы объективно разсматриваемъ наше (тѣсное) *Я*, то и оно оказывается функціональной связью элементовъ. Только форма этой связи здѣсь нѣсколько иная, чѣмъ та, которую мы привыкли находить въ области „физической“. Вспомнимъ, наприм., различныя отношенія „представленій“ къ элементамъ первой области, ассоціаціонную связь этихъ „представленій“ и т. д. Въ неизвѣстномъ, непознаваемомъ нѣчто, находящемся позади этихъ элементовъ, мы не находимъ нужды, и это нѣчто нимало не содѣйствуетъ лучшему пониманію. Правда, позади *Я* стоитъ нѣчто, почти еще неизслѣдованное—именно наше тѣло. Но съ каждымъ новымъ физіологическимъ и психологическимъ наблюденіемъ это *Я* становится намъ болѣе знакомымъ. Интроспективная и экспериментальная психологія, анатомія мозга и психопатологія, которымъ мы обязаны уже столь цѣнными открытіями, мощно работаютъ здѣсь, идя навстрѣчу физикѣ (въ самомъ широкомъ смыслѣ), чтобы, дополняя другъ друга, привести къ болѣе глубокому познанію міра. Можно надѣяться, что всѣ разумные вопросы съ теченіемъ вре-

мени все болѣе и болѣе приблизятся къ своему разрѣшенію [1]).

9. Когда мы изслѣдуемъ взаимную зависимость между смѣняющимися представленіями, мы дѣлаемъ это въ надеждѣ понять психическіе процессы, наши собственныя переживанія и дѣйствія. Но тотъ, кто въ концѣ своего изслѣдованія полагаетъ нужнымъ снова признать позади этихъ переживаній и дѣйствій—наблюдающаго и дѣйствующаго субъекта, тотъ не замѣчаетъ, что онъ могъ бы не затруднять себя вовсе изслѣдованіемъ, ибо онъ снова вернулся къ своему исходному пункту. Такое положеніе живо напоминаетъ исторію съ сельскимъ хозяиномъ, который, послѣ того какъ ему объяснили устройство и работу паровыхъ машинъ на одной фабрикѣ, въ концѣ-концовъ спросилъ, гдѣ же лошади, которыя приводятъ машины въ движеніе? Въ томъ именно и была важнѣйшая заслуга *Гербарта*, что онъ изучалъ представленія, какъ нѣчто самодовлѣющее (an sich). Правда, онъ снова запуталъ себѣ всю психологію своимъ допущеніемъ простоты души. Только въ самое послѣднее время начинаютъ примиряться съ „психологіей безъ души“.

10. Распространеніе анализа нашихъ переживаній вплоть до „элементовъ“, дальше которыхъ покуда мы итти не можемъ [2]), представляетъ для насъ глав-

---

[1]) Нѣкоторымъ моимъ читателямъ казалось, что изложенное въ параграфахъ 5—8 представляетъ собой уклоненіе отъ того, что я писалъ въ моей книгѣ „Анализъ ощущеній“. Но въ дѣйствительности это не такъ. Ничего не измѣняя въ существѣ дѣла, а только форму, я считался съ антипатіей естествоиспытателей ко всему тому, что называется психомонизмомъ. Для меня, впрочемъ, не важно, какимъ именемъ назовутъ мою точку зрѣнія.

[2]) Разложеніе на составныя части, названныя здѣсь элементами, едва ли мыслимо на совершенно наивной точкѣ зрѣнія первобытнаго человѣка. Этотъ послѣдній воспринимаетъ, вѣроятно, подобно животному, тѣла окружающей его среды какъ одно цѣлое, не

нымъ образомъ ту выгодную сторону, что объ проблемы—проблема „непознаваемой“ вещи и проблема въ такой же мѣрѣ „неподдающагося изслѣдованію“ *Я* — получаютъ свою наиболѣе простую, наиболѣе прозрачную форму и благодаря этому могутъ быть легко распознаны, какъ проблемы мнимыя. Послѣ того какъ совершенно

раздѣляя между показаніями отдѣльныхъ своихъ чувствъ, данными ему только вмѣстѣ. Еще менѣе онъ въ состояніи раздѣлять цвѣта и формы предметовъ или разлагать смѣшанные цвѣта на ихъ составныя части. Все это есть уже результатъ элементарнаго научнаго опыта и научныхъ разсужденій. Разложеніе шумовъ на элементарныя ощущенія тоновъ, осязательныхъ ощущеній — на нѣсколько частичныхъ ощущеній, свѣтовыхъ ощущеній—на ощущенія основныхъ цвѣтовъ и т. д., есть даже достояніе только новѣйшей науки. Что здѣсь достигнутъ уже нами предѣлъ анализа и что этотъ послѣдній уже никакими средствами физіологіи не можетъ быть проведенъ дальше, мало правдоподобно. Итакъ, наши элементы являются таковыми только временно, какъ то было съ элементами алхиміи и каковыми въ настоящее время являются элементы химіи. Если для нашей цѣли, для исключенія изъ философіи мнимыхъ проблемъ, сведеніе къ упомянутымъ элементамъ казалось лучшимъ путемъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что всякое научное изслѣдованіе должно начинать съ этихъ элементовъ. То, что для психолога является самымъ простымъ и наиболѣе естественнымъ исходнымъ пунктомъ, вовсе не обязательно должно быть таковымъ для физика или химика, который ставитъ себѣ совершенно другія проблемы или разсматриваетъ тѣ же вопросы, но съ совершенно другихъ сторонъ.

Но одно слѣдуетъ имѣть въ виду. Нѣтъ ничего труднаго всякое физическое переживаніе построить изъ ощущеній, т.-е. изъ элементовъ психическихъ. Но совершенно невозможно понять, какъ изъ элементовъ, которыми оперируетъ современная физика, т.-е. изъ массъ и движеній (въ ихъ опредѣленности, пригодной для одной только этой спеціальной науки) построить какое-либо психическое переживаніе. Хотя *Дюбуа-Реймонъ* правильно распозналъ это, онъ однако совершилъ ошибку, совершенно не подумавъ о противоположномъ пути, и потому считалъ вообще невозможнымъ сведеніе одной изъ этихъ двухъ областей къ другой. Необходимо имѣть въ виду, что нѣтъ такого содержанія опыта или науки, которое не могло бы быть содержаніемъ

исключается то, изслѣдованіе чего не имѣетъ вообще никакого смысла, тѣмъ съ большей ясностью выступаетъ то, что дѣйствительно можетъ быть изслѣдовано науками спеціальными,—многообразная, всесторонняя взаимная зависимость элементовъ между собой. Группы такихъ элементовъ можно

сознанія. Ясное пониманіе этого факта даетъ намъ возможность выбирать въ качествѣ исходнаго пункта, смотря по потребности или цѣли изслѣдованія, то психологическую, то физическую точку зрѣнія. Поэтому оказывается лишь жертвой страннаго, но широко распространеннаго идолопоклонства передъ системами тотъ, кто думаетъ, что разъ онъ призналъ средою познанія свое *Я*, онъ уже не долженъ дѣлать аналогичнаго заключенія о чужихъ *Я*. Вѣдь эта самая аналогія послужила ему и для пониманія собственнаго *Я*.

Я съ удовольствіемъ укажу здѣсь еще на *М. Ферворна* (M. Vervorn. „Naturwissenschaft und Weltanschauung“, 1904), который снова высказываетъ взгляды, весьма сходные съ моими. Въ особенности интересно примѣчаніе на стр. 45. Выраженіе Ферворна „психомонизмъ“ кажется мнѣ теперь, правда, менѣе подходящимъ, чѣмъ это было бы въ болѣе старую, идеалистическую фазу моего мышленія.

Гаральдъ Геффдингъ (H. Höffding. „Moderne Philosophen“. 1905. стр. 121) приводитъ слѣдующее устное выраженіе *Рихарда Авенаріуса*: „мнѣ не извѣстно ни физическое, ни психическое, а только третье“. Подъ этими словами я охотно подписался бы самъ, если бы я не имѣлъ основаній опасаться, что подъ этимъ третьимъ могутъ подразумѣвать какое-нибудь неизвѣстное третье, какую-нибудь вещь въ себѣ или другую метафизическую чертовщину. Для меня физическое и психическое по существу своему тождественны, непосредственно извѣстны и даны и только различаются по точкѣ зрѣнія, съ которой ихъ разсматриваютъ. Эта точка зрѣнія и, слѣдовательно, различеніе обоихъ можетъ вообще явиться только при болѣе или менѣе высокомъ психическомъ развитіи и богатомъ опытѣ. До этого физическое и психическое не различимы другъ отъ друга. Для меня не имѣетъ никакого значенія всякая научная работа, которая не связана неразрывно съ непосредственно даннымъ и которая вмѣсто того, чтобы изучать отношенія между признаками даннаго, гонится за призраками. Разъ эти отношенія изучены, то можно относительно ихъ вдаваться еще въ какія угодно разсужденія. Но я этимъ не занимаюсь. Моя задача не философ-

продолжать называть вещами (тѣлами). Но оказывается, что изолированная вещь, строго говоря, не существуетъ. Только преимущественное вниманіе къ зависимостямъ, болѣе сильнымъ и болѣе бросающимся въ глаза, и невниманіе къ менѣе замѣтнымъ и болѣе слабымъ зависимостямъ даютъ намъ возможность при пер-

---

ская, а чисто-методологическая. Ошибочно было бы также думать, будто я нападаю или хочу даже совсѣмъ отмѣнить инстинктивно развитыя на хорошей эмпирической основѣ, ходячія понятія, какъ субъектъ, объектъ, ощущеніе и т. д. Но съ этими туманными понятіями, достаточными для практики, нельзя начать никакой методологической работы; необходимо сначала изслѣдовать, какія функціональныя зависимости признаковъ въ данномъ привели къ этимъ понятіямъ, что здѣсь и сдѣлано. Никакое знаніе, разъ уже добытое, не должно быть отброшено, а сохранено и использовано послѣ критической оцѣнки.

Въ наше время снова стали появляться естествоиспытатели, не уходящіе сполна въ спеціальныя изслѣдованія, но стремящіеся къ отысканію болѣе общихъ точекъ зрѣнія. Чтобы цѣлесообразно отличить ихъ отъ собственно философовъ, *Геффдингъ* называетъ ихъ „философствующими естествоиспытателями“. Если я назову имена хотя бы, напр., *Оствальда* и *Геккеля*, всякій признаетъ ихъ выдающееся значеніе въ области ихъ собственной спеціальности. Въ области общихъ вопросовъ я въ обоихъ вижу товарищей по стремленіямъ и обоихъ высоко цѣню, хотя и не могу согласиться съ ними во всѣхъ пунктахъ. Въ *Оствальдѣ* я, кромѣ того, высоко чту сильнаго и побѣдоноснаго борца противъ закоснѣнія метода, а въ *Геккелѣ*—честнаго неподкупнаго бойца за просвѣщеніе и свободу мысли. Чтобы въ краткихъ чертахъ выразить, въ какомъ направленіи я всего больше отдаляюсь отъ этихъ двухъ изслѣдователей, я долженъ сказать слѣдующее: психологическое наблюденіе я считаю въ такой же мѣрѣ важнымъ и основнымъ источникомъ познанія, какъ и наблюденіе физическое. Относительно всей опытной науки будущаго можно сказать то самое, что однажды такъ удачно сказалъ *Герингъ* (Hering, „Zur Lehre vom Lichtsinn“. Wien, 1878, стр. 106) о физіологіи: она будетъ подобна туннелю, который строится одновременно съ двухъ сторонъ (съ физической и психической). Какъ бы я ни относился къ взглядамъ Геринга вообще, я въ данномъ пунктѣ совершенно съ нимъ согласенъ. Стремленіе перебросить мостъ между этими двумя областями, съ виду

вомъ предварительномъ изслѣдованіи создавать фикцію изолированныхъ вещей. На такого же характера различеніи зависимостей основано противоположеніе міра и нашего *Я*. Изолированнаго *Я* нѣтъ точно такъ же, какъ нѣтъ изолированной вещи. Вещь и *Я* суть временныя фикціи одинаковаго рода.

11. Наша точка зрѣнія не даетъ философу ничего

столь различными, и найти точку зрѣнія однородную для обѣихъ, основано на экономическомъ строѣ человѣческаго духа. Я не сомнѣваюсь, что при цѣлесообразномъ преобразованіи понятій эта цѣль можетъ быть достигнута съ физической и психической стороны и только тому кажется недостижимой, кто съ самой юности своей разъ навсегда заковалъ себя въ застывшихъ инстинктивныхъ или общепринятыхъ понятіяхъ.

Если я не ошибаюсь, и въ спеціальной философской литературѣ, которая мнѣ не столь близка, тоже наблюдается стремленіе къ упомянутой выше цѣли. Если взять, напримѣръ, книгу *Гейманса* (G. Heymans, „Einführung in die Metaphysik auf Grundlage der Erfahrung", 1905), то большинство естествоиспытателей не могло бы ничего возразить ни противъ ея простыхъ и ясныхъ разсужденій, ни противъ точки зрѣнія, къ которой въ концѣ-концовъ приходитъ авторъ, противъ „критическаго психомонизма"; можетъ быть, сильно матеріалистически настроенные мыслители испугаются еще названія. Правда, нельзя не спросить *Гейманса* о слѣдующемъ: если методъ метафизики есть тотъ же методъ естествознанія, но только перенесенный на область болѣе широкую, то для чего это названіе, которое со времени *Канта* такъ фатально звучитъ и которому какъ будто противорѣчитъ прибавка „на основѣ опыта"? Наконецъ, слѣдовало бы еще имѣть въ виду, что со времени Ньютона естествознаніе научилось оцѣнивать въ ихъ истинномъ ничтожномъ значеніи всякія гипотезы, вставки x и y между элементами извѣстнаго даннаго. Не временныя рабочія гипотезы, а методъ аналитическаго изслѣдованія существенно содѣйствуютъ развитію естествознанія. Такимъ образомъ, если съ одной стороны весьма подбадриваетъ и радуетъ то, что мы всѣ почти ищемъ въ одномъ и томъ же направленіи, то съ другой стороны остающіяся разногласія должны каждаго изъ насъ предостеречь отъ того, чтобы считать искомое за уже найденное или—тѣмъ менѣе—за единоспасающее ученіе.

или даетъ очень мало. Въ ея задачу не входитъ разрѣшать одну или семь, или девять міровыхъ загадокъ. Она ведетъ только къ устраненію ложныхъ, мѣшающихъ естествоиспытателю, проблемъ и остальное предоставляетъ позитивному изслѣдованію. Мы даемъ прежде всего только отрицательный регулятивъ естественно-научному изслѣдованію, о которомъ философу вовсе нѣтъ надобности заботиться,—я имѣю въ виду философа, который знаетъ или, по крайней мѣрѣ, думаетъ, что знаетъ, уже вѣрныя основы міровоззрѣнія. Но если автору желательно, чтобы изложенные въ настоящей книгѣ взгляды оцѣнивались прежде всего съ точки зрѣнія естественно-научной, то это не значитъ, конечно, что они не нуждаются въ критикѣ со стороны философа, въ томъ, чтобы онъ тоже преобразовалъ ихъ согласно своимъ потребностямъ или совсѣмъ осудилъ ихъ. Для естествоиспытателя однако представляетъ совсѣмъ второстепенный интересъ вопросъ о томъ, соотвѣтствуютъ ли или нѣтъ его представленія той или иной философской системѣ, разъ только онъ съ пользой можетъ примѣнять ихъ, какъ исходный пунктъ своего изслѣдованія. Дѣло въ томъ, что способы мышленія и работы естествоиспытателя и философа весьма между собой различны. Не будучи столь счастливымъ, чтобы обладать, подобно философу, непоколебимыми принципами, онъ привыкъ и самымъ надежнымъ, наилучше обоснованнымъ взглядамъ и принципамъ приписывать лишь временный характеръ и полагать, что они могутъ быть измѣнены подъ вліяніемъ новаго опыта. И въ дѣйствительности величайшіе успѣхи науки, величайшія открытія оказались возможными только благодаря такому отношенію къ наукѣ со стороны естествоиспытателей.

12. И естествоиспытателю наши разсужденія могутъ показать только идеалъ, приблизительное и постепен-

ное осуществленіе котораго должно быть предоставлено наукѣ будущаго. Установленіе прямой зависимости элементовъ другъ отъ друга есть столь сложная задача, что она не можетъ быть разрѣшена сразу, а только шагъ за шагомъ. Было гораздо легче сначала установить лишь приблизительно и въ грубыхъ очертаніяхъ взаимную зависимость цѣлыхъ комплексовъ элементовъ (тѣлъ), при чемъ въ сильной степени зависѣло отъ случайности, отъ практической потребности, отъ прежнихъ опредѣленій, какіе элементы казались болѣе важными, на какихъ сосредоточивалось вниманіе и какіе оставались безъ вниманія. Каждый отдѣльный изслѣдователь со всей своей работой составляетъ лишь одно изъ звеньевъ въ длинной цѣпи развитія, долженъ исходить изъ несовершенныхъ, добытыхъ его предшественниками познаній и можетъ только эти послѣднія дополнять и исправлять примѣнительно къ своему идеалу. Съ благодарностью пользуясь для собственныхъ своихъ работъ помощью и указаніями, которыя онъ находитъ въ работахъ своихъ предшественниковъ, онъ часто незамѣтно прибавляетъ къ собственнымъ своимъ ошибкамъ ошибки и заблужденія своихъ предшественниковъ и современниковъ. Возвращеніе къ совершенно наивной точкѣ зрѣнія, будь оно возможно, представляло бы для человѣка, который сумѣлъ бы обезпечить себѣ полную свободу отъ взглядовъ современниковъ, рядомъ съ выгодой свободы отъ предвзятыхъ взглядовъ, и невыгодную сторону этой свободы — полное смятеніе передъ сложностью задачи и невозможность начать изслѣдованіе. Такимъ образомъ, если мы въ настоящее время возвращаемся какъ будто къ примитивной точкѣ зрѣнія, чтобы начать изслѣдованіе сызнова и повести его лучшими путями, то это наивность искусственная, не отказывающаяся отъ выгодъ, составляющихъ плодъ длиннаго пути развитія, а, напротивъ того, поль-

зующаяся взглядами, предполагающими довольно высокую ступень физическаго, физіологическаго и психологическаго мышленія. Только на такой ступени мыслимо разложеніе на „элементы“. Дѣло идетъ о возвращеніи къ исходнымъ пунктамъ изслѣдованія съ болѣе глубокимъ и богатымъ воззрѣніемъ, составляющимъ плодъ именно этого предшествующаго изслѣдованія. Должна быть достигнута извѣстная ступень психическаго развитія, чтобы научная точка зрѣнія стала вообще возможной. Но никакая наука не можетъ пользоваться спутанными и неясными понятіями профановъ, а должна вернуться къ ихъ начаткамъ, къ ихъ источнику, чтобы придать имъ болѣе ясный, болѣе опредѣленный характеръ. Неужели же только психологіи и теоріи познанія должно быть въ этомъ отказано?

13. Когда намъ приходится изслѣдовать многообразіе элементовъ, находящихся въ разнообразной взаимной другъ отъ друга зависимости, то для опредѣленія этой зависимости въ нашемъ распоряженіи имѣется только одинъ методъ—методъ измѣненія. Намъ ничего болѣе не остается, какъ наблюдать измѣненіе каждаго элемента, связанное съ измѣненіемъ каждаго изъ остальныхъ элементовъ даннаго многообразія, при чемъ не составляетъ большой разницы, наступаетъ ли это послѣднее измѣненіе „само отъ себя“ или подъ вліяніемъ нашей „воли“. Зависимость устанавливается при помощи „наблюденія“ и „опыта“. Будь элементы даже только попарно зависимы другъ отъ друга, а отъ остальныхъ не зависимы, систематическое изслѣдованіе этихъ зависимостей составляло бы уже довольно трудную задачу. Математически же можно доказать, что въ случаѣ зависимостей въ комбинаціи 3, 4 и т. д. элементовъ трудность планомѣрнаго изслѣдованія очень быстро смѣняется практической неосуществимостью.

Всякое временное пренебреженіе зависимостями, менѣе бросающимися въ глаза, всякое выдѣленіе зависимостей наиболѣе выдающихся не можетъ не ощущаться, какъ существенное облегченіе. И первый и второй родъ облегченія были сначала найдены инстинктивно, подъ давленіемъ практической потребности, нужды и психической организаціи, а впослѣдствіи были использованы естествоиспытателями сознательно, умѣло и методически. Не будь этихъ облегченій, на которыя при всемъ томъ можно смотрѣть какъ на несовершенства, наука вообще не могла бы возникнуть и развиваться. Изслѣдованіе природы сходно съ распутываніемъ весьма запутаннаго клубка нитокъ, при чемъ счастливая случайность играетъ почти столь же важную роль, какъ ловкость и тщательное наблюденіе. Работа изслѣдователя столь же возбуждаетъ послѣдняго, какъ охотника возбуждаетъ преслѣдованіе съ большими препятствіями малознакомой дичи.

Когда хотятъ изслѣдовать зависимость какихъ-либо элементовъ, то полезно сохранять по возможности постоянными тѣ элементы, вліяніе которыхъ не подлежитъ сомнѣнію, но при изслѣдованіи ощущается какъ помѣха. Въ этомъ заключается первое и наиболѣе важное облегченіе изслѣдованія. Познаніе двойной зависимости каждаго элемента—отъ элементовъ, внутри U и внѣ U находящихся—заставляетъ насъ сначала заняться изученіемъ взаимныхъ отношеній между элементами, находящимися внѣ U, а элементы, находящіеся внутри U, сохранять какъ постоянное, т.-е. наблюдающаго субъекта оставлять при возможно одинаковыхъ условіяхъ. Разсматривая взаимную зависимость освѣщенности тѣлъ или ихъ температуръ или ихъ движеній при возможно одинаковыхъ условіяхъ одного и того же субъекта или даже различныхъ, участвующихъ въ

наблюденіи, субъектовъ, мы освобождаемъ по возможности наши познанія въ физической области отъ вліянія нашего индивидуальнаго тѣла. Дополненіемъ къ этому служитъ изслѣдованіе выступающихъ за предѣлы U и лежащихъ въ этихъ предѣлахъ зависимостей физіологическихъ и психологическихъ, при чемъ изученіе этихъ послѣднихъ въ виду того, что физическія изслѣдованія уже произведены отдѣльно, существенно уже облегчено. И это раздѣленіе изслѣдованія возникло инстинктивно, и остается только сохранить его методически, сознавъ его выгодную сторону. Изслѣдованіе природы даетъ намъ множество примѣровъ подобныхъ раздѣленій въ меньшихъ областяхъ изслѣдованія.

14. Послѣ этихъ вводныхъ замѣчаній разсмотримъ поближе руководящіе мотивы изслѣдованія природы, не претендуя, впрочемъ, на полноту въ изложеніи ихъ. Мы вообще будемъ остерегаться слишкомъ скороспѣлыхъ философскихъ обобщеній и скороспѣлой систематизаціи. Внимательно обозрѣвая область испытанія природы, мы будемъ наблюдать работу естествоиспытателя въ ея отдѣльныхъ чертахъ. Мы спрашиваемъ: какими средствами познаніе природы до настоящаго времени дѣлало дѣйствительные шаги впередъ и какими средствами оно можетъ разсчитывать развиваться и впредь? Естественно-научное отношеніе инстинктивно развилось въ практической дѣятельности, въ обычномъ мышленіи и отсюда только перенесено въ область научную, развившись въ концѣ-концовъ въ сознательную методику. Къ нашему удовольствію, намъ не будетъ надобности выходить за предѣлы эмпирически даннаго. Если мы сумѣемъ свести отдѣльныя черты въ работѣ изслѣдователя къ наблюдаемымъ въ дѣйствительности чертамъ нашей физической и психической жизни, — къ чертамъ, которыя встрѣча-

ются и въ практической жизни, въ дѣйствіяхъ и мышленіи народовъ, если мы сумѣемъ доказать, что эта работа даетъ дѣйствительно практическія и интеллектуальныя выгоды, то этого будетъ для насъ достаточно. Естественной основой этого изученія будетъ общій обзоръ нашей физической и психической жизни.

Перевелъ *Г. А. Котляръ.*

Дильтей.

Типы міровоззрѣнія и обнаруженіе ихъ въ метафизическихъ системахъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Борьба системъ.

1.

Одной изъ наиболѣе дѣйствительныхъ причинъ, не перестающихъ доставлять все новую и новую пищу скептицизму, является анархія философскихъ системъ. Основанное на свидѣтельствахъ исторіи сознаніе безпредѣльнаго многообразія этихъ системъ находится въ полномъ противорѣчіи съ притязаніемъ каждой изъ нихъ на общезначимость, и это противорѣчіе гораздо сильнѣе питаетъ духъ скептицизма, чѣмъ какая бы то ни было систематическая аргументація. Оглянемся ли мы назадъ или вокругъ себя, вездѣ мы видимъ въ хаотическомъ безпорядкѣ безпредѣльное многообразіе философскихъ системъ. И всегда, съ самаго своего зарожденія, онѣ исключали и опровергали другъ друга. И проблеска надежды не видно на побѣду той или другой изъ нихъ.

Это вліяніе борьбы философскихъ системъ, религіозныхъ воззрѣній и нравственныхъ принциповъ на ростъ скептицизма подтверждается и исторіей философіи. Борьба болѣе раннихъ греческихъ міровоззрѣній содѣйствовала усиленію философскаго скептицизма въ эпоху греческаго просвѣщенія. Когда послѣ походовъ Александра и объединенія различныхъ народовъ въ болѣе крупныя государства передъ глазами грековъ развернулась пестрая картина различныхъ нравовъ, религій, жизне-и міровоззрѣній, то стали зарождаться одна за другой скептическія школы, и ихъ разлагающее дѣйствіе вскорѣ распространилось какъ на проблемы теологіи, на проблемы зла и теодицеи, конфликта между личностью божества и его безконечностью и совершенствомъ — такъ и на допущенія относительно нравственной цѣли человѣка. Да и въ болѣе близкое къ намъ время система вѣрованій европейскихъ народовъ, какъ и философская догматика ихъ, были серьезно потрясены въ общезначимости своей, когда при дворѣ Фридриха II изъ дома Гогенштауфена столкнулись магометане со своими убѣжденіями, съ одной стороны, и христіане со своими — съ другой, и когда философія Ибнъ-Рошда (Аверроэса) и Аристотеля попала въ кругъ идей мыслителей схоластической школы. А съ тѣхъ поръ какъ древность возродилась къ новой жизни, съ тѣхъ поръ какъ греческіе и римскіе авторы были поняты въ истинныхъ своихъ мотивахъ и эпоха открытій все болѣе и болѣе раскрывала многообразіе климатовъ, народовъ и мышленія ихъ на нашей планетѣ, убѣжденія людей, казавшіяся до тѣхъ поръ твердо установившимися, поколебались до основанія. Въ настоящее время путешественники подробно описываютъ вѣрованія самаго различнаго рода, записываются и анализируются великія системы религіозныхъ и метафизическихъ воззрѣній жрецовъ Востока, древнихъ Грековъ и представителей арабской

культуры. Стоитъ намъ оглянуться назадъ, чтобы передъ нашимъ умственнымъ взоромъ открылось неизмѣримое кладбище религіозныхъ традицій метафизическихъ утвержденій, системъ съ ихъ аргументами. На протяженіи многихъ столѣтій духъ человѣческій испыталъ и провѣрилъ множество всевозможныхъ попытокъ научно обосновать, поэтически изобразить или путемъ религіи возвѣстить взаимную связь между вещами, и методическое вооруженное ножомъ критики историческое изысканіе изслѣдуетъ каждый обломокъ, каждый слѣдъ этой многовѣковой работы человѣчества. Одна система исключаетъ другую, одна другую опровергаетъ и ни одна не въ состояніи доказать свою непогрѣшимость. Въ свидѣтельствахъ исторіи философіи вы не найдете и слѣда той мирной бесѣды, которая изображена у Рафаэля въ его „Школѣ въ Аѳинахъ“, явившейся выраженіемъ эклектической тенденціи того времени. Такъ все рѣзче и рѣзче обозначалось противорѣчіе между все возрастающимъ историческимъ сознаніемъ съ одной стороны и притязаніями философскихъ системъ на общезначимость — съ другой, все большіе и большіе круги стали привлекать къ себѣ вновь возникающія философскія системы, какова бы ни была публика, которую привлекала къ себѣ та или другая система, и насколько прочно она ни овладѣвала бы ея симпатіями.

2.

Еще глубже, однако, чѣмъ скептическіе выводы изъ противорѣчивыхъ мнѣній человѣческихъ, проникаютъ сомнѣнія, вытекающія изъ прогрессивнаго развитія историческаго сознанія. Преобладающей предпосылкой историческаго мышленія грековъ и римлянъ былъ законченный типъ человѣка съ опредѣленнымъ содержаніемъ. Тотъ же типъ былъ положенъ въ основу христіанскаго

ученія о первомъ и второмъ Адамѣ, о Сынѣ Человѣческомъ. Та же предпосылка легла еще въ основу естественной системы XVII столѣтія. Система эта открыла въ христіанствѣ абстрактный долговѣчный образецъ религіи—естественную теологію. Она выводила естественное ученіе о правѣ изъ римской юриспруденціи и изъ произведеній греческаго искусства — образецъ вкуса. Такъ, согласно этой естественной системѣ, во всѣхъ историческихъ различіяхъ содержались постоянныя и общія основныя формы соціальнаго и правоваго порядка, религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ воззрѣній. Этотъ методъ — выводить путемъ сравненія историческихъ формъ жизни нѣчто общее, изъ многообразія нравовъ, юридическихъ нормъ и теологій, выводить естественное право, естественную теологію и мораль, основанную на разумѣ, при помощи понятія высшаго типа ихъ — методъ, начало котораго восходитъ къ Гиппію, который мы находимъ у стоиковъ и затѣмъ позднѣе въ мышленіи римлянъ, владѣлъ еще умами и въ эпоху конструктивной философіи. Первый ударъ нанесъ этой естественной системѣ аналитическій духъ XVIII столѣтія. Родиной его была Англія, гдѣ возможность свободно обозрѣть варварскія и чуждыя формы жизни, нравовъ и формъ мышленія встрѣтилась съ эмпирическими теоріями и примѣненіемъ аналитическаго метода къ теоріи познанія, морали и эстетикѣ. Вольтеръ и Монтескье перенесли этотъ духъ во Францію. Юмъ и D'Аламберъ, Кондильякъ и Дестютъ де Траси видѣли въ пучкѣ инстинктовъ и ассоціацій, какимъ они считали человѣка, безпредѣльныя возможности создавать самыя разнообразныя формы при наличности многообразія климата, нравовъ и воспитанія. Классическимъ выраженіемъ этой исторической точки зрѣнія были „Естественная Исторія Религіи“ Юма, какъ и его „Діалоги о естественной религіи“. Изъ работъ же этого XVIII столѣтія выдѣлилась

уже идея о развитіи, которой суждено было владѣть умами въ XIX столѣтіи. Отъ Бюффона до Канта и Ламарка была усвоена идея о развитіи земли, идея смѣны на ней различныхъ живыхъ формъ. Съ другой стороны создавшія эпоху работы значительно подвинули впередъ изученіе культурныхъ народовъ, и въ этихъ работахъ, начиная отъ Винкельмана, Лессинга и Гердера, примѣняется идея развитія. Наконецъ, въ изученіи народовъ нецивилизованныхъ было найдено промежуточное звено, связующее эволюціонное ученіе естествознанія съ тѣми познаніями историко-генетическаго развитія, которыя покоились на изученіи государственной жизни, религіи, права, нравовъ, языка, поэзіи и литературы различныхъ народовъ. Такимъ образомъ точка зрѣнія историко-генетическая могла быть уже проведена въ изученіи всего естественнаго и историческаго развитія человѣка, и въ этомъ процессѣ развитія растворился абстрактный типъ человѣка.

Ученіе о развитіи, возникшее такимъ образомъ, по необходимости связано съ познаніемъ относительности всякой исторической формы жизни. Передъ взоромъ, охватывающимъ весь земной шаръ и все прошедшее, исчезаетъ абсолютное значеніе какой бы то ни было отдѣльной формы жизни, государственнаго устройства, религіи или философіи. Такъ развитіе историческаго сознанія еще основательнѣе разрушаетъ, чѣмъ картина борьбы философскихъ системъ, вѣру въ общезначимость всѣхъ философскихъ системъ съ ихъ попытками втиснуть изображеніе связи вещей въ мірѣ въ стройную систему понятій. Не въ мірѣ, а въ человѣкѣ философія должна искать внутреннюю связь своихъ познаній. Жизнь, проживаемую людьми — вотъ что желаетъ понять современный человѣкъ. Но очевидно, что многообразіе системъ, стремившихся постигнуть связь вещей въ мірѣ, находится въ неразрывной связи съ жизнью;

оно представляетъ собой одно изъ важнѣйшихъ и наиболѣе поучительныхъ твореній ея. Такимъ образомъ то самое развитіе историческаго сознанія, которое нанесло столь разрушительный ударъ великимъ философскимъ системамъ, поможетъ намъ разрѣшить рѣзкое противорѣчіе, которое существуетъ между притязаніями на общезначимость всякой философской системы съ одной стороны и исторической анархіей этихъ системъ — съ другой.

I.

Жизнь и міровоззрѣніе.

1.

Жизнь.

Послѣдній корень міровоззрѣнія—жизнь. Распространенная по земному шару въ безчисленномъ множествѣ отдѣльныхъ замкнутыхъ круговъ жизни, вновь переживаемая въ каждомъ индивидуумѣ, недоступная наблюденію, какъ одно лишь мгновеніе современности, а потому и сохраняемая въ слѣдующихъ за этимъ мгновеніемъ воспоминаніяхъ, полнѣе постигаемая во всей своей глубинѣ послѣ того, какъ она объективировалась въ своихъ проявленіяхъ, чѣмъ при каждомъ констатированіи и усвоеніи собственнаго переживанія—жизнь намъ знакома въ безчисленныхъ формахъ и тѣмъ не менѣе обнаруживаетъ всегда однѣ и тѣ-же общія черты. Изъ различныхъ ея формъ я выдвину о д н у. Я ничего здѣсь не объясняю, ничего не расчленяю, я описываю только факты, которые каждый можетъ наблюдать на себѣ самомъ. Всякое мышленіе, всякое дѣйствіе, внутреннее или внѣшнее, проявляется и выступаетъ впередъ острой своей стороной. Но я переживаю также и состояніе внутренняго покоя; грежу-ли я, играю, разсѣиваюсь, охваченъ созерцаніемъ или слабымъ возбужденіемъ это внутреннее состояніе покоя является какъбы фономъ жизни. Въ этомъ состояніи я отношусь къ

другимъ людямъ и вещамъ не только какъ къ реальностямъ, находящимся въ причинной связи какъ со мной, такъ и между собой: жизненныя отношенія исходятъ изъ меня по всѣмъ направленіямъ, у меня есть извѣстныя отношенія къ вещамъ и людямъ, извѣстная позиція по отношенію къ нимъ, я исполняю ихъ требованія по отношенію ко мнѣ и ожидаю чего-то отъ нихъ. Одни содѣйствуютъ моему счастью, дѣлаютъ мое бытіе шире, усиливаютъ меня, а другіе производятъ на меня давленіе и ограничиваютъ меня. И при опредѣленности того или другого движенія впередъ въ извѣстномъ направленіи человѣкъ всегда замѣчаетъ и чувствуетъ эти соотношенія. Другъ—для него сила, возвышающая собственное его существованіе, каждый членъ семьи занимаетъ опредѣленное мѣсто въ его жизни, и все, что его окружаетъ, онъ понимаетъ, какъ жизнь и духъ, которые въ этомъ окружающемъ объективировались. Скамья у двери его жилища, тѣнистое дерево, домъ и садъ получаетъ все свое значеніе и силу въ этой объективности. Такъ жизнь каждаго индивидуума творитъ сама изъ себя свой собственный міръ.

2.

Жизненный опытъ.

Изъ размышленій надъ жизнью возникаетъ жизненный опытъ. Отдѣльныя событія, возникающія изъ столкновенія нашихъ инстинктовъ и чувствъ въ насъ съ окружающимъ и судьбой внѣ насъ, обобщаются въ въ этомъ опытѣ въ знанія. Какъ человѣческая природа остается всегда одной и той же, такъ и основныя черты жизненнаго опыта представляютъ собой нѣчто общее всѣмъ. Мимолетность дѣлъ людскихъ и среди нихъ наша способность насладиться выпавшимъ на

долю хорошимъ часомъ; въ сильныхъ или также въ ограниченныхъ натурахъ способность преодолѣть эту мимолетность, подводя твердый фундаментъ подъ свое существованіе, а въ болѣе мягкихъ или обуреваемыхъ сомнѣніями натурахъ, недовольство этимъ и страстное стремленіе къ дѣйствительно вѣчному въ какомъ то невидимомъ мірѣ; побѣдоносная мощь страстей, создающихъ, подобно сновидѣнію, рядъ фантастическихъ картинъ, пока въ нихъ нерастворяется иллюзія: вотъ какъ различенъ жизненный опытъ у различныхъ индивидуумовъ. Общая подпочва у всѣхъ ихъ—воззрѣнія о силѣ случая, о непрочности всего, что у насъ есть, что мы любимъ или ненавидимъ и боимся, о постоянной угрозѣ смерти, всесильно опредѣляющей для каждаго изъ насъ значеніе и смыслъ жизни.

Въ неразрывно связанной цѣпи индивидуумовъ возникаетъ общій жизненный опытъ. Регулярное повтореніе отдѣльныхъ опытовъ въ смѣнѣ людей приводитъ къ ряду опредѣленныхъ выраженій, которыя съ теченіемъ времени становятся всѣ болѣе и болѣе точными и опредѣленными. Опредѣленность эта основывается на всемъ возрастающемъ числѣ случаевъ, изъ которыхъ мы выводимъ свои заключенія, на подведеніи этихъ случаевъ подъ существующія обобщенія и на постоянной провѣркѣ. Эти выводы изъ жизненнаго опыта дѣйствуютъ на насъ даже тамъ, гдѣ они не доходятъ вполнѣ ясно до нашего сознанія. Опытъ жизни лежитъ въ основѣ всего того, что мы называемъ обычаемъ, традиціей. Но во всѣхъ положеніяхъ жизненнаго опыта, какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и общаго значенія, характеръ достовѣрности ихъ, какъ характеръ ихъ формулировки совершенно отличается отъ общезначимыхъ научныхъ знаній. Научное мышленіе можетъ провѣрить свои разсужденія, на которыхъ зиждется правильность конечнаго вывода; оно можетъ точно формулировать и

обосновать свои положенія. Другое дѣло—наше знаніе жизни: оно не можетъ быть провѣрено, и точныя формулы здѣсь невозможны.

Къ этому жизненному опыту относится также и та строго опредѣленная система отношеній, въ которой наше *Я* связано съ другими людьми и предметами внѣшняго міра. Реальность этого *Я*, этихъ другихъ людей и окружающихъ насъ вещей, какъ и закономѣрныя отношенія между ними, образуютъ основы жизненнаго опыта и образующагося въ немъ эмпирическаго сознанія. Наше *Я*, другіе люди и окружающія насъ вещи могутъ разсматриваться какъ факторы эмпирическаго сознанія, и взаимоотношенія между этими факторами образуютъ основу этого сознанія. И что бы ни предпринимало философское мышленіе, какъ бы оно ни старалось отвлечься отъ тѣхъ или другихъ отдѣльныхъ факторовъ или отношеній между ними, они все же остаются опредѣляющими предпосылками самой жизни, не разрушимые какъ сама жизнь и недоступные измѣненію со стороны мышленія, такъ какъ корни ихъ заложены въ жизненномъ опытѣ безчисленнаго множества поколѣній. Среди этихъ проявленій жизненнаго опыта, лежащихъ въ основѣ реальности внѣшняго міра и моихъ отношеній къ нему, самыми важными являются тѣ, которыя ограничиваютъ меня, производятъ на меня давленіе, котораго я отстранить не могу, которыя неожиданнымъ и безповоротнымъ образомъ стѣсняютъ меня въ моихъ намѣреніяхъ. Совокупность моихъ индукцій, моихъ знаній покоится на этихъ предпосылкахъ, основывающихся въ свою очередь на эмпирическомъ сознаніи.

3.

Загадка жизни.

Передъ мышленіемъ, вниманіе котораго направлено на общее и цѣлое, выступаетъ изъ смѣняющихся данныхъ опыта жизни полный противорѣчія образъ самой жизни: жизненность и вмѣстѣ съ тѣмъ закономѣрность, разумъ и произволъ: въ отдѣльныхъ частяхъ можетъ быть и что то ясное, но въ цѣломъ нѣчто совершенно загадочное. Душа жаждетъ объединить эти жизненныя отношенія и основанный на нихъ опытъ въ одно стройное цѣлое, но достичь этого не въ состояніи. Средоточіе всего непонятнаго составляютъ рожденіе, развитіе и смерть. Живой знаетъ о смерти и все же не въ состояніи ее понять. Съ перваго взгляда на мертвеца смерть непостижима для жизни и именно на этомъ основывается прежде всего наше отношеніе къ міру, какъ чему то другому, чужеродному и страшному. Такъ фактъ смерти является принудительнымъ стимуломъ къ фантастическимъ представленіямъ, которыя должны сдѣлать этотъ фактъ понятнымъ. Вѣра въ мертвыхъ, почитаніе предковъ, культъ покойниковъ создаютъ основныя представленія религіознаго вѣрованія и метафизики. И чуждость жизни возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ человѣкъ знакомится съ постоянной существующей въ обществѣ и природѣ борьбой съ постояннымъ уничтоженіемъ одного живого существа другимъ и съ жестокостью того, что происходитъ въ природѣ. Одни за другими передъ его умственнымъ взоромъ возникаютъ все болѣе и болѣе странныя противорѣчія и эти противорѣчія въ опытѣ жизни все сильнѣе и сильнѣе доходятъ до сознанія и никогда человѣкъ ненаходитъ разрѣшенія имъ: мимолетность всего существующаго въ мірѣ и воля въ насъ къ вѣчному, мощь

природы, и самостоятельность нашей воли, ограниченность всякой вещи во времени и пространствѣ и наша способность переступать всякія границы. Эти загадки занимали жрецовъ Египта и Вавилонянъ въ такой же мѣрѣ какъ въ настоящее время христіанское духовенство, Гераклита и Гегеля, Прометея Эсхила и Фауста Гете.

4.

Законъ образованія міровоззрѣній.

Каждое сильное впечатлѣніе показываетъ человѣку жизнь со своей особой стороны; міръ представляется тогда въ новомъ освѣщеніи. Переживанія этого рода повторяются и вступаютъ между собой въ связь и тогда возникаетъ то, что мы называемъ нашимъ настроеніемъ, нашимъ отношеніемъ къ жизни. Вся жизнь получаетъ окраску и истолкованіе съ точки зрѣнія одного какого либо жизненнаго отношенія въ душахъ аффективныхъ или объятыхъ сомнѣніями и тогда возникаютъ универсальныя настроенія. Эти настроенія мѣняются по мѣрѣ того, какъ жизнь показываетъ человѣку все новыя и новыя свои стороны. Однако у различныхъ индивидуумовъ преобладаютъ свои опредѣленныя настроенія, соотвѣтствующія ихъ индивидуальности. Одни прилѣпились къ осязательнымъ, чувственнымъ вещамъ и живутъ, наслаждаясь сегодняшнимъ днемъ; другіе среди случайностей и превратностей судьбы преслѣдуютъ свои великія цѣли, придающія смыслъ ихъ существованію. Есть натуры тяжелыя, которыя не могутъ примириться съ бренностью того, что имъ дорого; жизнь при такихъ условіяхъ кажется имъ лишенной всякаго значенія, полной пустяковъ и иллюзій. Они стремятся къ чему-то болѣе

долговѣчному за предѣлами этой земли. Среди великихъ жизненныхъ настроеній самыми широкими и многообъемлющими являются оптимизмъ и пессимизмъ. Въ нихъ однако различаютъ еще разнообразные оттѣнки. Такъ человѣку, разсматривающему міръ, какъ посторонній зритель—этотъ міръ кажется чѣмъ то чуждымъ, какимъ-то пестрымъ, постоянно смѣняющимся зрѣлищемъ. Человѣку-же, проходящему свой жизненный путь во всеоружіи стройнаго плана жизни, тотъ же міръ кажется чѣмъ то роднымъ, близкимъ: онъ стоитъ твердыми ногами на землѣ, составляя съ этимъ міромъ одно неразрывное цѣлое.

Эти настроенія, это безчисленное множество оттѣнковъ въ отношеніи людей къ міру, образуютъ подпочву, развивающихся на ихъ основѣ міровоззрѣній. Здѣсь на основѣ жизненнаго опыта, обусловленнаго многообразными жизненными отношеніями индивидуумовъ къ міру, предпринимаются и осуществляются попытки разрѣшенія загадки жизни. Именно въ міровоззрѣніяхъ въ болѣе высокихъ формахъ, особенно часто примѣняется одинъ методъ — объясненіе нѣкотораго непонятнаго даннаго, при помощи даннаго болѣе яснаго. Ясное становится средствомъ пониманія и объясненія непонятнаго. Наука производитъ анализъ и затѣмъ устанавливаетъ общія отношенія между изолированными такимъ образомъ однородными группами фактовъ; религія, поэзія и первобытная метафизика выражаютъ значеніе и смыслъ цѣлаго. Первая, (т. е. наука) изучаетъ, познаетъ, а эти послѣднія—понимаютъ. Такое истолкованіе міра, которое многообразную сущность его объясняетъ при помощи болѣе простой, начинается уже въ языкѣ. Оно развивается далѣе въ метафорѣ, въ видѣ замѣны одного воззрѣнія другимъ, родственнымъ ему и въ томъ или другомъ смыслѣ разъясняющимъ его, въ олицетвореніи, въ которомъ разъясненіе до-

стигается посредствомъ уподобленія человѣку, или въ заключеніяхъ по аналогіи, въ которыхъ менѣе знакомое опредѣляется на основаніи родства его со знакомымъ, дѣлаясь такимъ образомъ болѣе доступнымъ научному мышленію. Вездѣ, гдѣ религія, мифъ поэзіи или первобытная метафизика пытаются произвести что либо понятное, находитъ примѣненіе именно этотъ методъ.

5.

Строеніе міровоззрѣнія.

Всѣ міровоззрѣнія, разъ они пытаются дать полное разрѣшеніе загадки жизни, обнаруживаютъ обыкновенно одно и тоже строеніе. Они представляютъ тогда одну стройную систему, въ которой на основѣ одной картины міра рѣшаются вопросы о значеніи и смыслѣ міра, и отсюда выводится идеалъ—высшее благо, основные принципы жизни. Система эта опредѣляется психической закономѣрностью, по которой концепція дѣйствительности кладется въ основу дѣленія состоянія и вещей на пріятныя и непріятныя, вызывающія удовольствіе и неудовольствіе, достойныя одобренія или порицанія, а такая оцѣнка жизни является въ свою очередь основой, опредѣляющей нашу волю. Таковы эти три состоянія сознанія, черезъ которыя проходитъ психическая жизнь и самая характерная черта ея заключается въ томъ, что въ этомъ взаимодѣйствіи самый глубокій дѣйствующій слой не исчезаетъ: тѣ отношенія, на основаніи которыхъ я сужу о вещахъ, получаю отъ нихъ удовольствія и склоненъ что нибудь сдѣлать надъ ними, опредѣляютъ характеръ верхнихъ слоевъ, создавая ту систему, въ которой находитъ свое выраженіе все взаимодѣйствіе нашей душевной жизни. Эта связь—данная

ситуація, данная смѣна чувствованій и часто вытекающее отсюда желаніе, стремленіе, дѣйствіе—въ наиболѣе простой формѣ находитъ свое выраженіе въ лирическомъ стихотвореніи. Всякое проявленіе жизни развивается въ одно цѣлое, въ которомъ структурно связаны одни и тѣ же отношенія къ міру. Такъ и міровоззрѣнія представляютъ собой правильныя системы, въ которыхъ проявляется это строеніе нашей душевной жизни. Основа ихъ есть всегда нѣкоторая картина міра, которая является въ результатѣ закономѣрной послѣдовательной работѣ нашего познанія. Мы наблюдаемъ внутренніе процессы и предметы внѣшняго міра. Образующіяся такимъ образомъ воспріятія мы выясняемъ себѣ, выдѣляя въ нихъ при посредствѣ элементарныхъ мыслительныхъ процессовъ основныя соотношенія дѣйствительнаго. Когда воспріятія кончаются, они отражаются и систематизируются въ мірѣ нашихъ представленій, которыя возвышаютъ насъ надъ случайностью воспріятія. Усиливающаяся на этихъ ступеняхъ твердость и свобода нашего духа, его господство надъ дѣйствительностью, находитъ затѣмъ свое завершеніе въ царствѣ сужденій и понятій, гдѣ связь и сущность дѣйствительнаго постигаются общезначимымъ образомъ. Когда міровоззрѣніе достигаетъ полнаго своего развитія, то это происходитъ обыкновенно прежде всего на этихъ ступеняхъ познанія дѣйствительности. Но надъ этимъ міровоззрѣніемъ строится затѣмъ другая типическая дѣятельность, въ аналогичной закономѣрной послѣдовательности. Чувствуя собственное свое я, мы наслаждаемся цѣнностью нашего бытія; мы приписываемъ окружающимъ насъ вещамъ и лицамъ извѣстное значеніе и дѣйствіе потому, что они возвышаютъ и расширяютъ наше бытіе: мы опредѣляемъ всѣ эти цѣнности по способности этихъ вещей приносить намъ пользу или вредъ; мы производимъ имъ оцѣнку и для этой по-

слѣдней ищемъ какой нибудь безусловный масштабъ. Такимъ образомъ состоянія, лица и вещи получаютъ извѣстное значеніе въ отношеніи къ цѣлому всей дѣйствительности, да и само это цѣлое получаетъ извѣстный смыслъ. По мѣрѣ того какъ протекаютъ эти этапы въ жизни нашихъ чувствъ, постепенно наростаетъ второй слой въ структурѣ нашего міровоззрѣнія: картина міра становится основой въ оцѣнкѣ жизни и пониманіи міра. И въ такой же закономѣрности душевной жизни выростаетъ изъ оцѣнки жизни и пониманія міра высшее состояніе сознанія: идеалы, высшее благо и высшіе принципы, впервые придающіе міровоззрѣнію практическую энергію, своего рода остріе, съ помощью котораго оно внѣдряется въ человѣческую жизнь, во внѣшній міръ и въ глубину самой души. Тогда міровоззрѣніе становится созидающимъ, реформирующимъ. Развитіе и этого высшаго слоя міровоззрѣнія протекаетъ черезъ различныя ступени. Изъ стремленія, тенденціи развиваются болѣе прочныя, болѣе длительныя заданія, направленныя къ реализаціи какого нибудь представленія; развивается отношеніе цѣлей и средствъ, выборъ цѣлей и выборъ средствъ и наконецъ обобщеніе всѣхъ заданій, всѣхъ цѣлей въ одинъ высшій порядокъ нашего практическаго поведенія, въ одинъ обширный планъ жизни, одно высшее благо, въ высшія нормы поведенія, въ идеалъ личной жизни и организаціи общества.

Такова структура міровоззрѣнія. То, что въ загадкѣ жизни представлялось спутаннымъ, какимъ то безпорядочнымъ клубкомъ задачъ, превращается здѣсь въ сознательную и необходимую связь проблемъ и рѣшеніе ихъ; этотъ процессъ развитія проходитъ черезъ ступени, опредѣленныя съ внутренней закономѣрностью; отсюда слѣдуетъ, что всякому міровоззрѣнію присущъ свой процессъ развитія, въ которомъ достигается выясненіе

его содержанія; такимъ образомъ оно становится долговѣчнымъ, устойчивымъ и сильнымъ, постепенно съ теченіемъ времени: міровоззрѣніе есть твореніе исторіи.

6.

Многообразіе міровоззрѣній.

Міровоззрѣнія развиваются при различныхъ условіяхъ. Климатъ, расы, націи, созданныя исторіей и тѣмъ или другимъ государственнымъ порядкомъ, обусловленныя временемъ дѣленія на эпохи и вѣка, въ которые живутъ націи, оказывая вліяніе другъ на друга,—вотъ спеціальныя условія, вліяющія на многообразіе міровоззрѣній. Жизнь, возникающая при столь спеціальныхъ условіяхъ, оказывается весьма разнородной, и столь же разнороденъ и самъ человѣкъ, создающій себѣ представленіе о жизни. И къ этимъ типическимъ различіямъ присоединяются еще различія отдѣльныхъ индивидуальностей ихъ среды и ихъ жизненнаго опыта. Какъ на всемъ земномъ шарѣ живетъ безчисленное множество формъ живыхъ существъ, между которыми происходитъ постоянная борьба за существованіе и за просторъ для распространенія, такъ и въ мірѣ людей развиваются различныя формы міровоззрѣній, вступающія въ борьбу между собой за власть надъ душой.

И здѣсь замѣчается одна закономѣрность: подавленная непрерывной смѣной впечатлѣній, превратностями судьбы и силой внѣшняго міра, душа должна стремиться къ внутренней устойчивости, чтобы быть въ силахъ всему этому противостать, и вотъ отъ смѣны непостоянства, текучести, такъ сказать, своего содержанія, своихъ міровоззрѣній она обращается къ болѣе долговѣчнымъ оцѣнкамъ жизни и твердо поставленнымъ цѣлямъ. Міровоззрѣнія содѣйствующія пониманію жизни, ведущія къ полезнымъ цѣлямъ, сохраняются въ борьбѣ,

вытѣсняя болѣе слабыя въ этомъ отношеніи. Такъ происходитъ отборъ міровоззрѣній. И въ смѣнѣ поколѣній жизнеспособныя міровоззрѣнія развиваются, становясь все совершеннѣе. Какъ въ многообразіи органическихъ живыхъ существъ сохраняется одна и та же структура, такъ и міровоззрѣнія развиваются по одной и той же схемѣ.

Глубочайшая тайна ихъ спеціализаціи заключается въ той правильности, которую телеологическая связь душевной жизни навязываетъ особой структурѣ міровоззрѣній.

Среди кажущейся случайности этихъ міровоззрѣній существуетъ въ каждомъ изъ нихъ извѣстная связь цѣлей, вытекающая изъ взаимной зависимости вопросовъ, содержащихся въ загадкѣ жизни и въ особенности изъ постояннаго отношенія существующаго между картиной міра, оцѣнкой жизни и цѣлями, которыя ставитъ себѣ воля. Одна общая человѣческая натура и извѣстный порядокъ индивидуаціи находится въ твердо установленныхъ жизненныхъ отношеніяхъ къ дѣйствительности, а эта послѣдняя остается всегда одной и той же, жизнь показываетъ всегда однѣ и тѣ же стороны.

И вотъ въ эту правильность структуры міровоззрѣній и ея диференціаціи на отдѣльныя формы вступаетъ непредвидѣнный моментъ.— измѣненіе жизни, смѣна эпохъ измѣненія въ наукѣ, геній націй и отдѣльнаго человѣка. Вслѣдствіе этого непрестанно мѣняется интересъ проблемы, сила извѣстныхъ идей, вырастающихъ изъ исторической жизни и властвующихъ надъ ней. Въ зависимости отъ историческаго мѣста, которое они занимаютъ, въ міровоззрѣніяхъ возникаютъ все новыя и новыя комбинаціи жизненнаго опыта настроеній идей— комбинаціи, неправильныя по своимъ составнымъ частямъ и по ихъ силѣ и значенію въ цѣломъ. Тѣмъ не менѣе они по закономѣрности въ глубинахъ структуры и по логической правильности не аггрегаты, а цѣльныя, стройныя образованія.

Далѣе, если эти образованія сравнить, оказывается, что они распредѣляются въ группы, между которыми существуетъ извѣстная родственная связь. Какъ сравнительный методъ устанавливаетъ извѣстные типы языковъ, религій, государствъ, извѣстныя линіи развитія ихъ и порядокъ ихъ превращеній, такъ можно аналогичнымъ методомъ установить то же самое и въ міровоззрѣніяхъ. Эти типы наблюдаются въ исторически-обусловленной единичности отдѣльныхъ образованій. Они вездѣ обусловлены своеобразіемъ области, въ которой они зарождаются. Но если конструктивный методъ выводилъ ихъ изъ этого своеобразія, то это было тяжкимъ заблужденіемъ. Только сравнительно историческій методъ можетъ приблизиться къ рѣшенію задачи установленія такихъ типовъ, выясненія ихъ измѣненій, развитія, скрещиванія. Достигнутые результаты не должны однако преграждать путь дальнѣйшему развитію. Всякое установленіе такихъ типовъ носитъ лишь временный характеръ. Это — только вспомогательное средство смотрѣть исторически глубже. И съ сравнительно историческимъ методомъ связана всегда подготовка послѣдняго путемъ систематическаго изученія и интерпретаціи историческихъ данныхъ съ точки зрѣнія этого изученія. И это психологическое и исторически-систематическое истолкованіе исторіи не свободно отъ ошибокъ конструктивнаго мышленія, склоннаго во всякой области систематизаціи исходить изъ какого нибудь простого отношенія, какъ изъ своего рода господствующаго въ ней импульса къ развитію.

Резюмирую все вышесказанное въ одномъ общемъ положеніи, подтверждаемомъ во всякомъ пунктѣ сравнительно-историческимъ методомъ. Міровоззрѣнія не являются созданіемъ мышленія. Они не являются въ результатѣ одной лишь воли познанія. Постиженіе дѣйствительности есть важный моментъ въ ихъ образованіи,

но только одинъ изъ моментовъ. Они являются въ результатѣ занятой въ жизни позиціи, жизненнаго опыта всей структуры нашего психическаго цѣлаго. Возвышеніе жизни до сознанія въ познаніи дѣйствительности, оцѣнка жизни и работа—вотъ та есть медленная и трудная работа, которую совершило человѣчество въ развитіи жизневоззрѣній.

Это основное положеніе ученія о міровоззрѣніи находитъ свое подтвержденіе, если разсматривать весь ходъ исторіи въ цѣломъ.

Тогда же находитъ свое подтвержденіе одинъ важный выводъ изъ нашего положенія—выводъ, который приводитъ насъ къ исходному пункту настоящей статьи. Развитіе міровоззрѣній опредѣляется волей къ устойчивости картины міра, оцѣнки жизни, работѣ воли, вытекающей изъ описаннаго ряда ступеней психическаго развитія. Религія, какъ и философія стремится къ устойчивости, къ силѣ вліянія, къ господству, къ общеобязательности. Но человѣчество на этомъ пути не подвинулось ни на шагъ впередъ. Борьба міровоззрѣній между собой ни въ одномъ основномъ пунктѣ не увѣнчалась побѣдой одного изъ нихъ. Исторія производитъ изъ нихъ отборъ, но великіе типы ихъ сохранили всю свою силу, недоказуемые и неразрушимые. Они не могутъ быть обязаны своимъ происхожденіемъ тому или другому доказательству, ибо никакое доказательство разрушить ихъ не можетъ. Отдѣльныя ступени и спеціальныя формы того или другого типа опровергаются, но корень ихъ въ жизни сохраняется и продолжаетъ вліять и вызывать къ жизни все новыя и новыя образованія.

Перевелъ ***Г. А. Котляръ.***

II.

Типы міровоззрѣнія въ религіи, поэзіи и литературѣ.

Прежде всего я укажу на различія міровоззрѣнія, обусловленныя различіемъ тѣхъ областей культуры, которыя ихъ создаютъ.

Основаніемъ культуры являются хозяйство, формы общенія людей, право и государство. Въ нихъ всюду господствуетъ раздѣленіе труда, въ силу котораго каждый индивидуумъ въ сферѣ своей исторической дѣятельности осуществляетъ опредѣленную трудовую цѣнность. Воля подчинена ограниченной задачѣ, которую ставитъ цѣлеполагающее единство данной культурной области. Наука, познаніе, даетъ возможность внести въ это практическое строительство жизни начало разумнаго порядка. Она, наука, находится въ тѣснѣйшей связи съ практикой жизни, и такъ какъ и она подчинена закону раздѣленія труда, то каждый изслѣдователь ограничиваетъ свою задачу опредѣленной областью познанія и даже опредѣленнымъ мѣстомъ въ ней. Даже философія въ нѣкоторыхъ своихъ проявленіяхъ подчинена раздѣленію труда. Только религіозный геній, поэтъ и метафизикъ творятъ въ той области, которая освобождаетъ отъ ига общества, отъ ограниченности задачъ, отъ рамокъ, предуказывающихъ каждой исторической эпохѣ предѣлъ достижимаго. Всякое ограниченіе вноситъ ложь въ жизнепониманіе генія, который долженъ, какъ власть имущій, свободно противостоять жизни. Геній утрачиваетъ правдивость, ограничивая себя соображеніями временнаго—какой либо тенденціей. Въ этомъ царствѣ свободы создаются и развиваются могучія и цѣнныя міровоззрѣнія.

Но эти міровоззрѣнія различны у религіознаго генія, у генія художественнаго и у метафизика, какъ по своей структурѣ, своему типу, такъ и по закону своего возникновенія.

1.

Религіозное міровоззрѣніе.

Источникомъ религіозныхъ міровоззрѣній является изначальная судьба человѣка. За предѣлами того, что́ первобытный человѣкъ, воинъ, охотникъ, земледѣлецъ или землевладѣлецъ, осилилъ, научившись осмысленнымъ приложеніямъ силы вызывать во внѣшнемъ мірѣ опредѣленныя измѣненія, за предѣлами этого находится область недоступнаго его воздѣйствію, непостижимаго его уму. Но ему кажется, что тотъ міръ воздѣйствуетъ на него, посылая счастливый ловъ, успѣхъ въ сраженіяхъ, богатую жатву; и въ болѣзни, въ безуміи, въ старости, смерти, утратѣ жены, дѣтей, въ падежѣ скота,—онъ ощущаетъ надъ собою власть чего то неизвѣстнаго: возникаютъ особые пріемы вліять на это непостижимое, неодолимое физической силой,—молитва, дары и подчиненіе. Человѣкъ хотѣлъ бы проникнуться силой этихъ высшихъ существъ, стать съ ними въ добрыя отношенія, заключить съ ними союзъ. Изъ дѣйствій, направленныхъ къ этой цѣли, слагается первоначальный культъ. Возникаетъ ремесло волшебника, знахаря, священнослужителя; и по мѣрѣ того, какъ образуется особая каста, въ ней накопляются пріемы, опытъ, знаніе, создается особый укладъ жизни, который отдѣляетъ ее отъ остальныхъ членовъ общества. Такъ возникаетъ въ замкнутомъ кругу племени или рода традиція жизненнаго опыта, добытаго въ общеніи съ высшими существами, и жизненнаго уклада, образую-

щая основу религіи и культа; отъ волшебства первоначальнаго ритуала эта религія суевѣрія постепенно доходитъ до созданія формъ, въ которыхъ чувство и воля человѣка подчиняются посредствомъ внутренней дисциплины волѣ Бога. Неизбѣжное повтореніе рожденія, смерти, болѣзни, сновидѣнія, безумія, благодѣтельнаго и злого вмѣшательства въ человѣческую жизнь демоническихъ силъ, своеобразное сплетеніе въ природѣ порядка, говорящаго о цѣлеполагающемъ творцѣ, и случая, разрушенія и раздора,—все это создаетъ первыя религіозныя представленія. Второе я въ человѣкѣ, божественныя силы въ небѣ, солнце, звѣзды, духи лѣсовъ, болотъ и водъ—эти естественно возникшія представленія являются исходной точкой для созданія міра фантазіи, вызваннаго чувствомъ и получающаго обильную пищу въ религіозномъ опытѣ. Воздѣйствіе незримаго—вотъ основная категорія элементарной религіозной жизни. Мысль строитъ изъ религіозныхъ идей ученія о происхожденіи міра и человѣка, о душѣ и ея родинѣ.

Итакъ, сила, источникъ которой въ сверхчувственномъ, придаетъ религіозное значеніе людямъ и вещамъ. Эти люди и вещи доступны чувству, видимы, разрушимы, ограничены, и все-же въ нихъ проявляется сила добраго или злого божества. Міръ наполненъ отдѣльными, конечными вещами и людьми, которые имѣютъ какое-то отношеніе къ незримому, благодаря которому имъ присуща скрытая сила этого незримаго. Это отношеніе къ сверхчувственному признается за священными мѣстами, святыми, изображеніями боговъ, символами, таинствами: въ религіи оно означаетъ то же, что символъ въ искусствѣ и понятіе въ метафизикѣ. Въ религіи традиція обладаетъ совершенно исключительной властью именно въ силу того, что происхожденіе ея окружено тайной и мракомъ.

Вотъ основа всего дальнѣйшаго религіознаго раз-

витія. На низшихъ ступеняхъ преобладаетъ духъ общины, но зато дальнѣйшее развитіе отмѣчено творчествомъ генія, въ мистеріяхъ, въ отшельничествѣ, въ пророчествѣ. Религіозный геній замѣняетъ отдѣльные разрозненные моменты отношенія между человѣкомъ и высшими существами внутреннимъ сліяніемъ съ незримымъ. Эта концентрація религіознаго опыта созидаетъ изъ религіозныхъ идей религіозныя міровоззрѣнія, сущность которыхъ заключается въ томъ, что отношеніе къ незримому опредѣляетъ собою пониманіе дѣйствительности, оцѣнку жизни и практическіе идеалы. Они находятъ выраженіе въ образахъ и въ вѣроученіяхъ; основаніемъ они имѣютъ укладъ жизни. Они развиваются въ молитвѣ и въ религіозномъ созерцаніи (Meditation).

Всѣ эти религіозныя міровоззрѣнія съ самаго начала заключаютъ въ себѣ противоположеніе добрыхъ и злыхъ существъ, чувственнаго существованія и высшаго міра.

Участіе мірового разума въ жизни природы и въ укладѣ жизни; всеединство духа, какъ истина, цѣнность и связь всего раздѣльнаго, то всеединство, къ которому должно вернуться обособленное существованіе; творческая воля Бога, созидающая міръ, творящая людей по образу своему и подобію и противостоящая царству зла, къ борьбѣ съ которымъ она призываетъ благочестивыхъ,—вотъ основные типы многообразныхъ религіозныхъ міровоззрѣній. И какъ общеніе съ незримымъ далеко отъ земныхъ трудовъ и отъ наслажденій, даруемыхъ общеніемъ съ людьми, такъ и эти міросозерцанія всегда противостоятъ мірскому пониманію жизни: въ немъ, противоборствующемъ религіи, часто проявляется природный натурализмъ, и въ этомъ противоборствѣ черпаетъ онъ свою силу и мощь.

Въ вѣка религіознаго подъема мы встрѣчаемъ борьбу

типовъ религіознаго міровоззрѣнія, явно родственную борьбѣ метафизическихъ системъ. Іудейско-христіанскій монотеизмъ, китайскія и индійскія формы панэнтеизма, и въ противоположность къ нимъ натуралистическія отношенія къ жизни и образъ мыслей—вотъ первыя ступени и исходныя точки для дальнѣйшаго развитія метафизики. Но фономъ религіознаго міровоззрѣнія всегда остается общеніе съ божествомъ при помощи магіи, таинствъ, людей, святынь, религіозной символики, знаковъ, — какъ нижнимъ слоемъ, подпочвой церковнаго строительства, остается всегда народъ. Въ этихъ міровоззрѣніяхъ содержится всегда темное, специфическое религіозное зерно, уяснить и обосновать которое никогда не дано теологамъ съ ихъ спекулятивными пріемами. Ничто не въ силахъ преодолѣть односторонности опыта, основаннаго на молитвенномъ, жертвенномъ, отдающемъ себя общеніи съ высшими существами, свойства которыхъ опредѣляются изъ сущности отношенія къ нимъ человѣческой души.

Въ силу этого религіозныя міровоззрѣнія подготовляютъ метафизическія, но никогда цѣликомъ въ нихъ не укладываются. Іудейско-христіанское ученіе о чисто духовномъ, свободно творящемъ Богѣ и о душахъ, созданныхъ по образу его, превратилось въ монотеистическій идеализмъ свободы; разныя формы религіознаго ученія о Всеединствѣ подготовили метафизическій панэнтеизмъ; индійская спекуляція, мистеріи, ученіе гностиковъ развили идею происхожденія многообразнаго міра изъ первоначальнаго единства и возвращеніе къ нему, идею, завершеніе свое нашедшую въ нео-платонизмѣ, философіи Бруно, Спинозы и Шопенгауэра. Такъ же ясна связь между монотеизмомъ и схоластической теологіей іудейскихъ, арабскихъ и христіанскихъ мыслителей и преемственность этой связи у Декарта, Вольфа, Канта и философовъ романтики. Сколько

бы ни сближала работа теологовъ религіозное міровоззрѣніе съ метафизикой, но внутренній законъ ея существа и ея структуры все-же неизмѣнно отдѣляетъ ее отъ метафизическаго мышленія. Охраняющимъ его предѣломъ оказывается односторонность религіознаго жизне-и міропониманія. Религіозное чувство непреложно право въ своемъ опытѣ. И все-же развивающееся сознаніе признаетъ, что хотя устремленіе души къ сверхчувственному, это историческое порожденіе жреческаго искусства, и сохранило власть идеализма, правда въ искусственномъ уклоненіи отъ земного; хотя оно и дисциплинировало жизнь, правда, съ аскетической суровостью, тѣмъ не менѣе въ поступательномъ движеніи исторіи духъ долженъ обрѣсти болѣе свободное отношеніе къ жизни, къ міру,— отношеніе, не связанное съ традиціей, идущей изъ темныхъ нѣдръ безотвѣтнаго прошлаго.

2.

Міровоззрѣніе въ поэзіи.

Религія придала вещамъ и людямъ значительность, укрѣпивъ вѣру въ присутствіе въ нихъ сверхчувственныхъ силъ. Значеніе произведенія искусства состоитъ въ томъ, что чувственно данное единичное изъ ограниченности преходящаго и тлѣннаго возносится до идеальнаго выраженія жизни, которую являютъ намъ краски, формы, симметрія, пропорціи, сочетанія тоновъ, ритмъ, смѣна настроеній, характеръ изображаемыхъ событій. Есть ли здѣсь стремленіе къ созданію міровоззрѣнія? Художественное творчество само по себѣ чуждо ему, но жизнепониманіе художника, отраженное въ его произведеніи, создаетъ здѣсь вторичную связь между произведеніемъ искусства и міровоззрѣ-

ніемъ. Искусство вначалѣ развивалось подъ опекой религіи. Его основной темой были религіозныя представленія: архитектура и музыка отражаютъ цѣли религіознаго общенія: искусство сдѣлало достояніемъ вѣчности содержаніе религіи, избавивъ его отъ тлѣна, которому обречены догматы; это содержаніе создало формы возвышеннаго исскуства, о чемъ свидѣтельствуетъ религіозная эпика Джотто въ живописи, великая архитектура соборовъ, музыка Баха и Генделя. Религіозное углубленіе искусства привело въ немъ къ свободному выраженію художникомъ своего жизнепониманія, и въ этомъ и заключается сущность историческаго развитія отношеній между искусствомъ и міровоззрѣніемъ. — Выраженіе міровоззрѣнія не можетъ быть вложено въ произведеніе искусства, но оно опредѣляетъ внутреннюю его форму. Достойна примѣчанія попытка найти въ самой формѣ произведенія живописи отраженіе типичныхъ міропониманій, лежащихъ въ основѣ натуралистическаго, героическаго и панэнтеистическаго міровоззрѣній. Это же соотношеніе можно было бы обнаружить и въ музыкальномъ творчествѣ. И если такіе титаны духа, какъ Микель Анжело, Бетховенъ и Рихардъ Вагнеръ осознали въ себѣ свободное влеченіе къ выработкѣ міровоззрѣнія, то это, конечно, должно было сдѣлать еще болѣе яркимъ выраженіе ихъ жизнепониманія въ формѣ искусства.

Поэзія выдѣляется изъ среды остальныхъ искусствъ своимъ особымъ отношеніемъ къ міровоззрѣнію Средство, которымъ она пользуется,—языкъ, дѣлаетъ доступнымъ ей лирическое выраженіе и эпическое или драматическое изображеніе всего, что можетъ быть пережито, всего, что доступно глазу и слуху. Я далекъ здѣсь отъ попытки вскрыть сущность и значеніе поэзіи. Освобождая какое либо событіе изъ подъ власти преходящаго и претворяя его въ безусловное выраженіе

сущности жизни, поэзія избавляетъ душу отъ бремени дѣйствительности, значеніе которой она ей вмѣстѣ съ тѣмъ открываетъ. Она утоляетъ тайную тоску человѣка, ограниченнаго судьбою или собственнымъ рѣшеніемъ, тоску по тѣмъ жизненнымъ возможностямъ, которыя оказались ему недоступными; и открывая ему ихъ въ образѣ фантазіи, она расширяетъ его самосознаніе и горизонтъ его жизненнаго опыта. Она открываетъ его взору міръ болѣе высокій и болѣе могущественный. Во всемъ этомъ выражается основное отношеніе, служащее основаніемъ поэзіи: жизнь—ея исходный пунктъ; отношенія къ людямъ, вещамъ, природѣ — ихъ живое зерно для нея; такъ изъ потребности объединить опытъ жизни возникаютъ міровыя настроенія; связное единство отдѣльно пережитаго и образуетъ въ сознаніи поэта его пониманіе значенія жизни. Такія міровыя настроенія (Lebensstimmung) мы встрѣчаемъ въ Іовѣ и въ Псалмахъ, въ хорѣ античной трагедіи, въ сонетахъ Данте и Шекспира, въ грандіозномъ заключеніи Божественной Комедіи, въ возвышенной лирикѣ Гете, Шиллера и романтиковъ, въ Фаустѣ, въ Нибелунгахъ Вагнера, въ Эмпедоклѣ Гёльдерлина. Поэзія въ отличіе отъ науки не стремится къ познанію дѣйствительности,—она хочетъ показать кроющуюся въ жизни значительность совершающагося, людей и вещей; загадка жизни концентрируется здѣсь во внутреннемъ сплетеніи нитей живой ткани людей, ихъ судебъ и среды, окружающей ихъ. Каждая великая эпоха поэзіи ознаменована вѣчно совершающимся, закономѣрнымъ восхожденіемъ отъ подчиненія вѣрѣ и обычаямъ, освященнымъ признаніемъ общества, къ задачѣ заново осмыслить жизнь, исходя изъ нея самой. Это путь отъ Гомера къ античной трагедіи, отъ порабощенной католической вѣры къ рыцарской лирикѣ и эпикѣ; отъ жизни новыхъ временъ къ Шиллеру, Бальзаку, Ибсену. Этому восхо-

жденію соотвѣтствуетъ развитіе формъ поэзіи,—сначала эпосъ, затѣмъ драма осуществляетъ высшую ступень концентраціи, объясняя въ единомъ жизнепониманіи связь созданныхъ жизнью отношеній, поступковъ, характеровъ и судебъ; наконецъ романъ развертываетъ безграничную полноту жизни, выражая, сознаніе поэтомъ значенія и смысла ея.

Что мы выводимъ отсюда?

Черпая изъ источника жизни, поэзія неизбѣжно должна во всемъ ею трактуемомъ выражать жизнепониманіе. Это жизнепониманіе дается поэту самою жизнью, которую онъ воспринимаетъ черезъ призму своей индивидуальности. Оно развивается съ развитіемъ поэзіи, которая неотступно идетъ шагъ за шагомъ къ своей цѣли,—понять жизнь изъ нея самой, давъ ей свободно воздѣйствовать на душу своими величавыми очертаніями. Жизнь открываетъ поэзіи новыя и новыя свои стороны. Поэзія обнаруживаетъ безграничную силу видѣть, оцѣнивать и творчески претворять жизнь. Событіе становится символомъ, правда не мысли, а усмотрѣннаго въ жизни соотношенія,—усмотрѣннаго поэтомъ черезъ призму своего жизненнаго опыта. Стендаль и Бальзакъ видятъ въ жизни созданное стихійной безсознательной силой сплетеніе иллюзій, страстей, красоты и порока, въ которомъ сильная воля одерживаетъ побѣду надъ самой собой. Гете видитъ въ ней творящую силу, сочетающую въ гармоничное цѣлое органическую жизнь, развитіе человѣчества и формы общественности. Корнель и Шиллеръ видятъ въ жизни арену героическихъ подвиговъ. И каждому жизнепониманію соотвѣтствуетъ форма поэтическаго произведенія. Отсюда недалеко до великихъ типовъ міровоззрѣнія; связь литературы съ философскимъ движеніемъ направляла Бальзака, Гете и Шиллера къ высшему совершенству въ уразумѣніи жизни. Такимъ образомъ, типы поэти-

ческаго міровоззрѣнія подготовляютъ путь метафизикѣ и являются посредниками между нею и обществомъ.

3.

Типы міровоззрѣнія въ метафизикѣ.

Всѣ эти нити облегчаютъ намъ пониманіе структуры, типовъ и развитія метафизическихъ міровоззрѣній. Намѣчу кратко рѣшающіе моменты.

1.

Весь процессъ возникновенія и выявленія міровоззрѣній обнаруживаетъ стремленіе возвысить ихъ до цѣнности общезначимаго знанія. Поэтамъ высокой мысли величественныя впечатлѣнія жизни показываютъ ее въ вѣчно новомъ освѣщеніи: но имъ не присуще стремленье закрѣпить свой опытъ въ понятіяхъ. Въ глубинѣ міровыхъ религій всегда скрыто что-то своеобразное и ирраціональное, объясненіе чему надо искать въ мистичности религіозныхъ переживаній, въ искусственно поддерживаемомъ священнослужителями устремленіи души къ невидимому запредѣльному. Правовѣрная церковь старается это кахетизировать; мистика и спиритуализмъ стремятся вернуть догмату силу переживанія; раціонализмъ хочетъ понять и съ этой цѣлью разлагаетъ на понятія. И вотъ стремленію міровыхъ религій властвовать, опираясь на внутренній опытъ вѣрующихъ, на традицію и авторитетъ, противостоитъ требованіе разума перестроить міровоззрѣніе и утвердить его на основѣ разумныхъ началъ. Когда міровоззрѣніе возвышается до связнаго раціональнаго (begrifflichs) цѣлаго, когда оно научно оправдывается и заявляетъ притязаніе на общезначимость, тогда возникаетъ метафи-

зика. Какъ показываетъ исторія, метафизику всюду подготовляетъ развитіе религіи; поэтическое творчество оказываетъ на нее значительное вліяніе; на ней отражается національное жизнепониманіе съ присущими ему оцѣнками и идеалами. Стремленіе къ общезначимому знанію придаетъ этой новой формѣ міровоззрѣнія совершенно особый характеръ.

Развѣ кто-нибудь возьмется указать, въ какой моментъ стремленіе къ познанію, проявляющееся во всевозможныхъ областяхъ въ общественной дѣятельности, обращается въ науку. Вѣдь математическія и астрономическія ученія вавилонянъ и египтянъ только въ іоническихъ колоніяхъ пріобрѣли внутреннюю самостоятельность, освободившись отъ религіозныхъ цѣлей. И такъ какъ предметомъ изслѣдованія былъ весь міръ, то естественна была тѣснѣйшая связь зарождающейся философіи съ пробуждающейся наукой. Математика, астрономія и географія стали средствами для познанія міра. Изначальныя загадки мірозданія занимали какъ пиѳагорейцевъ и послѣдователей Гераклита, такъ и греческихъ жрецовъ. И когда въ колоніяхъ растущее значеніе естественныхъ наукъ поставило въ центръ философіи задачу объясненія природы, всѣ великіе вопросы міровой загадки стали предметомъ живѣйшаго обсужденія въ философскихъ школахъ, и всѣ они были направлены на уясненіе внутреннихъ связей бытія, смысла жизни, воли и судьбы человѣка и общества—однимъ словомъ, на выработку міровоззрѣнія.

Структура метафизическихъ міровоззрѣній первоначально опредѣлялась ихъ зависимостью отъ науки. Чувственный образъ мірозданія замѣнился астрономическимъ, міръ чувства и воли обрѣлъ предметность въ понятіяхъ цѣнности, блага, цѣли и закона; необходимость мыслить въ понятіяхъ и обосновывать привела изслѣдователя міровой загадки къ логикѣ и теоріи

познанія, какъ первоосновамъ знанія. Работа надъ разрѣшеніемъ этихъ проблемъ сама собой подвинула мысль отъ ограниченнаго и обусловленнаго къ понятію всеобщаго бытія, первопричины, высшаго блага и конечной цѣли. Метафизика обратилась въ систему, которая при разработкѣ неясныхъ понятій и представленій, выдвинутыхъ жизнью и наукой, принуждена была создать вспомогательныя понятія, выходящія за предѣлы опыта.

Наряду съ отношеніемъ метафизики къ наукѣ выяснилось также отношеніе ея къ свѣтской культурѣ. Осмысливая каждое цѣлеполагающее единство культурной жизни, философія черпаетъ изъ него свѣжія силы, а ему сообщаетъ одухотворяющую мощь основной своей мысли. Она опредѣляетъ методы и познавательную цѣнность наукъ; безсистемный жизненный опытъ и первоначальная литература о немъ обращается въ общее оправданіе жизни; основныя понятія права, созданныя практикой, возноситъ она въ связное единство; положенія о формахъ правленія, о функціяхъ верховной власти, возникшія изъ техники политической жизни, ею приводятся въ связь съ высшими задачами общественности; она берется доказать догматы, а тамъ, гдѣ темное зерно религіознаго опыта недоступно спекулятивному мышленію, она разрушаетъ ихъ, совершая надъ ними судъ міровой исторіи, она осмысливаетъ формы и правила искусства съ точки зрѣнія его цѣлей: она повсюду старается сдѣлать мысль вожатымъ общества.

И еще послѣднее. Каждая метафизическая система обусловлена мѣстомъ, занимаемымъ ею въ исторіи философіи; она зависитъ отъ постановки проблемы и опредѣляется вытекающими изъ нея понятіями.

Такъ слагается структура метафизическихъ системъ—ихъ логическая связность, и вмѣстѣ съ тѣмъ

ихъ неизбѣжная неправильность: онѣ всегда являются представителями опредѣленнаго состоянія научнаго мышленія, откуда ихъ единичность и неповторимость. Въ силу этого всякая великая метафизическая система представляетъ собою многогранное цѣлое, освѣщающее каждую сторону создавшей ее жизни.

Все это великое движеніе стремится къ одной цѣли создать единую общезначимую систему метафизики. Дифференцированность метафизики, причины которой кроются въ самыхъ нѣдрахъ жизни, кажется этимъ мыслителямъ случайной, субъективной надстройкой, которая должна быть удалена. Безмѣрная работа, направленная къ созданію цѣлостнаго и доказуемаго логическаго единства, въ которомъ методически разрѣшалась бы проблема міроздания, пріобрѣтаетъ самостоятельное значеніе; состояніе логическаго мышленія опредѣляетъ каждой системѣ мѣсто на пути осуществленія этой цѣли. Эта работа въ культурныхъ странахъ Европы совершается поперемѣнно,—вначалѣ на берегахъ Средиземнаго моря, затѣмъ со временъ Возрожденія въ германо-романскихъ странахъ — точнѣе въ высшихъ слояхъ, которые, осуществляя ее, лишь изрѣдка подпадаютъ вліянію религіознаго паѳоса народныхъ массъ и все болѣе стараются оградить себя отъ этого воздѣйствія.

2.

Въ связи съ этимъ въ метафизическихъ системахъ замѣчаются различія, обусловленныя раціональнымъ характеромъ метафизическаго творчества. Различными оказываются стадіи въ процессѣ его, какъ, напримѣръ, догматизмъ и критицизмъ. Другія различія проходятъ черезъ все развитіе; они вытекаютъ изъ того, что метафизика задается цѣлью создать стройное цѣлое изъ содержанія міропониманія, цѣлеполагающей и оцѣ-

ночной дѣятельности человѣка; и различіе сказывается въ многообразныхъ возможностяхъ рѣшенія этихъ основныхъ проблемъ. Обращаясь къ обоснованіямъ метафизики, мы отмѣчаемъ противоположности эмпиризма и раціонализма, реализма и идеализма. Въ основу переработки дѣйствительности кладутся противоположныя понятія—единаго и многаго, становленія и бытія, причины и цѣли, и ими опредѣляется различіе системъ. Многообразіе точекъ зрѣнія на отношеніе міровой сущности къ міру и души къ тѣлу отражается въ ученіяхъ деизма и пантеизма, матеріализма и спиритуализма. Проблемы практической философіи опредѣляютъ новыя различія системъ, среди которыхъ я отмѣчу эвдемонизмъ, превращающійся постепенно въ утилитаризмъ, и теорію абсолютныхъ нормъ нравственнаго поведенія. Всѣ эти различія въ отдѣльныхъ областяхъ метафизическаго творчества указываютъ на разнообразныя возможности подчинить дѣйствительность раціональному мышленію, исходя изъ противоположныхъ понятій. Въ созидающемъ единствѣ систематизированія они являются гипотезами, посредствомъ которыхъ метафизическій духъ открываетъ путь къ общезначимой системѣ.

Въ послѣднее время сдѣланы были попытки классифицировать съ этой точки зрѣнія метафизическія системы. Двучленное дѣленіе системъ на реалистическія и идеалистическія болѣе всего соотвѣтствуетъ основной противоположности понятій, вытекающей изъ самой сущности этихъ метафизическихъ построеній.

Кто могъ бы не оцѣнить важности этой спекулятивной работы, осуществляемой философіей на всѣхъ поприщахъ? Она подготовляетъ самостоятельныя науки; она ихъ объединяетъ. Объ этомъ я подробно говорилъ ранѣе. Но метафизику отдѣляетъ отъ положительныхъ наукъ проявляющееся въ ней стремленіе подчинить міръ и жизнь связному единству научныхъ методовъ,

создавшихся для отдѣльныхъ областей знанія. Имѣя въ виду (безусловное) абсолютное, метафизика выходитъ за границы методологическихъ пріемовъ частныхъ наукъ.

3.

Постараюсь выяснить мысль, которую я кладу въ основаніе своей попытки создать ученіе о міровоззрѣніяхъ. Историческое самосознаніе раскрываетъ намъ устремленіе метафизиковъ къ единой общезначимой системѣ, обусловленныя этимъ противорѣчія взглядовъ, разъединяющія мыслителей, и, наконецъ, возможность классификаціи этихъ противорѣчій. Историческое самосознаніе дѣлаетъ содержаніемъ своимъ смыслъ фактическаго соотношенія враждующихъ системъ. Оно вскрываетъ зависимость отъ религіи и поэзіи путей метафизическаго творчества. Оно показываетъ, что спекулятивной метафизикѣ не удалось сдѣлать ни единаго шага, который приблизилъ бы ее къ общезначимой системѣ. Мы видимъ, что противорѣчіе метафизическихъ системъ обусловлено самою жизнью, жизненнымъ опытомъ, отношеніями къ проблемѣ жизни. Въ самихъ этихъ отношеніяхъ заложено многообразіе системъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность различать опредѣленные типы. Каждый такой типъ объемлетъ познаніе дѣйствительности, оцѣнку жизни и цѣлеполагающую идею. Онъ независимъ отъ той антитезы, въ которой съ противоположныхъ точекъ зрѣнія рѣшается основная проблема.

Сущность этихъ типовъ всего яснѣе обнаруживается въ творчествѣ великихъ геніевъ метафизики, которые облекли въ спекулятивныя, претендующія на значимость, построенія свое индивидуальное жизнепониманіе. Оно представляетъ полное соотвѣтствіе съ ихъ личностью. Оно опредѣляетъ всѣ ихъ поступки, оно обнаруживается

въ ихъ стилѣ, и если ихъ системы и обусловлены ступенью развитія входящихъ въ нихъ понятій, то все же, съ исторической точки зрѣнія, эти понятія являются только средствомъ построенія и обоснованія ихъ міросозерцанія.

Спиноза начинаетъ свой трактатъ о пути къ совершенному познанію съ личнаго признанія ничтожества страданія и радости, страха и надежды; онъ рѣшаетъ найти истинное благо, которое дало бы вѣчную радость; и эту задачу онъ разрѣшаетъ въ этикѣ, указывая на познаніе Бога, которое избавляетъ отъ ярма страстей, Бога, какъ наполняющаго міръ основанія всего многообразія преходящихъ вещей; это познаніе обращается въ безконечную интеллектуальную любовь къ Богу, которая есть любовь безконечнаго Бога къ себѣ самому, проявляющаяся въ ограниченномъ человѣческомъ духѣ. Все развитіе ученія Фихте является выраженіемъ типичнаго душевнаго уклада, рѣзко переживающаго моральную самостоятельность личности по отношенію къ природѣ и мірозданію; драма воленья этой бурной жизни завершается идеаломъ человѣка-героя, въ которомъ высшія проявленія человѣческой природы, ареной которыхъ служитъ исторія, гармонично созвучны съ верховнымъ порядкомъ міра. И безмѣрное историческое вліяніе Эпикура, интеллектуально значительно уступающаго величайшимъ мыслителямъ, объясняется той ясностью, съ какой онъ выразилъ типичное настроеніе души. Оно заключается въ веселомъ и беззаботномъ подчиненіи человѣка законамъ природы и въ жизнерадостномъ, и все же разумномъ, пользованіи ея дарами.

Въ такомъ пониманіи всякое міровоззрѣніе оказывается интуиціей, возникающей изъ нѣдръ самой жизни. Примѣромъ такой интуиціи могутъ служить первые наброски Гегеля, возникшіе отъ соприкосновенія его религіозно-метафизическихъ переживаній съ изучавши-

мися имъ документами ранняго христіанства. Жизнеощущеніе опредѣляетъ мѣсто человѣка въ жизни, укладъ его существованія. Таковъ смыслъ смѣлаго изрѣченія, что истинный человѣкъ—это поэтъ. Формы, въ которыя выливается жизнь человѣка, открываютъ ему новыя стороны міра. Я не рѣшаюсь итти дальше. Намъ неизвѣстенъ законъ, по которому жизнь претворяется въ систему метафизики. Для того, чтобы ближе подойти къ пониманію типовъ міровоззрѣнія, надо обратиться къ исторіи. Существеннѣе всего понять связь жизни и метафизики, понять, что углубленіе въ жизнь является центральной точкой всякой системы, что системы, въ которыхъ выражается какое либо типичное пониманіе жизни тѣсно и глубоко связаны,—сколько бы мы ихъ ни разграничивали и ни дѣлили. Надо углубить изслѣдованіе этой ихъ основы, надо вскрыть великія намѣренія,—вотъ путь историческаго изслѣдованія метафизическихъ системъ.

Въ этомъ смыслѣ я предлагаю различать три основныхъ типа. Единственнымъ средствомъ такого дѣленія оказывается историческое сравненіе: всякій метафизическій умъ подходитъ къ разрѣшенію загадки жизни съ особой точки зрѣнія, которая опредѣляется его отношеніемъ къ жизни и обусловливаетъ неповторимую единичность его системы. Мы можемъ группировать эти системы по ихъ отношеніямъ зависимости, родственности, взаимнаго притяженія и отталкиванія. Здѣсь, однако, мы встрѣчаемся съ затрудненіемъ, съ которымъ приходится считаться при всякомъ историческомъ сравненіи. Оно пользуется предварительной антиципаціей при выборѣ признаковъ въ томъ, что подлежитъ сравненію; и эти признаки опредѣляютъ дальнѣйшій путь. И потому то, что я здѣсь предлагаю, имѣетъ лишь предварительный характеръ. Ядромъ здѣсь можетъ служить только интуиція, развившаяся изъ продолжительныхъ занятій метафизическими системами. Облекая содержа-

ніе ея въ историческія формулы, мы сохраняемъ за ней субъективный характеръ. Возможны иныя логическія противоположенія — можно соединить обѣ формы идеализма или связать объективный идеализмъ съ натурализмомъ,—эти иныя возможности остаются открытыми. Это разграниченіе типовъ не преслѣдуетъ иной цѣли, какъ только помочь глубже заглянуть въ исторію, исходя изъ жизни.

III.

Натурализмъ.

Человѣкъ находитъ себя опредѣленнымъ природой. Она объемлетъ и его тѣло и внѣшній міръ. Состоянія тѣла, владѣющіе имъ животные инстинкты опредѣляютъ для человѣка его чувство жизни. Воззрѣніе на жизнь, въ силу котораго жизненный путь должно проходить, удовлетворяя животнымъ инстинктамъ и подчиняясь силамъ природы, утоляющей голодъ и жажду, старо какъ само человѣчество. Испытывая голодъ, половое влеченіе, дряхлѣя и умирая, человѣкъ чувствуетъ себя во власти духовъ, населяющихъ природу. Онъ еще природа. Гераклитъ и апостолъ Павелъ презрительно опредѣляютъ такое воззрѣніе, какъ жизнепониманіе чувственной массы. Но оно вѣчно, и не было времени, когда бы оно не владѣло умами части людей. Даже во времена безусловнаго господства жреческой коллегіи не умирала эта философія жизни чувственнаго человѣка; и въ тѣ времена, когда католицизмъ подавилъ теоретическое исповѣданіе этой точки зрѣнія, часто встрѣчаются ссылки на эпикурейцевъ; и то, что не могло облекаться въ философскія ученія, звучало въ пѣсняхъ провансальскихъ трубадуровъ, въ нѣмецкихъ придворныхъ стихахъ, во французскихъ и нѣмецкихъ пѣсняхъ о

Тристанѣ. И въ свѣтской философіи жизни XVIII вѣка мы находимъ все-то, что еще Платонъ говорилъ о молодыхъ распутникахъ и богачахъ, описывая ихъ теорію наслажденія жизнью. Къ удовлетворенію животныхъ инстинктовъ присоединяются еще тщеславіе общественнаго положенія и честолюбіе,—что ставитъ человѣка въ болѣе тѣсную зависимость отъ окружающей среды. Въ основѣ этого жизнепониманія лежитъ всегда одно и то же отношеніе къ міру,—подчиненіе воли животнымъ влеченіямъ, которыя и опредѣляютъ поведеніе человѣка: мышленіе и обусловленная имъ цѣлесообразная дѣятельность находятся въ подчиненіи у этой животности (Animalität) и призваны служить къ удовлетворенію ея.

Это жизнепониманіе находитъ выраженіе въ значительной части литературы всѣхъ народовъ. Порою оно выступаетъ, какъ первобытная сила животности, но чаще въ борьбѣ съ религіознымъ міровоззрѣніемъ. На знамени его написано—освобожденіе плоти. Историческая относительная правота этого мятежа вѣчно возрождающагося и вѣчно дѣятельнаго утвержденія естественной жизни заключается въ противоположеніи его необходимому, но тѣмъ не менѣе страшному дисциплинированію человѣчества религіей. Изъ этого жизнепониманія, когда оно становится философіей, возникаетъ натурализмъ, который утверждаетъ теоретически то, что прежде утверждалось въ жизни: жизнь природы единственная и настоящая дѣйствительность; помимо нея ничего нѣтъ; жизнь духа только формально, заключающимися въ ней особенностями отличается отъ физическихъ процессовъ; и это бѣдное содержаніемъ сознаніе есть также результатъ дѣйствія естественныхъ причинъ въ предѣлахъ физической дѣйствительности.

Структура натурализма остается неизмѣнной, начиная отъ Демокрита и до Гоббса, и отъ него до „Системы

природы“: сенсуализмъ въ качествѣ теоріи познанія, матеріализмъ, какъ метафизическое обоснованіе, и двустороннее отношеніе къ жизни,—стремленіе наслаждаться и примиреніе съ всесильнымъ и чуждымъ міровымъ порядкомъ черезъ подчиненіе ему въ созерцаніи.

Два основныя свойства физическаго міра создаютъ философское оправданіе натурализма. Насколько преобладаетъ въ дѣйствительности, данной намъ въ опытѣ, протяженность и сила физическихъ тѣлъ! Они объемлютъ, какъ непрерывное и безконечно протяженное цѣлое немногочисленныя явленія духа, которыя кажутся рѣдкими вставками въ великой ткани физическаго міропорядка. Первобытный человѣкъ, созерцая это отношеніе, чувствуетъ себя всецѣло подчиненнымъ этому міропорядку—кромѣ того природа является источникомъ познанія единообразій. Ежедневный опытъ учитъ человѣка отмѣчать эти единообразія и считаться съ ними; позитивная наука о физическомъ мірѣ восходитъ черезъ изученіе этихъ единообразій къ познанію закономѣрныхъ связей: такъ осуществляется идеалъ познанія, недоступный наукамъ о духѣ, основывающимся на внутреннемъ опытѣ и истолкованіи его.

Но трудности натуралистической точки зрѣнія гонятъ его безпрерывно къ діалектическому развитію все новыхъ опредѣленій своего отношенія къ міру и къ жизни. Матеріалъ, на который онъ опирается,—это явленія сознанія; натурализмъ попадаетъ въ кругъ. Онъ стремится вывести сознаніе изъ того, что дано только какъ феноменъ сознанія. Далѣе немыслимо вывести ощущеніе и мышленіе изъ движенія, которое дано только какъ феноменъ сознанія. Несравнимость физическаго и психическаго приводитъ послѣ того, какъ неразрѣшимость проблемы была доказана всѣми попытками рѣшить ее, отъ античнаго матеріализма и до „Системы природы“, къ позитивистическому признанію

коррелятивности физическаго и психическаго. Но и это рѣшеніе проблемы возбуждаетъ сомнѣніе. Въ конечномъ счетѣ объясненіе развитія общества оказывается не по силамъ морали первоначальнаго натурализма.

2.

Начну съ теоріи познанія натурализма. Его гносеологической основой является сенсуализмъ. Подъ сенсуализмомъ я понимаю ученіе, выводящее все познаніе изъ чувственнаго опыта и кладущее въ основаніе оцѣнокъ чувственное удовольствіе и неудовольствіе. Сенсуализмъ является непосредственнымъ философскимъ выраженіемъ натуралистическаго жизнеощущенія. Отсюда ясно, почему натурализмъ, разрѣшая ставимую имъ психогенетическую проблему единства душевной жизни, разсматриваетъ его какъ unitas compositionis единичныхъ впечатлѣній. Сенсуалистъ не отрицаетъ ни внутренняго опыта, ни разумной обработки даннаго, но онъ усматриваетъ въ физическомъ порядкѣ основаніе познанія закономѣрныхъ связей дѣйствительности, и свойства мышленія непосредственно или при помощи теоріи превращаются имъ въ часть чувственнаго опыта.

Первая сенсуалистическая теорія принадлежитъ Протагору. Сила мірового разума, проявляющаяся въ человѣческомъ мышленіи, въ предшествовавшихъ системахъ не отдѣлялась отъ физическихъ свойствъ людей, отъ процесса дыханія и отъ тѣлесно понимаемыхъ чувственныхъ образовъ. Протагоръ училъ, что воспріятіе возникаетъ изъ взаимоотношенія двухъ движеній, внѣшняго и внутренняго, совершающагося въ организмѣ, а такъ какъ для него мышленіе было неотдѣлимо отъ воспріятія, то онъ объяснялъ всю душевную жизнь изъ возникающихъ такимъ образомъ воспріятій. Радость, печаль, влеченіе,—все истолковывалось имъ какъ

взаимодѣйствіе двухъ движеній, онъ былъ несомнѣнный сенсуалистъ. И уже онъ самъ усмотрѣлъ вытекающія изъ этихъ положеній феноменалистическія и релятивистическія слѣдствія. Релятивизмъ Протагора заключается въ томъ, что для него всякое знаніе, оцѣнка, цѣль обусловлены чисто эмпирическимъ фактомъ человѣческой организаціи. Это пониманіе исключаетъ возможность сравненія указанныхъ функцій съ внѣшнимъ міромъ, къ которому они относятся. Итакъ, познаніе, оцѣнки, цѣлеполаганія обладаютъ лишь относительнымъ значеніемъ, соотнесеннымъ съ человѣческимъ организмомъ. Здѣсь отсутствуетъ связь между субъектомъ и предметомъ познанія, предпосылкой которой должно быть признаніе всеобщаго, себѣ тождественнаго разума, повсюду признающаго равное равнымъ. Чувственные организмы въ мірѣ животныхъ, простирающемся до человѣка, представляютъ безконечное многообразіе, въ силу чего пришлось бы признать, что каждая форма организма должна создавать себѣ совсѣмъ особый міръ. Чистая эмпиричность чувственной организаціи, подчиненіе ей всего мышленія, и включеніе этой организаціи въ связное единство физическаго міра—вотъ основаніе всѣхъ релятивистическихъ ученій древности.

Какъ обосновать опытъ и опытное знаніе, исходя изъ такихъ предпосылокъ? Такова была ближайшая проблема. Математика, астрономія, географія, біологія непрерывно развивались, и сенсуалистическій скептицизмъ долженъ былъ обосновать ихъ. Уже въ теоріи вѣроятности Карнеада заключалось стремленіе примирить въ положительномъ единствѣ сенсуалистическія предпосылки и опытныя науки. Значимость познанія въ его скептическомъ ученіи уже не основывается на столь свойственномъ греческому духу отношеніи между объективной дѣйствительностью и отображеніемъ ея

въ представленіи,—она опредѣляется внутреннимъ согласіемъ между воспріятіями и понятіями, образующими свободное отъ противорѣчій, связное цѣлое. Въ созданіи идеала наивысшей достижимой вѣроятности, въ опредѣленіи ступеней вѣроятнаго и опредѣлилась точка зрѣнія, отрицающая метафизику и обезпечивающая опытному знанію несомнѣнную, хотя и ограниченную значимость.

Но сенсуализмъ пережилъ послѣднюю, рѣшившую его судьбу эру только тогда, когда наступила въ XVII вѣкѣ великая эпоха математическаго естествознанія, обосновавшаго закономѣрность порядка природы. Естественыя науки утвердили непогрѣшимость опытнаго знанія, и сенсуализму пришлось, считаясь съ ними, опредѣлить свое отношеніе къ нимъ, преодолѣвъ скептическіе выводы предыдущей эпохи своего развитія. Въ этомъ сказалась крупная заслуга Давида Юма. Онъ самъ считалъ свою философію продолженіемъ академическаго скепсиса. И дѣйствительно, у него встрѣчаются основныя черты этого скептицизма,—признаніе одной лишь эмпирической фактичности нашей чувственной организаціи и связаннаго съ нею мышленія; отсюда выводится отображенія между познающимъ духомъ объективнаго міра и опредѣленіе познанія, какъ внутренняго согласія воспріятій между собою и согласованности ихъ съ понятіями. Но въ его анализѣ эти положенія приводятъ къ ужасающимъ выводамъ: правильное чередованіе событій обусловливаетъ привычность къ опредѣленнымъ связямъ: присущая ей сила ассоціаціи является единственнымъ основаніемъ для понятій субстанціи и причинности. Такъ возникаютъ положенія, которыя должны стать основаніемъ позитивизма. Связи субстанціальности и причинности, которыя создаютъ внутреннее единство міра, замѣняются ирраціональностью привычки и ассоціаціи; опытное знаніе

ограничивается установленіемъ единообразія сосуществованія и послѣдовательности явленій; ему закрыто всякое познаніе внутреннихъ связей, сущности, субстанціи, причинности; совершенно таковъ и составъ нашего знанія о духовномъ бытіи: всѣ части міра связаны единой закономѣрностью.

По сущности своего ученія Давидъ Юмъ сенсуалистъ. Его крупныя научныя завоеванія, воспринятыя Д'Аламберомъ и переработанныя французскимъ ученымъ въ позитивистическую теорію познанія, освободились отъ метафизическихъ предпосылокъ: позитивизмъ сдѣлался методомъ, и даже натурализмъ сталъ выдвигать въ противовѣсъ этой феноменалистической точкѣ зрѣнія Фейербаха, Молешота, Бюхнера „безусловность чувственнаго" и утверждать внутреннюю связь физическихъ явленій, и зависимость отъ нихъ психическаго, какъ то учила новая физіологія мозга.

3.

Натуралистическая метафизика получила послѣ Протагора механистическое обоснованіе. Механистическое объясненіе само по себѣ является позитивно-научнымъ методомъ, хотя уживается съ различными міровоззрѣніями: механистическая метафизика возникаетъ только тогда, когда дѣйствительность подчинена исключительно принципу механизма, когда понятія, которыя должны быть только орудіемъ, средствомъ научнаго познанія, разсматриваются какъ первопричины бытія. Причина движенія усматривается въ отдѣльныхъ матеріальныхъ элементахъ мірозданія, и изъ этихъ же элементовъ какимъ либо методомъ выводятся явленія душевной жизни. У природы отнимается та внутренняя духовность, которую вложили въ нее религія, миѳъ, поэзія; она становится бездушной; нигдѣ связное единство не проти-

воборствуетъ механистическому истолкованію. Эта точка зрѣнія даетъ натурализму возможность облечься въ строго научную форму. Ему теперь предстоитъ задача установить законы, по которымъ изъ механическаго порядка матеріальныхъ элементовъ возникаетъ міръ духа.

Безчисленное количество трудовъ было посвящено рѣшенію этой задачи. Наибольшимъ значеніемъ отличаются: эпикурейская система въ блестящемъ изложеніи Лукреція; мощное мрачное ученіе Гоббса, съ величайшей послѣдовательностью разсматривавшаго весь духовный міръ съ точки зрѣнія жизненнаго инстинкта, порождающаго борьбу индивидуумовъ, сословій, государствъ за власть и господство; во Франціи XVIII вѣка—„Система природы“, которая въ безжизненныхъ формахъ открыла секретъ невѣрующихъ и жаждущихъ наслажденія всѣхъ вѣковъ; и, наконецъ, фанатическая доктрина матеріализма Фейербаха, Бюхнера, Молешотта и ихъ послѣдователей.

Сила этихъ теорій заключалась въ томъ, что онѣ строились на основѣ внѣшней, пространственной, чувственно постигаемой дѣйствительности, которая доступна точному естественнонаучному мышленію. Для нихъ нигдѣ не оставалось темнаго неразложимаго остатка, не было уголка, гдѣ бы могло притаиться что либо самостоятельно духовное или трансцендентное. Все оказывалось естественнымъ и раціональнымъ. Сущность матеріалистической метафизики—въ борьбѣ съ религіозными представленіями и съ спиритуалистической метафизикой съ ихъ загадочностью. Ея историческое оправданіе въ томъ, что она старалась преодолѣть союзъ церкви со свѣтской деспотической властью.

При матеріалистическомъ пониманіи нѣтъ мѣста для воспріятія міра съ точки зрѣнія цѣнности и цѣли. Здѣсь цѣнности и цѣли оказываются порожденіями безсознательно творящей природы, которыя представляютъ осо-

бую важность только для человѣка, потому что внутренняя жизнь заставляетъ его сознавать себя центромъ мірозданія и все мѣрить мѣрою своихъ чувствъ, стремленій и цѣлей.

4.

Двойственность въ отношеніи натурализма къ природѣ неизбѣжно должна была вызвать двойственность его жизненнаго идеала. Страсти дѣлаютъ человѣка рабомъ природы—рабомъ лукавымъ и нерадивымъ, и все-же силой мышленія онъ возвышается надъ нею.

Уже античная мысль развила обѣ стороны натуралистическаго идеала. Сенсуализмъ Протагора заключалъ въ себѣ предпосылку для гедонизма Аристиппа. Отъ соприкосновенія чувственной организаціи съ внѣшнимъ міромъ возникаютъ какъ чувственныя воспріятія, такъ и чувства и желанія, которыя не выражаютъ объективныхъ цѣнностей дѣйствительности, но указываютъ только на отношеніе къ нимъ субъекта съ его чувственными переживаніями. Изъ этого Аристиппъ сдѣлалъ выводъ, что удовольствіе, какъ наиболѣе совершенное изъ происходящихъ въ нашей чувственной организаціи движеній, является исключительнымъ мѣриломъ и цѣлью человѣческихъ поступковъ. Мѣра цѣнности и цѣль искусства жизни должны быть открыты въ той физической связи нашей животности съ внѣшней природой, которая проявляется въ нашихъ чувственныхъ побужденіяхъ. Самоуглубленіе Сократа замѣняется здѣсь полнымъ господствомъ формальной мысли, оперирующей надъ цѣнностями наслажденія, возвышающейся надъ условностями и противополагающей себя даже объективному порядку жизни. Но стремленію къ наглядности пониманія и къ эстетическому наслажденію, столь свойственному духу греческой культуры, открывался другой идеалъ, который также былъ тѣсно

связанъ съ натуралистической метафизикой, съ ученіемъ Демокрита, Эпикура, Лукреція. Къ этому идеалу увлекалъ жизненный опытъ. Миръ царитъ въ душѣ того, кто открываетъ свой умъ познанію неизмѣнныхъ и несокрушимыхъ предвѣчныхъ законовъ мірозданія. Это настроеніе отлилось въ поэмѣ Лукреція. Онъ испыталъ освобождающую власть величественныхъ космическихъ, астрономическихъ и географическихъ ученій, созданныхъ греческой наукой. Неизмѣримая вселенная, ея вѣчные законы, происхожденіе солнечной системы, исторія земли, покрывающейся растительностью, животными и производящей, наконецъ человѣка,—всѣ эти величавые образы ставили его высоко надъ политическими интригами и жалкой умирающей вѣрой народа. Передъ величіемъ этого космическаго чувства казалось ничтожнымъ даже само существованіе, съ погоней за наслажденіемъ и властью, съ борьбой людей, ареной которой служила великая Римская держава. „Fromm ist, ver gefasten Geistes auf das Weltall blickt [1]).

Уже въ древности опытъ людей, стремящихся къ чувственному наслажденію расширилъ узкій, застывшій идеалъ чувственной радости, какъ цѣли жизни. Наряду съ радостью чувствъ постигнута была цѣнность болѣе прочной радости духа. Эпикурейская школа уже въ тѣ времена приступая къ рѣшенію вопроса о происхожденіи всего богатства и величія культуры изъ чувственнаго удовольствія и неудовольствія, пользовалась идеей постепеннаго развитія и прогресса. Но только современная мысль выработала научно обоснованные методы для натуралистическаго объясненія духовнаго развитія. Такое значеніе имѣло пониманіе духовной жизни въ ея особенностяхъ, объясненіе происхожденія хозяйственныхъ формъ изъ интересовъ индивидуума, а выс-

[1]) „Благъ, созерцающій вселенную спокойной душей".

шей культуры—изъ успѣховъ матеріальнаго благосостоянія, и наконецъ эволюціонная теорія, которая положила въ основаніе интеллектуальныхъ и моральныхъ свойствъ человѣческой личности идею суммированія безконечно малыхъ измѣненій на протяженіи безконечно большихъ періодовъ развитія. Натуралистическій идеалъ, какимъ на исходѣ длиннаго культурнаго развитія его выразилъ Людвигъ Фейербахъ, идеалъ свободнаго человѣка, узнающаго въ Богѣ, безсмертіи и въ сверхчувственномъ мірѣ призраки своихъ стремленій и желаній, оказалъ мощное вліяніе на политическіе идеалы, на литературу и поэзію.

IV.

Идеализмъ свободы.

Я опять исхожу изъ факта родственности многихъ системъ, которыя, основываясь на единомъ жизнеощущеніи, единомъ отношеніи къ міру, разрѣшаютъ проблемы міровой загадки въ опредѣленномъ смыслѣ, объединяющемъ эти системы въ новый, второй типъ міровоззрѣнія.

1.

Идеализмъ свободы—это созданіе аѳинскаго генія. Анаксагоръ, Сократъ, Платонъ и Аристотель обратили въ принципъ міропониманія формирующее, созидающее верховное начало идеи свободы. Цицеронъ особенно подчеркивалъ свое согласіе, свое духовное родство съ Сократомъ и съ его позднѣйшими послѣдователями. Выдающіеся отцы церкви и апологеты христіанства сознаютъ свою связь съ духомъ ученія Сократа и съ римской философіей. Шотландская школа, цѣликомъ основанная на ученіи Цицерона, чувствуетъ свою ко-

ренную связь съ писателями ранняго христіанства, и совершенно такое же сознаніе родственности связываетъ съ этими болѣе ранними мыслителями Канта, Якоби, Мэнъ де-Бирана и близкихъ имъ французскихъ философовъ вплоть до Бергсона.

Это сознаніе преемственности сопровождается у представителей этого направленія рѣзкой критикой натуралистическихъ системъ. Каждый мыслитель этого направленія исполненъ сознанія коренной своей противоположности натурализму какъ въ жизнепониманіи, такъ и въ міровоззрѣніи и въ идеалахъ, и этимъ сознаніемъ особенно глубоко проникнуты наиболѣе сильные умы. Но и противоположность пантеизму все яснѣе осознавалась представителями этого идеализма личности. Древній греческій пантеизмъ отказался отъ вѣры въ личное общеніе съ божественнымъ началомъ, отъ религіозной персонификаціи его; но Сократъ противоставилъ свое ученіе этому пантеизму, а въ господствующемъ направленіи римской философіи подчеркивалась близость къ Сократу. Древняя христіанская философія сознаетъ свое единство съ представителями идеализма свободы, противополагая себя какъ натурализму, такъ и пантеизму. То же самое положеніе занимаетъ позднѣйшая христіанская философія въ борьбѣ съ объективнымъ идеализмомъ Ибнъ Рошды. Во времена Возрожденія это же соотношеніе проявилось въ борьбѣ Джордано Бруно со всякой христіанской философіей, и въ преслѣдованіи церковью новаго пантеизма Бруно. Оно же сохраняется и въ спорѣ Спинозы съ ученіями о личности или свободѣ, въ спорѣ Лейбница съ многочисленными поборниками доктрины свободы, въ борьбѣ между Кантомъ, Фихте, Якоби, Фрисомъ и Гербартомъ съ одной стороны и Шеллингомъ, Гегелемъ, Шлейермахеромъ съ другой. Страстность всѣхъ великихъ философскихъ споровъ послѣдняго вѣка объясняется

связью различныхъ рѣшеній міровыхъ проблемъ съ различными міровоззрѣніями. Полемика Бэйля противъ Спинозы объясняется стремленіемъ противоставить детерминизму свободу воли. Въ полемикѣ Вольтера противъ Лейбница сказалось противорѣчіе между чисто человѣческимъ сознаніемъ, стремящимся прежде всего укрѣпить за собою права свободы, и созерцательной метафизикой, основанной на усмотрѣніи связей мірозданія. Руссо противоставляетъ съ блестящимъ успѣхомъ различнѣйшимъ формамъ натурализма и монизма философію личности и свободы. Полемика Якоби съ Шеллингомъ затрагиваетъ основныя проблемы противорѣчія между объективнымъ идеализмомъ и философіей личности,—и болѣе страстнаго спора не знаетъ исторія философіи. Рѣзкость нападковъ Гербарта на монистическую философію объясняется сознаніемъ того, что монизмъ, колебля великія истины теистическихъ системъ, вмѣстѣ съ тѣмъ выступаетъ въ защиту христіанскаго міровоззрѣнія, теистическаго въ самыхъ глубокихъ своихъ корняхъ. И горечь, которою проникнута борьба Фриса и Апельта противъ монистической спекуляціи, точно также объясняется ненавистью къ тому искаженію, которому подвергли опытное знаніе природы Шеллингъ и Гегель, упразднившіе къ тому же, подъ предлогомъ защиты христіанства, христіанскій теизмъ.

2.

Сознанію внутренняго сродства, объединяющаго представителей идеализма свободы и отдѣляющаго ихъ отъ объективнаго идеализма и отъ натурализма, соотвѣтствуетъ дѣйствительная родственность системъ этого типа. Единство, связывающее міровоззрѣніе, методъ и метафизику этихъ системъ, состоитъ въ слѣдующемъ: въ противоставленіи личности всему данному,

въ верховномъ самоутвержденіи ея заключена идея независимости духовнаго отъ какой бы то ни было данности; духъ сознаетъ свою сущность, отличную отъ всякой физической причинности. Глубокому этическому прозрѣнію Фихте открылась связь между личнымъ характеромъ мыслителей и идеализмомъ свободы въ противоположности его ко всѣмъ натуралистическимъ системамъ. Эту свободную, самодовлѣющую силу ограничиваютъ отношенія къ окружающимъ личностямъ; но это не физическое ограниченіе, а подчиненіе нравственной нормѣ, долгу. Такъ возникаетъ идея міра личностей, въ которомъ индивидуумы, оставаясь свободными, связаны нормами. Эти посылки всегда связаны съ признаніемъ соотношенія между этими свободными, внутреннимъ закономъ ограниченными, отвѣтственными индивидуумами и абсолютно личной свободной причиной. Съ точки зрѣнія жизнепониманія это отношеніе основывается на томъ, что самопроизвольная и свободная жизненная энергія оказывается силой, которая опредѣляетъ другія личности въ ихъ свободѣ; одновременно съ этимъ въ ней самой другія личности становятся силой, опредѣляющей ее въ ея собственной самопроизвольности. Это живое опредѣленіе и опредѣлимость волевой дѣятельности обращается въ схему мірового единства: философія проэцируетъ этотъ процессъ въ само мірозданіе; онъ открывается, какъ сущность всякаго отношенія, въ которомъ участвуетъ субъектъ систематическаго мышленія. Такимъ образомъ, Божество освобождается отъ связей физической причинности и воплощается въ идеѣ противостоящей ей силы,—цѣлеполагающій разумъ, утверждающій свою независимость отъ даннаго, проэцируется въ мірозданіе. Анаксагоръ и Аристотель философски опредѣлили и точно выразили это понятіе Божества въ отношеніи Божества къ матеріи. Самое яркое метафизическое выраженіе этой

идеи личнаго Бога мы находимъ въ христіанской концепціи созданія міра изъ ничего, изъ небытія; въ ней Божество утверждается какъ трансцендентное закону причинности, который господствуетъ надъ міромъ, подчиняя его правилу—ex nihilo nihil! Кантъ далъ критическое оправданіе трансцендентности Бога для познанія, пользующагося закономъ достаточнаго основанія для утвержденія связи истинъ: Богъ данъ только для воли, требующей его признанія въ силу своей внутренней свободы.

3.

Такъ возникаетъ структура, общая всѣмъ міровоззрѣніямъ этого типа. Съ точки зрѣнія теоріи познанія, этотъ типъ мышленія, какъ только въ немъ пробуждается сознаніе своихъ предпосылокъ, долженъ основываться на данныхъ сознанія. Это міровоззрѣніе претерпѣваетъ различныя метафизическія обоснованія. Впервые оно выступаетъ въ аттической философіи, какъ концепція творящаго разума, обращающаго матерію въ міръ. Признаніе независимости отвлеченнаго мышленія и нравственной воли отъ физической природы и утвержденіе связи ихъ съ духовнымъ порядкомъ—является исходнымъ пунктомъ концепціи Платона и основой ученія Аристотеля. Подготовленная римской идеей воли и римскимъ представленіемъ о Богѣ—властелинѣ вселенной возникаетъ въ христіанствѣ вторая концепція — ученіе о сотвореніи міра. Она строитъ трансцендентный міръ изъ связей, данныхъ въ опытѣ воли. Собственныя понятія о Богѣ въ христіанскомъ сознаніи опредѣляютъ его отношеніе къ людямъ какъ отношеніе отца къ дѣтямъ; они утверждаютъ общеніе съ нимъ, Провидѣніе, какъ символъ державнаго управленія міромъ, справедливость и милосердіе. Эту концепцію отдѣляетъ отъ высочайшаго развитія сознанія Бога въ нѣмецкой трансцедентальной философіи длин-

ный путь. Въ ней идеализмъ свободы, нашедшій совершеннѣйшее свое выраженіе въ Шиллерѣ, строитъ героически-величавый образъ сверхчувственнаго міра, который дѣйствителенъ только для воли, потому что созданъ ея идеаломъ безконечнаго устремленія.

4.

Факты сознанія даютъ общезначимое основаніе для этого міровоззрѣнія. Оно неопровержимо, какъ метафизическое сознаніе героической личности: оно всегда будетъ сопутствовать величію дѣятельной натуры.

Но оно не въ силахъ опредѣлить и обосновать свой принципъ съ научной общезначимостью. И вотъ здѣсь принимается за свое дѣло вѣчно безпокойная діалектика, переходящая отъ возможности къ возможности, но неспособная разрѣшить свою задачу. Сознательная воля, проявляющаяся въ семьѣ, правѣ, государствѣ, была разложена римскими мыслителями на понятія, источникъ которыхъ стали наконецъ, усматривать въ прирожденныхъ задаткахъ человѣческой души. Въ недоступномъ и недоказуемомъ созданъ былъ оплотъ житейской мудрости. Закономѣрность правилъ жизни получила обоснованіе въ нативистическихъ предпосылкахъ, которыя сами не могутъ быть усмотрѣны иначе, какъ изъ наблюденій надъ порядкомъ жизни и надъ всеобщностью этого порядка (consensus gentium). Это обоснованіе представляетъ собою логическій кругъ. Такъ создала римская философія жизни свой идеализмъ личности. Христіанское сознаніе, идя этимъ путемъ, утвердило трансцендентность духа и независимость его отъ порядка природы. Но вѣдь это только символическое выраженіе опыта воли, проявляющейся въ самопожертвованіи, въ побѣдѣ надъ природной ограниченностью, въ добровольной смерти, это символъ желанья жить во имя осуществленія ду-

ховной правды. Идеалъ святости достовѣренъ въ себѣ, но не можетъ стать достояніемъ логическаго сознанія. Кантъ и трансцедентальная философія задались цѣлью опредѣлить и возвысить до общезначимости эту идеальную волю. Безусловное было противоставлено міровому порядку, какъ высшая норма и какъ высшая цѣнность. Попытка не удалась. Но она вновь ожила во французскомъ идеализмѣ личности, отъ Мэнъ-де-Бирана и вплоть до Бергсона, въ идеалистической формѣ прагматизма, какъ онъ былъ выраженъ Джемсомъ и близкими ему въ духѣ мыслителями, въ великихъ трансцедентальныхъ теченіяхъ нѣмецкой мысли. Твердыня безусловнаго несокрушима; измѣняется только его форма и его обоснованіе. Сила ея въ жизнеощущеніи дѣйствующаго человѣка, который требуетъ устойчивой нормы для своей цѣлеполагающей воли.

Шиллеръ—поэтъ этого идеализма свободы, а Карлейль—его пророкъ и историкъ:

У царя земного въ подчиненьи
Геркулесъ томился и въ сраженьи
Проводилъ онъ вѣчно жизнь свою.
То со львомъ, то съ гидрою сражался,
И, живой еще, не побоялся
Броситься въ Харонову ладью.
Всѣмъ трудамъ и всѣмъ земнымъ мученьямъ
Былъ богами подвергаемъ онъ;
Но сносилъ покорно и съ терпѣньемъ
Все, на что былъ осужденъ.
Но насталъ послѣдній часъ, и смѣло
Мощный духъ покинулъ тѣло,
И понесся ввысь къ богамъ святымъ,
Восхищаясь самъ своимъ пареньемъ.
И, подобно легкимъ сновидѣньямъ,
Все земное сгинуло предъ нимъ.
И, напѣвамъ горнихъ лиръ внимая,
Олимпійцамъ полу-богъ предсталъ.
И богиня юности благая
Подала ему бокалъ.

V.

Объективный идеализмъ.

Уклоняющіяся отъ обоихъ вышеописанныхъ типовъ системы образуютъ связное единство. Они составляютъ основную массу всей метафизики; проходятъ черезъ всю исторію философіи, и ихъ тѣсная связь съ великими родственными проявленіями вѣры и искусства указываетъ на то, что источникъ ихъ въ міровоззрѣніи, проникающемъ религіи, художественное творчество и метафизическое мышленіе,

1.

Обозначу границы, въ предѣлахъ которыхъ встрѣчается въ метафизикѣ этотъ типъ. Ни натурализмъ, ни идеализмъ свободы не представляетъ центральной массы философскихъ системъ. Ксенофанъ, Гераклитъ, Парменидъ и ихъ послѣдователи, стоическая система, Джордано Бруно, Спиноза, Шефтсбери, Гердеръ, Гете, Шеллингъ, Гегель, Шопенгауэръ и Шлейермахеръ, — всѣ эти системы обнаруживаютъ явную принадлежность къ одному общему типу, рѣзко отличающемуся отъ обоихъ, нами описанныхъ. Между собою онѣ связаны взаимной зависимостью и опредѣленнѣйшимъ сознаніемъ внутренняго родства. Стоя сознавала свою зависимость отъ Гераклита; Джордано Бруно широко воспользовался основными понятіями стоической доктрины; Спиноза обусловленъ ученьемъ Стои и тѣмъ кругомъ философскихъ представленій, среди которыхъ работала мысль Джордано Бруно. Въ Лейбницѣ, въ противоположность застывшему въ неподвижности монизму Спинозы, находитъ совершеннѣйшее выраженіе самосознаніе Возрожденія. Послѣ упраздненія субстанціальныхъ формъ

не осталось ничего реальнаго, что бы отдѣляло единство божественнаго начала отъ ограниченности существъ; міръ это—проявленіе Бога; въ немъ Онъ претворился въ безграничное многообразіе; все единичное отражаетъ въ себѣ мірозданіе. Таковы такъ же основы философскаго сознанія Лейбница. Хотя въ зависимости отъ современнаго ему уровня понятій, онъ и придалъ Божеству индивидуальное существованіе, хотя, находясь подъ вліяніемъ теологическихъ ученій, онъ и выдвинулъ чисто теологическія стороны бытія Бога,—но основной чертой его міровоззрѣнія надо признать панэнтеизмъ, и новая великая идея его системы выразилась въ построеніи вселенной, какъ единаго цѣлаго, каждая часть котораго опредѣляется идеальной связью смысла всего цѣлаго. Его система обусловлена исканіемъ смысла и значенія вселенной. Ближе всего по духу къ нему Шефтсбери, на которомъ сказалось вліяніе Стои и Джордано Бруно. Великіе представители объективнаго идеализма въ Германіи находятся въ сферѣ вліянія Лейбница; пробужденіе нѣмецкой поэзіи сдѣлало ихъ наслѣдниками ученій Шефтсбери, проникшихъ въ Германію черезъ посредство Гердера и Гете. Ихъ связь со Спинозой, отчасти непосредственная, отчасти опосредствованная предыдущимъ литературнымъ движеніемъ, доказана и можетъ быть прослѣжена и въ болѣе широкой исторической перспективѣ. Итакъ, эти системы связаны такимъ же тѣснымъ историческимъ единствомъ, какъ и системы натурализма и идеализма свободы.

Въ нихъ постоянно самымъ рѣшительнымъ образомъ подчеркивалась ихъ противоположность другимъ двумъ типамъ. Какъ сурово относится Гераклитъ къ популярнымъ матеріалистическимъ ученіямъ! Какъ рѣзко отличается ученіе Стои отъ Эпикурейскаго сенсуализма! Но Стоя въ то же время сознаетъ свое отпаденіе и отъ

Платона и Аристотеля, выразившееся въ возрожденіи гилозоизма. Джордано Бруно съ безпримѣрной страстностью боролся со всѣми формами христіанскаго міропониманія и христіанскихъ жизненныхъ идеаловъ. Той же страстностью проникнуты и сопровождающія логическія доказательства примѣчанія Спинозы въ его „Этикѣ", представляющія свободныя изліянія душевнаго настроенія. Шеллингъ и Гегель выпускаютъ памфлеты и манифесты, направленные противъ идеализма свободы, особенно противъ Канта, Фихте и Якоби, какъ представителей разсудочной философіи. И критика нравственныхъ ученій Шлейермахера, если исключить изъ нея нападки на Шопенгауэра, по существу своему представляетъ полемику противъ сенсуалистической морали и противъ ограниченности дуалистической этики Канта и Фихте во имя объективнаго идеализма.

Если, слѣдуя этимъ указаніямъ, продолжить сравненіе, выяснится внутренняя родственность, единство этой группы и общность структуры, связывающая ихъ въ единство типа міровоззрѣнія. Единство положеній, составляющихъ структуру этого типа, объемлетъ гносеологически-методическое отношеніе сознанія, метафизическую формулу, заключающую различныя возможности метафизическаго строительства, и принципъ порядка жизни.

2.

Въ первомъ изъ трехъ міровоззрѣній гносеологически-методическое отношеніе сознанія къ міровой загадкѣ проявлялось въ восхожденіи отъ познанія единообразія физическаго міра къ обобщеніямъ, подчиняющимъ этой внѣшней механической закономѣрности также и духовныя явленія. Идеализмъ свободы, наоборотъ, открылъ въ фактахъ сознанія точку опоры для

общезначимаго разрѣшенія міровыхъ проблемъ; онъ стремился утвердить совокупность неразложимыхъ далѣе общихъ опредѣленій сознанія, которыя бы самопроизвольной силой претворяли матерію внѣшней дѣйствительности въ систему жизни и въ міровоззрѣніе. Отъ обоихъ этихъ типовъ рѣзко отличается третій своими гносеологически-методическими пріемами. Ихъ можно вскрыть и у Гераклита, и у Стои, у Джордано Бруно, какъ у Спинозы, у Шефтсбери, какъ у Шеллинга, Гегеля, Шопенгауэра и Шлейермахера. Они обусловлены жизнеощущеніемъ этихъ мыслителей. Мы называемъ созерцательнымъ, наглядным, эстетическимъ, или художественнымъ такое отношеніе, когда субъектъ его какъ бы отдыхаетъ отъ работы естественно-научнаго познанія и отъ дѣятельности, опредѣляющейся связью между нашими потребностями, возникающими въ силу ихъ цѣлями и ихъ осуществленіемъ. Это созерцательное отношеніе расширяетъ жизнь чувства, первоначально ограниченную чисто личнымъ объемомъ жизненнаго богатства, цѣнности и счастья, до своего рода универсальной симпатіи. Благодаря расширенію, растворенію нашего я въ универсальной симпатіи, мы наполняемъ всю дѣйствительность цѣнностями, переживаемыми нами, дѣйствіями, выражающими нашу сущность, верховными идеалами истины, добра и красоты. Мы находимъ въ дѣйствительности отголосокъ тѣхъ настроеній, которыя она въ насъ пробуждаетъ. И по мѣрѣ того, какъ наше чувство жизни расширяется до сознанія единосущности со всѣми явленіями дѣйствительности,—повышается радость жизни, растетъ сознаніе собственной силы. При такой настроенности души, индивидуумъ сознаетъ свою связь съ божественнымъ всеединствомъ вещей, чувствуетъ себя роднымъ всему включенному въ это единство. Никто не выразилъ это настроеніе такъ ярко, какъ Гете. Онъ воспѣваетъ сча-

стіе „чувствовать природу, наслаждаться ею“. „Ты въ глубину ея, какъ въ душу друга, мнѣ далъ съ восторгомъ заглянуть“. „Ты далъ мнѣ хороводъ живого въ движеньи непрерывномъ ощутить и научилъ меня въ водахъ, въ лѣсахъ, въ эфирѣ родную душу брата узнавать“.

Это жизнеощущеніе находитъ во вселенской гармоніи разрѣшеніе всѣхъ противорѣчій жизни. Трагичное сознаніе нестройности бытія, пессимизмъ, юморъ, подмѣчающій ограниченность и давящую скованность явленій и все-же прозрѣвающій въ глубинѣ ихъ побѣду идеальнаго,—все это ступени, по которымъ совершается восхожденіе духа къ созерцанію вселенскаго единства бытія и цѣнностей.

Этотъ объективный идеализмъ постоянно вѣренъ основнымъ своимъ принципамъ. Онъ не подчиняетъ единичное и случайное единообразію сходнаго, — но обозрѣваетъ связь частей въ цѣломъ, утверждая единство жизни и связь міра.

Исторія сохранила намъ память о Гераклитѣ, какъ о первомъ изъ мыслителей этого типа, осознавшемъ методъ своей философской работы. Мудрымъ взоромъ онъ оцѣнилъ своеобразіе созерцательнаго мышленія и ясно выразилъ его отличіе отъ персонифицирующей вѣры, отъ чувственнаго воспріятія, которому онъ отказываетъ въ значеніи самостоятельнаго орудія, и отъ научнаго познанія природы. Предметомъ размышленія философа является то, что всегда, повсюду, неизмѣнно окружаетъ его, въ чемъ онъ открываетъ однѣ и тѣ же черты. Его взоръ устремленъ на то, что съ нами становится. Гераклитъ этимъ далъ геніальное опредѣленіе того глубокомыслія, въ силу котораго явленія природы, мимо которыхъ проходитъ толпа, для истиннаго философа становятся источникомъ удивленія и долгихъ размышленій. Это созерцательное отношеніе открыло

Гераклиту вселенную въ непрерывномъ единствѣ,— какъ потокъ движенія и преходимости всего сущаго, подчиненнаго однако разумному порядку. Трагизмъ неустаннаго убѣганія времени, въ которомъ мелькаетъ, возникая и исчезая, настоящее, разрѣшается въ сознаніи неизмѣнной правильности порядка вселенной.

Въ ученіи Стои тоже господствуетъ идея міра, какъ цѣлаго, въ которомъ все единичное является частью, связанной съ цѣлымъ силой объединяющаго начала. Она отказалась отъ подчиненія многообразія явленій отвлеченнымъ единствамъ понятій, господствовавшаго въ системѣ Платона и Аристотеля; въ ея ученіи логическое отношеніе единичнаго къ общему замѣнено органическимъ принципомъ связи между цѣлымъ и составляющими его частями: это то пониманіе, которое, какъ усмотрѣніе внутренней цѣлесообразности органическаго, Кантъ глубоко вѣрно сблизилъ съ эстетической формой созерцанія.

Послѣ паденія схоластической силлогистики и систематики, пользовавшихся субстанціальными формами для обоснованія трансцедентнаго міра въ угоду христіанской теологіи, въ эпоху перехода отъ средневѣковья къ новой исторіи, эти категоріи міровоззрѣнія снова возродились: цѣлое и его части, индивидуальность этихъ частей вплоть до самыхъ мельчайшихъ изъ нихъ стали опять основными принципами метафизики. Уже у Николая Кузанскаго мы встрѣчаемъ эту чисто эстетическую концепцію вселенной, по которой единичное въ своей связности съ цѣлымъ отражаетъ въ себѣ все мірозданіе. Спиноза великій представитель этого ученія о единой вселенной; и міровоззрѣніе Лейбница выросло изъ этого же настроенія, несмотря на его понятіе Бога, связанное съ теологическими тенденціями и обоснованное монодологіей. А Шеллингъ, Шопенгауэръ и Шлейермахеръ всего полнѣе осознали

гносеологическое интеллектуальное созерцаніе Шеллинга; освобожденное отъ воли созерцательно-эстетическое воззрѣніе Шопенгауэра, въ которомъ субъектъ, не будучи уже принужденъ слѣдовать въ усмотрѣніи связи вещей указаніямъ закона достаточнаго основанія, вскрываетъ существенное въ явленіи; наконецъ религія Шлейермахера, какъ созерцаніе и чувство вселенной,— всѣ эти формы выражаютъ разныя стороны того же міровоззрѣнія, присущаго этому типу міровоззрѣнія.

3.

Это міровоззрѣніе опредѣляетъ общую метафизическую формулу для всего этого класса системъ. Всѣ явленія даны намъ двояко; съ одной стороны они даны намъ во внѣшнемъ воспріятіи, какъ чувственные предметы и какъ таковые они объединены физической связью но, съ другой стороны, они обнаруживаютъ ту связь живого единства, которую открываетъ намъ углубленіе въ собственный внутренній міръ. Это—принципъ единосущности всѣхъ частей вселенной съ божественнымъ основаніемъ и между собою. Онъ соотвѣтствуетъ настроенію міровой симпатіи, познающей въ дѣйствительномъ, пространственно ограниченномъ повсемѣстное присутствіе божества. Это признаніе единосущности является основной метафизической посылкой религіи Индусовъ, Грековъ и Германцевъ, и изъ нея метафизика выводитъ имманентность всего единичнаго, какъ части, общему основанію міра и имманентность всѣхъ цѣнностей общему единству значенія, составляющему смыслъ міра. Созерцанію, интуиціи, въ которыхъ переживается жизнь цѣлаго, открывается во внѣшней данности явленій внутренняя, живая, божественная связь единства. Наконецъ, изъ этого отношенія къ міру обыкновенно вытекаетъ детерминизмъ; единичное обусловлено

цѣлымъ, и связь явленій понимается какъ внутреннее предопредѣленіе, какой бы смыслъ ей ни придавался въ остальномъ.

4.

Какъ религія, такъ и поэзія и метафизика только символически выражаютъ природу мірового единства, заключеннаго въ формулѣ объективнаго идеализма. Оно оказывается непознаваемымъ. Метафизика беретъ отдѣльныя черты живой сущности субъекта, единства живой личности и ихъ проэцируетъ, какъ единство связи, въ безграничность міроздания. Возникаетъ безпокойная діалектика, восходящая отъ системы къ системѣ, пока не исчерпаны всѣ возможности, пока не познана неразрѣшимость проблемы.

Разумъ или воля—основаніе міра? Если мы опредѣлимъ его какъ мышленіе, то необходима воля для возникновенія чего либо. Если видѣть въ немъ волю, то надо принять, какъ предпосылку, цѣлеполагающее мышленіе. Но воля и мышленіе невыводимы одна изъ другого. Здѣсь предѣлъ логическаго мышленія объ основѣ міра, и мистикѣ предоставляется отразить ея живую сущность.

Если основаніе міра мыслится какъ личное начало, то эта метафора требуетъ конкретныхъ опредѣленій, ее ограничивающихъ. Но всѣ эти опредѣленія исчезаютъ, когда мы привносимъ идею безконечнаго: остается непостижимое, непознаваемое, остается мракъ мистическаго. Если это основаніе мы усматриваемъ въ сознаніи, то оно подпадетъ подъ противоположность объекта и субъекта; но безсознательное не можетъ стать источникомъ сознанія, какъ высшаго; мы снова предъ лицомъ непостижимаго. Мы не можемъ понять, какъ единое обращается въ множественность, вѣчное въ преходящее:

логически это непостижимо. Магическая формула тождества не дѣлаетъ болѣе понятнымъ отношеніе бытія и мышленія, протяженности и мысли. Итакъ, и отъ этихъ метафизическихъ системъ остается только особая настроенность души, особое міровоззрѣніе. Въ стихахъ Гете это міровоззрѣніе нашло совершеннѣйшее выраженіе.

Тотъ богъ не благъ, который, міру чуждый,
Путь во вселенной указалъ землѣ.
Ему пристало быть душой живою,
Природу, растворившись въ ней, обнять,
Чтобъ было все единосущно Духу,
Дышало силой, разумомъ Его.

Перевелъ *С. О. Гессенъ*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе редакторовъ . . . . . I.

А. Бергсонъ. Философская интуиція. Перевелъ *И. С. Юшкевичъ* 1

Э. Бутру. Объ отношеніи философіи къ наукѣ. Перевелъ *И. С. Юшкевичъ* 29

Г. Гомперцъ. Задачи ученія о міровоззрѣніи. Перевелъ *И. С. Юшкевичъ* 55

Э. Махъ. Философское и естествено-научное мышленіе. Перевелъ *Г. А. Котляръ* 93

В. Дильтей. Типы міровоззрѣнія. Перевели *Г. А. Котляръ* и *С. О. Гессенъ* 120

Издательство „ОБРАЗОВАНІЕ“, СПБ., Николаевская, 9. — Телефонъ № 75-51.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ФИЛОСОФІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ редакціей профессора Н. О. Лосскаго и Э. Л. Радлова.

Сборникъ № 1. Философія и ея проблемы. — А. Бергсонъ. Философская интуиція. — Э. Бутру. Объ отношеніи философіи къ наукѣ. — Г. Гомперцъ. Задачи ученія о міровоззрѣніи. — Э. Махъ. Философское и естественно-научное мышленіе. — Дильтей. Типы міровоззрѣнія и обнаруженіе ихъ въ метафизическихъ системахъ. Цѣна 80 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Сборникъ № 2. Теорія познанія. — В. Е. Сеземаннъ. Марбургская школа. — С. О. Гессенъ. Гносеологія Д. Риккерта. (Теорія трансцендентальнаго эмпиризма). — Д. В. Викторовъ. Эмпиріо-критицизмъ. — Н. О. Лосскій. Имманентная философія.

Сборникъ № 3. Что такое психологія?

Сборникъ № 4. Теорія познанія. — Н. О. Лосскій. Интуитивизмъ. — Э. Л. Радловъ. Мистицизмъ. — Н. О. Лосскій. Интенціоналізмъ. — П. С. Юшкевичъ. Прагматизмъ.

Готовятся къ печати слѣдующіе сборники, посвященные вопросамъ психологіи, этики, эстетики, русской философіи, философіи математики и философіи естествознанія.

НОВЫЯ ИДЕИ ВЪ ХИМІИ.

Непериодическое изданіе, выходящее подъ ред. профессора Л. А. Чугаева.

Сборникъ № 1. Стереохимія. Химическая механика. Растворы. — В. А. Яковлевъ. Вантъ-Гоффъ. — Л. А. Чугаевъ. Вантъ-Гоффъ и судьбы стереохиміи. — Ф. Ю. Левинсонъ-Лессингъ. О значеніи работъ Вантъ-Гоффа для минералогіи и геологіи. — В. А. Кистяковскій. Осмотическое давленіе по работамъ Вантъ-Гоффа. — А. А. Байковъ. Принципъ подвижного равновѣсія. — Аррениусъ. Свободная энергія. — Л. А. Чугаевъ. Структурно-стереохимическія представленія въ области неорганической химіи. Цѣна 80 коп.

Готовятся къ печати слѣдующіе сборники, посвященные вопросамъ приложенія термодинамики къ химіи, радіоактивныхъ веществъ, валентности и химическаго строенія и химіи высокихъ химическихъ температуръ.

Цѣна 80 коп.

Книгоиздательство «ОБРАЗОВАНІЕ»,
СПб., Николаевская, 9. Телефонъ 75-51.
Московское отдѣленіе: Книжный складъ
«ОСВОБОЖДЕНІЕ», Б. Никитская, 22.

Тип. „Двигатель", Казначейская, 6.